

Сибирский государственный университет
науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева

Институт социального инжиниринга
Кафедра психологии и педагогики

ПСИХОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Сборник материалов
IV Международной научно-практической конференции
(23 апреля 2021 г., Красноярск)

Красноярск 2021

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Сибирский государственный университет науки и технологий
имени академика М. Ф. Решетнева

ПСИХОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

*Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции
(23 апреля 2021 г., Красноярск)*

Электронное издание

PSYCHOLOGY IN THE SYSTEM OF SOCIAL RELATIONS OF PRODUCTION

*Collection of materials of the IV International scientific and practical conference
(on April 23, 2021, Krasnoyarsk)*

Electronic edition

Красноярск 2021

© СибГУ им. М. Ф. Решетнева, 2021

УДК 159.923:316.6
ББК 88.5
П86

Редакционная коллегия:

Н. В. Лукьянченко (председатель),
А. А. Смирная, Е. А. Мухамедвалеева (заместители председателя)

Печатается по решению редакционно-издательского совета
университета

П86 **Психология в системе социально-производственных отношений** [Электронный ресурс] : сб. материалов IV Междунар. науч.-практ. конф. (23 апреля 2021 г., Красноярск). – Электрон. текстовые дан. (1 файл: 2,83 МБ). – Систем. требования : Internet Explorer; Acrobat Reader 7.0 (или аналогичный продукт для чтения файлов формата .pdf) ; СибГУ им. М. Ф. Решетнева. – Красноярск, 2021. – Режим доступа: <https://www.sibsau.ru/scientific-publication/>. – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-86433-857-5

Представлены результаты научных исследований в области психологии в системе социально-производственных отношений студентов, аспирантов и специалистов высших учебных заведений России и зарубежья.

В статьях сохранен авторский стиль изложения.

Информация для пользователя: в программе просмотра навигация осуществляется с помощью панели закладок слева; содержание в файле активное.

**УДК 159.923:316.6
ББК 88.5**

ISBN 978-5-86433-857-5

9 785864 338575

Подписано к использованию: 11.05.2021. Объем: 2,83 МБ. С 96/21.

Корректурa, макет и компьютерная верстка *Л. В. Звонаревой*.

Редакционно-издательский отдел СибГУ им. М. Ф. Решетнева.
660037, г. Красноярск, просп. им. газ. «Красноярский рабочий», 31.
E-mail: rio@mail.sibsau.ru. Тел. (391) 201-50-99.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	7
----------------------	---

ЛИЧНОСТНАЯ, ОРГАНИЗАЦИОННАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ПРОДУКТИВНОСТЬ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОСВЯЗИ И РАЗВИТИЯ

Брасс А. А. Селф-маркетинг как мягкая компетенция	8
Валуев О. С. Культурный героизм в искусстве психологической работы с антропологическим вызовом (80-летию А. А. Миронова)	13
Воробьева С. А., Шпак С. Л. Социально-психологическая деятельность колледжа по вовлечению обучающихся в социально значимую деятельность	18
Гагарина Ю. А., Кузина Д. В. Изучение уровня культуры полового просвещения современной молодёжи	22
Гостева О. В. Что даёт устойчивое преимущество в эпоху перемен?	28
Еременко М. С., Лукьянченко Н. В. Мотивационные цели использования студентами различных онлайн-площадок	33
Золотарева А. А. Апатия и организационное благополучие: связи с профессиональным выгоранием, увлечённостью и удовлетворённостью работой	37
Ксенофонтова Е. Г. Термины и смысловые поля как барьеры на пути повышения эффективности социально-производственных отношений	41
Кудрявцева Е. И. Психологическая наука как инструмент совладания?	45
Островский С. Н., Осмоловская К. Ю. Изучение ценностных ориентаций студентов архитекторов и программистов	50
Петрушихина Е. Б. Мотивация лидерства: новые подходы	54
Почебут Л. Г., Безносков Д. С. Эффективность социального капитала организации	57
Уткевич О. И. Д. И. Менделеев о соотношении личного и общественного компонентов продуктивности образования	61
Черчес Т. Е., Савельева А. М. Самооценка готовности педагога к инновационной деятельности	64
Шершнёва Т. В., Крошенко Д. С. Психологический анализ профессиональной направленности современных студентов	68

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Гостева О. В. Тренды цифровизации системы профессионального образования	73
Лимкина Н. А. Социально-психологические условия эффективности проектной деятельности в научной сфере	78
Полещук Ю. А., Т. Е. Черчес Т. Е. Метод проектов как фактор повышения качества профессионального обучения студентов студентов-психологов	83

ПРОБЛЕМЫ ЛИЧНОСТНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Кишея И. Л., Астрейко А. В. Особенности проявления этнической идентичности в период юности и средней зрелости	88
Кулько Е. И. Личность в информационном обществе: условия эффективной интеграции	91
Суровцева Ю. Г., Лукьянченко Н. В. Социальные идентификации студентов учреждения среднего профессионального образования	94
Титова О. И., Головкова Ю. В. Гендерные стереотипы: топ-10 качеств мужчин и женщин в социальном взаимодействии	99
Финогенова О. Н., Коловская О. А. Пробы как средство самоопределения молодежи	104

ВОПРОСЫ И НАХОДКИ ОТРАСЛЕВОЙ ПСИХОЛОГИИ

Берзина О. А. Анализ факторов, оказывающих влияние на карьерное самоопределение молодых людей	109
Волков Р. С. Особенности организационной идентичности у юниоров, занимающихся боксом	114
Гончарук Л. А., Кишея И. Л. Психологические особенности адаптации призывников к условиям прохождения срочной службы	116
Захарова Л. С., Лукьянченко Н. В. Роль психолога в оптимизации коммуникативного контакта с несовершеннолетним в ситуации допроса	119
Кивайко В. Н. Психологическое воздействие в искусстве управления персоналом	123
Красноперова Н. А., Чех В. Е. Психологические требования к личности ландшафтного архитектора в контексте её профессиональной продуктивности	127
Кудрявцева Е. А. Влияние Covid-19 на изменение идентичности гостей и специалистов предприятий спа-индустрии	132
Пахальян В. Э. Психологическая экспертиза в образовании: методологические аспекты	136

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ И ПРОИЗВОДНЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЛИЧНОСТИ

Азарёнок Н. В., Пономарева М. А. Психологическое благополучие и направленность личности руководителя	141
Алигаева Н. Н. Потребность в достижении цели как фактор психологического благополучия осужденных инвалидов	145
Аликин М. И., Лукьянченко Н. В. Работа с образами родителей в онлайн-консультировании как средство оптимизации жизнестойкости студентов	149

Водяха С. А., Водяха Ю. Е. Взаимосвязь совладания с Ковид-19 с интернет-активностью и психологическим благополучием школьников	154
Воробьева С. А., Дайлиденко В. А. Эбрутерапия в практике работы психоневрологического дома-интерната для престарелых и инвалидов	159
Гадилия А. М., Месникович С. А. Эмоциональная регуляция поведения студентами в ситуации пандемии	162
Смирная А. А., Иванов И. А. Особенности стрессоустойчивости обучающихся в зависимости от их типа темперамента	165
Талипова О. А. Профессиональное выгорание как фактор психологического неблагополучия работников банковской сферы	170
Лихошерстова Н. А. Социально-психологические аспекты формирования социально-адаптационных процессов у выпускников детских домов	173
Сведения об авторах	178

От редколлегии

23 апреля 2021 г. кафедрой психологии и педагогики Института социального инжиниринга СибГУ была проведена IV Международная научно-практическая конференция «Психология в системе социально-производственных отношений».

Психология как отрасль познания охватывает в качестве своего объекта практически все уровни жизнедеятельности личности и общества и имеет богатый потенциал для решения широкого круга проблемных вопросов современного человека, включённого в множественные системы отношений. Этот потенциал задействуется далеко недостаточно. Цель проводимой уже в четвёртый раз конференции – консолидация опыта ученых и практиков, работающих в направлении развития теоретических и научно-практических психологических подходов к повышению эффективности социально-производственных отношений.

В сборнике конференции представлены работы 54 авторов, среди которых работники и руководители организаций и предприятий социальной и производственной сфер, студенты, аспиранты и преподаватели вузов, кандидаты и доктора наук из Республики Беларусь (Минск, Барановичи, Горки, Витебск), России (Москва, Санкт-Петербург, Калуга, Казань, Екатеринбург, Саранск, Красноярск).

Тематические направления конференции определяются пятью секциями:

1. Личностная, организационная и социальная продуктивность: психологические аспекты взаимосвязи и развития.
2. Социально-психологические условия эффективности проектной деятельности.
3. Проблемы личностной и социальной идентичности в современном российском обществе.
4. Вопросы и находки отраслевой психологии.
5. Социально-психологические факторы и производные психологического благополучия личности.

Статьи, опубликованные в сборнике конференции, выполнены в нескольких публикационных жанрах: аналитические обзоры теории и практики психологических изысканий; прикладные исследования; описание продуктивных практик, опирающихся на понимание социально-психологических механизмов и закономерностей.

Также на конференцию представлены доклады, с которыми можно ознакомиться по ссылке <https://disk.yandex.ru/d/bH2O54dgGqPEyA?w=1>:

1. Пахальян В. Э. «Актуальные проблемы практической психологии».
 2. Финогенова О. Н., Коловская О. А. «Пробы в процессах самоопределения молодёжи».
 3. Титова О. И. «Гендерные стереотипы: ТОП 10-ти качеств мужчин и женщин в социальном взаимодействии».
 4. Гагарина Ю. А. «Изучение уровня культуры полового просвещения современной молодёжи».
 5. Лукьянченко Н. В. «Мифы воспитания» (научно-популярная лекция, мастер-класс).
-

ЛИЧНОСТНАЯ, ОРГАНИЗАЦИОННАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ПРОДУКТИВНОСТЬ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОСВЯЗИ И РАЗВИТИЯ

УДК 159.923:316.6

СЕЛФ-МАРКЕТИНГ КАК МЯГКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ

А. А. Брасс

*доцент, Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
г. Минск, Республика Беларусь
E-mail: brass1907@tut.by*

Рассмотрен селф-маркетинг как мягкая компетенция работников. Показана его значимость на современном рынке труда. Дана характеристика основных процедур селф-маркетинга.

Ключевые слова: рынок труда, рабочая сила, товар, стоимость, компетенция, селф-маркетинг, продажа, работодатель.

SELF-MARKETING AS A SOFT COMPETENCE

The article discusses self-marketing as a soft competence of employees. It shows its importance in the modern labor market. The characteristic of the main procedures of self-marketing is given.

Keywords: labor market, labor force, goods, cost, competence, self-marketing, sales, employer.

Сегодня можно говорить двух глобальных тенденциях, складывающихся на рынке труда:

– динамичность, которая выражается в постоянном появлении новых и отмирании старых специальностей, что достаточно хорошо показано в [1], причем происходит это увеличивающимися темпами;

– рост конкурентности, отражающийся, с одной стороны, в борьбе специалистов за комфортные, высокооплачиваемые рабочие места, с другой стороны, в стремлении работодателей привлекать наилучшие кадры, что приводит к появлению все более изощренных и жестких методов рекрутинга и отбора персонала [2–5], в том числе с использованием IT-технологий.

Стремление людей выгодно продавать себя (свои знания и умения) на конкурентном рынке труда требует наличие у человека разнообразных, дополняющих друг друга компетенций, которые можно разделить:

на профессиональные компетенции, необходимые для выполнения непосредственных функциональных обязанностей. В процессе трудовой жизни эти компетенции могут не только наращиваться, но и утрачивать свою актуальность вследствие появления новых технологий в разных сферах человеческой деятельности;

компетенции других профессий, которые можно применять во благо организации. Например, бухгалтер может быть очень хорошим фотографом, и не использовать это с пользой для компании будет очень большой ошибкой;

мягкие компетенции [6], к числу которых и относится селф-маркетинг.

Значимость селф-маркетинга в современной жизни определяется следующим:

1) любой сколько-нибудь амбициозный человек должен сам заботиться о том, чтобы как можно дороже продать работодателю собственную рабочую силу (синергетическое объединение дарованных природой и развитых трудом способностей, приобретенных знаний и навыков, энергии, работоспособности и предприимчивости). Ведь всем другим людям это не интересно и не нужно;

2) высокооплачиваемым специалистом сегодня становится не тот, кто умеет эффективно выполнять свои профессиональные обязанности, а тот, кто в дополнение к этому умеет презентовать себя и свои достижения, т. е. является узнаваемым, востребованным и, как следствие, дорого покупаемым специалистом;

3) в условиях рыночной экономики справедливы четыре фундаментальных принципа [7]:

– свобода, подразумевающая, что каждый человек может, при желании, получить образование в выбранной им сфере профессиональной деятельности, и найти или создать себе рабочее место в соответствии со своей специальностью и квалификацией;

– конкуренция, в соответствии с которой, с одной стороны, каждый человек, приобретя востребованную на рынке специальность, может предложить свои трудовые усилия любой организации, с другой стороны, организация может среди множества специалистов выбрать наиболее ей подходящего по профессиональным и личным качествам;

– свободное ценообразование, предполагающее, что человек может сам определить цену, по которой он считает нужным предлагать свои компетенции и трудовые услуги работодателю. В тоже время организация может сама определять цену, по которой ей выгодно приобретать предлагаемые людьми трудовые услуги. Это сочетание спроса и предложения формирует среднюю цену специалистов соответствующих специальности и квалификации на региональном рынке труда;

– движущей силой экономики является желание человека постоянно повышать свой уровень жизни. Для работника это означает возможность благодаря дополнительным усилиям и повышению квалификации повысить ценность своей рабочей силы. При этом необходимо учитывать, что на рынке труда взаимодействуют две тенденции. С одной стороны, с ростом оплаты труда специалистов определенной специальности объем их предложения возрастает. С другой стороны, при достаточно высокой оплате труда, люди стремятся меньше работать, высвобождая время для своих хобби и саморазвития.

Из выше сказанного следует, что человек, заинтересованный в эффективной продаже самого себя как трудового ресурса, должен выполнить несколько значимых операций.

1. Признаться самому себе в том, что если не он сам, то его рабочая сила является товаром, продаваемым на рынке труда. И, как товар, он мало чем отличается от других товаров. Например, от тех, которые сам покупает в магазине. Основное отличие, пожалуй, заключается в том, что человек активен. Он обладает волей, своими желаниями и потребностями, благодаря которым у него формируется собственное представление о своей ценности.

2. Как ни банально это звучит, прочитать хороший (классический) учебник по маркетингу, где изложены базовые положения науки о продажах. Но при чтении этого учебника следует обращать внимание не на то, как что-либо нужно продавать на некоем продуктовом рынке, а на то, как следует самого себя продавать на рынке труда. В крайнем случае, если лень читать учебник, можно, зайдя в магазин, обратить внимание на то, как люди делают покупки. Ведь в магазине они покупают те товары, которые, во-первых, им знакомы, качество которых их никогда не подводило, во-вторых, выделяются среди подобных, обращая на себя внимание покупателей.

На рынке труда все происходит точно так же. Человеку проще дороже продать себя, если:

1) его знают и позитивно оценивают в профессиональной среде. Критерием этого являются поступающие человеку предложения о смене места работы. Чем их больше, тем дороже человек может продать свою рабочую силу;

2) он может объяснить самому себе и работодателю, чем он отличается от своих коллег, что он может предложить работодателю такого, что не могут дать другие такие же, как он

специалисты. Например, можно быть хорошим главным инженером промышленного предприятия, глубоко разбирающимся в вопросах управления персоналом. Именно этим он отличается от других главных инженеров. Ведь успехов в жизни люди достигают не благодаря тому, чем они похожи на других, а благодаря тому, чем они отличаются от них. Для специалиста важно, чтобы у возможных работодателей его имя ассоциировалось с его профессионализмом в определенной области. Говорим: «специалист по работе с персоналом при проведении изменений», подразумеваем: «Иван Иванович Петров»;

3. Вне зависимости от возраста, постараться самому себе ответить на вопрос: «Как я хочу жить через пять-десять лет?». Ведь как отмечал Джон Голсуорси: «Если вы не думаете о будущем, у вас его не будет». О значимости видения и планирования собственного будущего сегодня написано не мало. Желаящие могут хотя бы посмотреть фильм Дрю Хэриота «Секрет».

Здесь стоит отметить, что многие люди сегодня связывают свой жизненный успех со строительством вертикальной карьеры. Хотя, наверное, всем людям понятно, что не каждый может быть хорошим музыкантом или хирургом. Но мало кто сомневается в том, что он сможет стать хорошим руководителем. А ведь умение добиваться запланированных результатов деятельности организации (подразделения), сохраняя и развивая позитивные отношения с работниками, может далеко не каждый. Помимо этого, управленческая деятельность далеко не всем и не всегда обеспечивает получение большого числа позитивных эмоций, которые обеспечивают нам состояние счастья. Поэтому можно предположить, что для человека гораздо важнее найти в своей карьере «теплое место», находящееся на пересечении трех векторов: что я умею делать хорошо; что мне нравится делать; что кому-то нужно (т. е. за что кто-то согласен платить).

4. Формирование собственного портфолио достижений. Ведь потенциальному работодателю интересно не просто перечисление занимаемых человеком должностей, а конкретные результаты деятельности.

5. Проведение личного SWOT-анализа, т. е. определение собственных сильных и слабых сторон на фоне внешних шансов и угроз. Его целью является оценка конкурентоспособности человека на рынке труда в текущий момент и в перспективе. Провести такой анализ не так просто, как может показаться. Ведь, во-первых, придется определять тенденции, складывающиеся на рынке труда и факторы на него влияющие. Во-вторых, оценивать самого себя. Начинать такую оценку можно с ответа на вопросы-утверждения, представленные в таблице. Если хотя бы на некоторые из них человек может дать положительный ответ, то у него, как трудового ресурса, явно существуют проблемы. И в этом случае анализ собственных сильных и слабых сторон становится весьма и весьма актуальным. Если же положительных ответов на вопросы таблицы нет, то такой анализ также не лишен смысла. Хотя бы для того, чтобы знать, какие свои сильные стороны можно использовать для нейтрализации будущих угроз.

Вопросы для анализа конкурентоспособности человека на рынке труда

№ п/п	Для человека характерны
1	Частая смена мест работы
2	Частое нарушение взятых на себя обязательств
3	Нерациональное использование рабочего и личного времени
4	Зарплата обычно ниже, чем средний по рынку для данной категории работников
5	При возможности частое откладывание работы «на потом»
6	Не очень внимательное отношение к собственному здоровью
7	Отсутствие навыков совместной деятельности
8	Частые конфликты с другими людьми
9	Отсутствие стремления повышать качество выполняемой работы
10	Отсутствие желания собственного развития и сопротивление организационным изменениям

В своем классическом виде SWOT-анализ – это двухфакторная модель [8, с. 124–134]. Реализовывать ее на практике целесообразно в три этапа.

Этап 1: определение ключевых компетенций, обеспечивающих успех в конкурентной борьбе в избранной сфере профессиональной деятельности. Выделить их в принципе не сложно. Гораздо сложнее разделить их на составные части и определить знания и умения, составляющие ключевые компетенции. Но это необходимо. Ведь утверждение типа: «Маркетолог Ваня лучше маркетолога Пети», – мало что объясняет. Важно понимать, какие конкретные аспекты маркетинговой деятельности являются сильными сторонами Вани и слабыми сторонами Пети.

Этап 2: выбор системы отнесения для определения личных сильных и слабых сторон. Достаточно очевидно, что отвечая на вопрос о том, является уровень развития данной компетенции сильной или слабой стороной конкретного специалиста, необходимо,

во-первых, понимать, что уровень развития компетенций – понятие относительное с точки зрения специальностей, рынков, других специалистов и т. д.;

во-вторых, определить в сравнении с кем и в каких условиях будет проводиться анализ компетенций, т. е. знать конкурентную среду. Ведь невозможно провести хорошую оценку компетенций человека без определения его конкурентов. Здесь возможны три подхода, совокупность которых называется бенчмаркингом, и которые достаточно хорошо разработаны и используются для определения конкурентоспособности организаций [8, с. 127–129].

Первый из них – это сравнение с конкурентом, у которого выбранные на первом этапе компетенции и их составляющие развиты гораздо лучше, чем у оцениваемого специалиста. Второй подход – это одновременное сравнение с несколькими конкурентами, у которых компетенции в своей совокупности имеют средний по рынку уровень развития. Третий подход состоит в поиске специалистов, работающих в иных отраслях, но имеющих очень высокий уровень развития анализируемых компетенций, поскольку именно такой уровень необходим для работы в этих отраслях. На основе либо одного из этих подходов, либо используя их совокупность можно определить эталонного конкурента. При его выборе можно использовать следующие критерии:

– результативность работы (достижения) – такие же, как у оцениваемого специалиста или выше, растет более высокими темпами;

– рыночное поведение – постоянно заявляет о себе, развивает личный бренд;

– заработная плата – существенно выше средней по рынку;

– выполняемая работа – высокого качества, часто предлагает различные новшества;

– развитие компетенций – постоянное, часто участвует в различных образовательных программах, часто выходящих за рамки профессиональной деятельности.

Человек, удовлетворяющий хотя бы части обозначенных критериев, безусловно, является серьезным конкурентом на рынке труда. Но одновременно он будет и хорошим «дорожным указателем» для более слабых конкурентов, поскольку:

– сравнение с серьезным конкурентом позволит специалисту достаточно адекватно выявлять свои силу и слабость;

– на такой основе не очень сложно выстроить программу собственного развития, позволяющую специалисту приблизиться к эталонному конкуренту по уровню развития компетенций;

– анализируя причины успехов и неудач серьезного конкурента, можно самому научиться грамотно использовать свои компетенции, реагируя на вызовы внешнего мира и используя предоставляемые им возможности.

Очевидным недостатком бенчмаркинга является необходимость затрат времени и усилий на его проведение. Но изучать рыночное поведение людей может быть не только полезно, но и интересно само по себе.

Этап 3: создание личного конкурентного профиля на основе перечня ключевых компетенций и их составляющих и результатов анализа конкурентов. При его разработке необхо-

можно сравнить себя с одним (главным) или несколькими конкурентами, определяя свои сильные и слабые стороны. Одновременно стоит, хотя бы концептуально, разрабатывать программу собственного развития.

Библиографические ссылки

1. Атлас новых профессий. М. : Московская школа управления «Сколково», Агентство стратегических инициатив, 2015. 288 с.
2. Если нужны только лучшие сотрудники. Методы отбора персонала [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://hr-profi.ru/articles/podbor-i-otsenka/metody-otbora-personala/> (дата обращения: 05.03.2021).
3. Леонова Е. 9 методов современного рекрутинга в 2019 году [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://hurma.work/ru/blog/9-metodov-sovremennogo-rekrutinga-v-2019/> (дата обращения: 04.03.2021).
4. Макаревич А. 4 новых метода рекрутинга: опыт французских компаний [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://hrliga.com/index.php?module=news&op=view&id=20597> (дата обращения: 04.03.2021).
5. Михалык Т. Методы отбора персонала: различия и эффективность использования [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.cfin.ru/management/people/predictive_validity.shtml (дата обращения: 04.03.2021).
6. Брасс А. А. Мягкие компетенции в современной экономике // Проблемы устойчивого развития в отраслевом и региональном аспекте : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (14 мая 2020 года, Тюмень) : в 2 т. Т. 1 / отв. ред. Е. А. Корякина. Тюмень : ТИУ, 2020. С. 198–202.
7. Исаев В. В. Маркетинг личности [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.marketing.spb.ru/lib-mm/tactics/personality.htm> (дата обращения: 09.03.2021).
8. Брасс А. А. Менеджмент. Основные понятия. Функции. Методы. Виды : учеб. пособие. Минск : Мисанта, 2018. 514 с.

© Брасс А. А., 2021

УДК 304.444

КУЛЬТУРНЫЙ ГЕРОИЗМ В ИСКУССТВЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ С АНТРОПОЛОГИЧЕСКИМ ВЫЗОВОМ (80-ЛЕТИЮ А. А. МИРОНОВА)

О. С. Валуев

*младший научный сотрудник Школы антропологии будущего
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: o.valuev@yandex.ru*

В условиях фазового перехода все более усиливаются антропологические вызовы как вызовы человеческого, приводящие к сложным социально-психологическим последствиям, порождая целый ряд феноменов. Показано, что одним из самых опасных феноменов является утрата человека и человеческого. Индивидуальное прохождение данного этапа истории требует культурных примеров и практик. В анализе актерской игры и жизни А. А. Миронова прослежено появление культурного героя и его искусство психологической работы с антропологическим вызовом через изменение творческого напряжения. Показано значение бытия собой в объединении разных планов через развитие легкости импровизации и драматизации, регулируемых мечтой о свободе.

Ключевые слова: антропологический вызов, культурный героизм, А. А. Миронов, легкость бытия, легкость игры, импровизация, драматизация, мечта о свободе.

CULTURAL HEROISM IN THE ART OF PSYCHOLOGICAL WORK WITH AN ANTHROPOLOGICAL CHALLENGE (TO THE 80th ANNIVERSARY OF A. A. MIRONOV)

In the conditions of the phase transition, anthropological challenges are increasingly becoming stronger as human challenges, leading to complex socio-psychological consequences, giving rise to a certain number of phenomena. This issue shows, one of the most dangerous phenomena is the loss of a person and humanity. Individual overcoming of this historical stage requires cultural examples and practices. The emergence of a cultural hero and his art of the psychological work with an anthropological challenge is traced in the analysis of the actor's game and the life of A. A. Mironov through a change in creative tension. It shows the importance of being yourself in a non-diffuse linking of different life's plans through the improvisational and dramatized lightness's development, regulated by the freedom's dream.

Keywords: anthropological challenge, cultural heroism, A. A. Mironov, lightness of being, lightness of actor's game, improvisation, dramatization, freedom's dream.

Антропологический вызов все чаще рассматривается в психологии как вызов человеческого, обращенного к человеку и его жизненному миру. В экзистенциальной антропологии «вызов человеческого – это выбор между путями наибольшего и наименьшего сопротивления, между сбережением усилий и вложением усилий. Между упрощением и усложнением себя» [12, с. 9]. Выделяются фундаментальные антропологические вызовы: разнообразие, неопределенность, сложность и ответственность [34], историчность (неодновременности и многополярности), аффективность (постиронии) и глубина (постправды) [1]. Происходит постоянное расширение поля психологического анализа [9], включающего в себя различные социокультурные и смысловые контексты в повседневной жизни и глобальных измерениях

человеческого бытия, обращаясь к психотерапии, антропологии, философии, художественной литературе и искусству.

Междисциплинарность антропологического вызова становится более выраженной в переходные исторические периоды, когда расшатываются социальные устои, утрачиваются ценностные основания, меняется культура. В. А. Подорога писал, что «неустойчивость образа современной культуры очевидна. Время ничего не значит, сегодняшняя культура оказалась вне времени, мы не можем схватить ее временной гештальт» [21, с. 158]. Утрата значимости времени ведет к потере его осмысленности [25] и связности с пространством [17], к распаду хронотопа [4], что приводит к «хронологическому неврозу» [5, с. 25]. Утрата значимости времени связывается с самоутратой человека, возникновением внутренних пустот [18]. Утрата человеческого проявляется в ряде феноменов: «обладание» [26], «пустой человек» [18], «экзистенциальный вакуум» [24], «экзистенциальный эскапизм» [13], разрушение [30], «текущее зло» [3], «хронологический невроз» [5], «цифровой человек», «аватарный мир» [6] и др. Это связывается с формообразованием зла [3], усугубляясь в силу распространения коронавируса как триединства эпидемии, инфодемии и ноодемии.

С. С. Хоружий рассмотрел риски глобального развития, доказав, что «все наиболее высокозначимые риски являются антропогенными» [27, с. 157], а «высший риск – тоже риск ухода человека как такового...» [там же, с. 155]. Антропологические вызовы подводят нас к пределам человеческого, за которым стоит его утрата. С другой стороны, эти вызовы все сложнее переживаются человеком, вызывая необходимость личного участия, ответственности, поэтому порождают стремление к развитию человеческого в себе и мире, создавая ряд феноменов: реальность [23], бытие [15], благополучие [26], «поиск себя» [18], «поиск смысла» [24], доброта [7], саморазвитие [32], «экзистенциальная дерзость» [6], «космочеловеческий мир» [5] и др. Поэтому именно в такие периоды истории в философии [27], политике [21], общественном сознании [29], науке [24], литературе [22], жизни [18] появляются культурные герои, образуя новую мировую интеллектуальную элиту, духовную общность и отчасти составляя незримое общество вечных поэтов. Культура снабжает человека сетью смыслов и интерпретативных инструментов, конструирует ценности нашей жизни в разных культуральных матрицах; потеря своего «Я» связана с утратой знакомой культуры, переходом в другую культуру [2]. Эти инструменты и культурные практики берутся у культурных героев, реальных и воображаемых. Порождение культурных практик и образов жизни есть результат культурного героизма. Культурный герой существует вне времени, ибо он свободно разрывает цепь событий, совершая прорыв в вечность. Именно поэтому у них получается справиться с шекспировской задачей связывания времен. Сегодня эта задача стоит перед каждым из нас: «Творчество есть, по сути дела, процесс целостного развития каждой индивидуальности» [10, с. 228]. Развивая смеховую культуру, героизм, продуктивные ориентации личности, культивируя бытийные ценности, творческое начало, экзистенциальную дерзость, человек обретает себя и отстаивает свое собственное бытие в постоянно меняющемся мире. Для этого ему нужны реальные примеры других людей, проделавших этот путь, примеры культурного героизма.

7 марта 2020 года исполнилось 80 лет со дня рождения известного актера театра и кино, народного артиста РСФСР, культурного героя и величайшего импровизатора своего времени – Андрея Александровича Миронова. Его блистательная карьера, высокая популярность и народная любовь сочетались с интеллигентностью, высокой работоспособностью, личностной свободой, ответственностью, духовностью и развитым чувством юмора. А. Н. Лук утверждал необходимость большой силы духа для трансцендирования неприятных и сложных жизненных ситуаций, выявления в них комического содержания, что связывалось им с наличием чувства юмора [14]. В. Франкл определял иронию методическим приложением «упрямства духа» [25]. Так, юмор Андрея Миронова показывал высокую внутреннюю и внешнюю свободу, свободу быть и действовать. Открыто драматизируя и свободно импровизируя, А. А. Миронов сосредотачивал высокое напряжение на сцене и в кадре, позволяя себе изме-

нять интенсивность работы с художественным материалом. По убеждению К. Эрберга, творчество импровизатора и сводится к совмещению истолковательного и организационного творчества «в одной и той же личности, но и в одном и том же моменте времени» [33, с. 90]. Миронов экзистенциально дерзает своей импровизацией, создавая при этом определенный образ и типаж, а затем его преодолевая, как преодолевают себя сами художественные герои. Особенно это заметно по исполнению ролей Маркиза в «Достоянии республики» (1971), Андрея Васильева из «Невероятных приключений итальянцев в России» (1973), Павла Фарятыева, Орландо в «Сказке странствий» (1979), Джонни Феста в «Человеке с бульвара Капуцинов» (1987) и др. Эти персонажи ответственно приняли антропологический вызов ситуации, эпохи, судьбы. Антропологические вызовы стали вызовами личности, личными вызовами жизнотворчества во взаимодействии актера и персонажа, открывая возможности для импровизации. Культурный героизм человека делает вызов человеческого личным призывом к свободе и творчеству, в чем есть сильное утверждение своего бытия-в-мире.

В философском и метафизическом отношениях А. А. Мироновым была проделана особая работа, укладывающаяся в определенную культурно-историческую линию. В ее развитии Ф. Ницше полагал, что «принцип существования энергии требует вечного возвращения» (см. 1063: [19, с. 555]), понимаемого по-разному [16], преодолеваемого сверхчеловеком. Позднее, М. Кундера писал, что «вечное возвращение» нагружает бременем ответственности, предлагая взамен случайность и неповторимость всего происходящего: лишаясь значения и веса, человеческое бытие становится легким и поэтому «невыносимым» [11]. Это разделение чувств и разума помогает в борьбе с китчем как экзистенциальной категорией: помогает понять различие между тяжестью жизненных драм и «невыносимой легкостью бытия» [31]. Конечно, чувствуется сходство с произведением И. А. Бунина «Легкое дыхание» (1916), в котором Оля Мещерская приняла легкость отношений за признак женской красоты и образец поведения. Анализируя эту новеллу, Л. С. Выготский показал значение искусства в преодолении ужаса и тяжести жизни: форма преодолевает содержание [8]. Неприятие антропологического вызова как тяжести жизни подменяется легким дыханием, что ведет к рассеиванию последнего «в этом холодном весеннем ветре...» [там же, с. 422], к неразумной смерти, хотя, как подметил А. А. Миронов, «в нашей стране, чтобы жить, нужно умереть» [28]. Это совершенно христологическое утверждение не оправдывает образа жизни Оли, но разрешает вопрос о тяжести и легкости бытия другим путем – через утверждение личного антропологического вызова культурного героя в жертвенной форме творчества. В этой связи в театральной среде говорят о невероятной, почти неземной легкости игры Миронова как об особенном стиле театральной жизни. Эта спонтанность есть в образах Козодоева, Цезаря Борджиа в «Тени» (1971), Фадинара, Остапа Бендера, Фигаро и др. «Спонтанность – это фактор, оживляющий все психические феномены, придавая им новизну, свежесть и гибкость» [17, с. 140]. Тяжесть антропологического вызова переходит здесь в художественное пространство, где персонаж выступает динамическим знаком [20], а личность актера обретает новую свободу творческой импровизации. Легкость бытия выносится на сцену, которая одновременно моделирует сцены настоящей жизни, сценирует человеческую жизнь. И в этом пространстве ей требуется ответная легкость актерской игры, создаваемая спонтанностью личности, ее свободой и творческой импровизацией. Поэтому такое «вынесение» имеет методологический характер, но отличается от известного хода Г. П. Щедровицкого и его последователей из ММК, поскольку происходит в пространстве художественного мира, а не в пространстве мышления. Легкость бытия становится основополагающей энергией в создании художественного образа и актера, работающего с ним. И в этом есть методологический ход, при котором происходит различение разных планов жизни культурного героя, в одном из которых доминирует жизнь, в другом – игра. Их взаимоотношения организуют динамику художественного хронотопа: динамический знак и реальность постоянно «поправляют» друг друга [там же]. Тяжесть и легкость перераспределяются, придавая весомость отдельным творческим актам и всему существованию человека.

Легкость игры создается усиленной работой актера над собой, всем образом его жизни. Культурный герой применяет и порождает различные культурные практики в жизнетворчестве и работе с антропологическим вызовом. Среди культурных практик, используемых А. А. Мироновым в развитии спонтанности и свободы творчества, – путешествия, пение, слушание музыки, творческое общение с коллегами и публикой, открывание себя новому, актерская импровизация, театр для самопознания и познания мира, благоустройство быта для поддержания образа жизни. Как культурный герой, Миронов глубоко драматизирует жизнь, вовлекая зрителей в творческий процесс. В интервью и выступлениях он говорил о своем оптимизме, любви к искренности в искусстве и отношениях, переживаниях счастья и радости как источников доброты, понимании мотивов своего профессионального действия, стремлении к лучшему, к полной жизни. Во многом здесь работает «вера творца в свою свободу и вера толпы в чудо творца» [33, с. 101]. Культурный героизм транслируется по «личностному каналу» нашей свободы и ответственности, что помогает обрести глубину человеческого в самом себе и других людях: «Так мечтою о свободе заражает человек-творец души других людей и тем подвигает их на творчество» [там же, с. 105]. Мечта о свободе объединяет бытийные планы, выступая динамической смысловой системой в творческой импровизации и драматизации жизни.

Личность встречается с антропологическим вызовом, когда перестает отрицать его тяжесть, возвращая собственную значимость и значимость своей жизни путем перераспределения творческого напряжения культурными практиками развития мечты о свободе. Тем самым во встрече с антропологическим вызовом культурный героизм входит в жизненную и личностную формы достоинства человека, обретая глубину человеческого в творчестве и свободе.

Библиографические ссылки

1. Аккер ван ден Р. Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма ; пер. с англ. В. М. Липки. М. : Рипол классик, 2020. 496 с.
2. Анолли Л. Психология культуры ; пер. с ит. Ю. С. Вовк. Харьков : Гуманитарный центр, 2016. 480 с.
3. Бауман З., Донскис Л. Текучее зло: жизнь в мире, где нет альтернатив ; пер. с англ. А. И. Самариной. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2019. 296 с.
4. Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 3. Теория романа (1930–1961). М. : ЯСК, 2012. 880 с.
5. Валуев О. С. Личность и управление в бытии и действии: разница потенциалов // Личность: ресурсы и потенциал. 2020. № 4 (8). С. 25–32.
6. Валуев О. С. Цифровой человек в аватарном мире: экзистенциальный эскапизм vs. экзистенциальная дерзость // Культурные индустрии в институтах общества потребления : Всерос. науч. конф. (7–8 апреля 2020 г.) ; отв. ред. С. А. Маленко, А. Г. Некита. Великий Новгород : НовГУ, 2020. С. 307–319.
7. Вучков Ю. Искусство жить ; пер. с болг. М. Лекомцевой. М. : Политиздат, 1989. 288 с.
8. Выготский Л. С. Психология искусства. СПб. : Азбука, 2016. 448 с.
9. Гусельцева М. С. Психология повседневности в свете методологии латентных изменений. М. : Акрополь, 2019. 375 с.
10. Диалектика свободы как творчества / отв. ред. Ж. Абдильдин. Алма-Ата : Наука, 1989. 232 с.
11. Кундера М. Невыносимая легкость бытия: роман ; пер. с фр. Н. М. Шульгина. М. : Азбука-классика, 2003. 352 с.
12. Леонтьев Д. А. К экзистенциальной антропологии // Седьмая Всерос. науч.-практ. конф. по экзистенциальной психологии (29 апреля – 1 мая 2019 г.) ; под ред. Д. А. Леонтьева, А. Х. Фам. М. : Смысл, 2019. С. 5–10.

13. Литинская Д. Г. Экзистенциальный эскапизм: новая проблема общества открытой информации. М. : Левъ, 2013. 212 с.
14. Лук А. Н. Эмоции и личность. М. : Знание, 1982. 176 с.
15. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы ; пер. с англ. Г. А. Балл, А. П. Попогребский. М. : Альпина нон-фикшн, 2011. 496 с.
16. Можейко М. А. Вечное возвращение // История философии. Энциклопедия. Минск, 2002. С. 171–176.
17. Морено Я. Л. Психодрама ; пер. с англ. Г. Пимочкиной, Е. Рачковой. М. : Психотерапия, 2008. 496 с.
18. Мэй Р. Человек в поисках себя ; пер. с англ. А. Багрянцевой. М. : ИОИ, 2012. 224 с.
19. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей ; пер. с нем. Е. Герцк. М. : Культурная Революция, 2005. 880 с.
20. Петровская Е. Возмущение знака. Культура против трансценденции. М. : Common place, 2019. 288 с.
21. Подорога В. А. Апология политического. М. : ВШЭ, 2010. 288 с.
22. Солженицын А. И. Подлинная свобода: избранная публицистика в годы изгнания. СПб. : Азбука, 2015. 320 с.
23. Франк С. Л. Реальность и человек: метафизика человеческого бытия. М. : АСТ, 2007. 382 с.
24. Франкл В. Воспоминания ; пер. с нем. Л. Сумм. М. : Альпина нон-фикшн, 2016. 196 с.
25. Франкл В. Доктор и душа: логотерапия и экзистенциальный анализ ; пер. с нем. Л. Сумм. М. : Альпина нон-фикшн, 2017. 338 с.
26. Фромм Э. Искусство быть ; пер. с англ. А. Александровой. М. : АСТ, 2013. 348 с.
27. Хоружий С. С. Проблематика рисков современности: концептуальные основания и ведущие подходы // Фонарь Диогена. Человек в многообразии практик. 2015. № 1. 477 с.
28. Цитаты легендарного Андрея Миронова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cameralabs.org/9060-tsitaty-legendarnogo-andreya-mironova> (дата обращения: 08.04.2021).
29. Чаадаев П. Я. Апология сумасшедшего: избранные сочинения. Письма. Воспоминания современников. СПб. : Лениздат, 2014. 288 с.
30. Чиркова Т. И. Психология разрушения. М. : Вузовский учебник, 2015. 192 с.
31. Шерлаимова С. А. Милан Кундера и его романная философия. М. : Индрик, 2014. 272 с.
32. Щукина М. А. Психология саморазвития личности. СПб. : СПбГУ, 2015. 348 с.
33. Эрберг К. Цель творчества. Опыты по теории творчества и эстетике. М. : Вузовская книга, 2006. 208 с.
34. Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен ; под общ. ред. А. Г. Асмолова. М. : ИД ЯСК, 2018. 546 с.

© Валуев О. С., 2021

УДК 37.062.2

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОЛЛЕДЖА ПО ВОВЛЕЧЕНИЮ ОБУЧАЮЩИХСЯ В СОЦИАЛЬНО-ЗНАЧИМУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

С. А. Воробьева¹, С. Л. Шпак²

¹старший преподаватель, ²студент,

Витебский государственный университет имени П. М. Машерова,

г. Витебск, Республика Беларусь

E-mail: Vorobjova_s@bk.ru

Обозначены направления социально-психологической деятельности сотрудников УО «Витебский государственный профессионально-технический колледж сельскохозяйственного производства» по вовлечению обучающихся в социально-значимую деятельность. Проведен опрос среди обучающихся, с целью изучения их участия в социально-значимой деятельности, как в условиях колледжа, так и вне его стен, определено место психологического знания в данном направлении работы колледжа.

Ключевые слова: социально-психологическая деятельность, обучающиеся, социально-значимая деятельность, волонтерство, волонтер.

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL ACTIVITIES OF THE COLLEGE ON INVOLVING STUDENTS IN SOCIALLY SIGNIFICANT ACTIVITIES

The directions of the social and psychological activities of the employees of the educational institution "Vitebsk State Vocational and Technical College of Agricultural Production" for the involvement of students in socially significant activities are outlined. A survey was conducted among students, in order to study their participation in socially significant activities, both in college conditions and outside its walls, the place of psychological knowledge in this direction of college work was determined.

Keywords: social and psychological activity, students, socially significant activity, volunteering, volunteer.

В психолого-педагогической литературе зачастую можно встретить утверждение, что успешное развитие личности определяется ее субъектностью. А это значит, что для того, чтобы быть успешным в профессии, семье и иных сферах, человек должен стать активным субъектом собственной жизнедеятельности. Для этого человеку необходимо овладеть разными социальными ролями, не всегда напрямую связанными с избранной профессией. Освоение этих социальных ролей лучше всего происходит в период обучения через освоение социально-значимой деятельности. Это связано, прежде всего, с особенностями подросткового и юношеского возраста, когда молодые люди находятся в поиске себя, своих интересов, дела своей жизни, а также с тем, что в период обучения у молодых людей гораздо больше свободного времени, которое можно структурировать, нежели чем у людей занятых на работе.

Известно, что в последние годы усилилось отчуждение молодого поколения от общественной жизни. Психолого-педагогическая наука неоднократно обращалась в исследованиях к проблеме интеграции молодежи и общества. Проблемы социальной интеграции исследовались в работах Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, П. Сорокина; социально-личностной ориентации в обучении в трудах Н. А. Алексеева, В. И. Загвязинского; концепция «всесторонне развитой личности» как одна из моделей самореализации получила свое развитие в трудах Ю. К. Бабан-

ского, И. П. Иванова, Т. А. Ильиной, В. А. Каракоровского; воспитание как социальное явление рассматривалось в теории социализации, разрабатываемой И. С. Коном, А. В. Мудриком, В. Д. Семеновым; целостное восприятие процессов развития и социального становления личности молодого человека отражено в трудах Л. И. Божович, Л. С. Выготского, В. В. Давыдова, С. Л. Рубинштейна, Д. Б. Эльконина.

В психолого-педагогической литературе нет единого подхода к определению понятия социально-значимой деятельности, разные авторы предлагают свое определение. Наиболее широкое понятие дает Н. Ю. Слепова. Она рассматривает ее как деятельность, направленную на личностно-ценностное восприятие, понимание и преобразование окружающей действительности с учетом социокультурных стратегий развития общества, способствующая социализации личности, развитию социальной активности, межличностному социальному взаимодействию и творческой самореализации [1]. Несмотря на отсутствие единого определения понятия, в Концепции непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь (2016–2020 гг.) определены параметры социально-значимой деятельности для каждого конкретного направления воспитания. Так, например, при воспитании гражданина и патриота своей страны показателем вовлечения в социально-значимую деятельность молодого поколения будет выступать их участие в детских и молодежных общественных объединениях, в ученическом (студенческом управлении) [2].

В странах постсоветского пространства накоплен большой опыт форм и методов социально-значимой деятельности (тимуровское движение, агитбригады, различные молодежные и студенческие отряды и пр.). Однако этот опыт нуждается в серьезных изменениях, связанных с реалиями сегодняшнего дня. Направления социально-значимой деятельности должны находить внутренний отклик у современной молодежи, они должны понимать значимость процесса и результата труда, и этот труд им должен быть интересен.

Социальный интерес в выполнении дополнительной работы (иногда молодыми людьми социально-значимая деятельность воспринимается именно так) также разный у различных представителей молодежи. Так, на наш взгляд, работа с обучающимися колледжа должна выстраиваться несколько по-иному, нежели, чем со студентами высших учебных заведений, что связано с: уровнем имеющегося образования, желанием учиться и развиваться, условиями проживания и социального опыта в семье, ближайшим окружением и пр. Также особым фактором будет выступать месторасположение учреждения образования (столица, крупный областной город, райцентр или сельская местность).

Изучение вовлеченности обучающихся в социально-значимую деятельность проводилось посредством анкетного опроса последних, а также анализа социально-психологической деятельности специалистов УО «Витебский государственный профессионально-технический колледж сельскохозяйственного производства» по данному направлению. Обратим внимание, что колледж расположен в 3 км от областного центра. Большинство обучающихся имеют базовое образование и проживают в общежитии. В анкетировании приняло участие 24 респондента (юноши – 10 человек, девушки – 14 человек). Возраст опрошенных – 17–19 лет. Тип выборки – случайная.

На вопрос «Как Вы понимаете, что такое социально-значимая деятельность?» ответы респондентов распределились следующим образом: равное число мнений было отдано в пользу вариантов: «деятельность, которая не связана с обучением, но она связана с помощью и поддержкой» – «деятельность, которая связана с приятным времяпрепровождением» – по 34 %; «это любая полезная деятельность» – «это всегда работа в коллективе» – по 16 % соответственно. Обратим внимание, что в первом случае, все-таки респонденты связывают общественно-значимую деятельность с дополнительным видом деятельности, однако положительным моментом является то, что значительный процент (34 %) отметили, что это интересная работа, а не работа по принуждению.

На вопрос о том, в какие формы общественно-значимой деятельности в колледже вовлечены респонденты, обучающиеся ответили следующим образом: создание технопарков – 88 %,

участие в стартап-форумах и конкурсах – 88 %, посещение исторических памятников, участие в их облагораживании – 88 %, вовлечение в работу волонтерских отрядов – 80 %, членство в молодежных общественных объединениях – 84 %, участие в студенческом самоуправлении – 84 %, организация культурно-массовой работы в колледже и за его пределами – 84 %, активное участие в спортивных мероприятиях – 80 %. Отметим, что респонденты имели право перечислить все направления работы, в которых они задействованы. В результате не было выявлено ни одного опрошенного, кто бы ни принимал участие в общественной жизни колледжа. Также все респонденты отметили, что в колледже созданы все условия для занятий по интересам.

Особый интерес вызывают причины, по которым обучающиеся хотят заниматься и (или) занимаются социально-значимой деятельностью. Одной из причин была названа возможность появления новых знакомств, общения, дружеских отношений – 33 %. Одинаковое количество респондентов выбрали: наличие свободного времени (20 %) и интерес к общественной работе (20 %). Основной причиной вовлечения в такую работу также было отмечено получение удовольствия от процесса и результатов проделанной работы у 12 % опрошенных. Организация полезных занятий влияет на личностный рост – так считают 8 % обучающихся, еще 8 % занимаются такой работой, чтобы «убить» время. Четверть опрошенных предпочли не отвечать на данный вопрос. Предположим, что они не до конца осознают, для чего они делают эту работу, или просто стесняются дать ответ.

При ответе на вопрос о том, есть ли такие периоды в жизни, когда вы не проводите активную общественную работу и по какой причине, 75 % респондентов ответили, что у них таких периодов не бывает, и они всегда вовлечены в работу, а остальные 15 % указали, что иногда не хватает времени.

Также, помимо социально-значимой деятельности в колледже, 12 % респондентов занимаются такой работой вне стен колледжа. Как правило, они занимаются благоустройством придомовой территории.

Половина опрошенных респондентов проживают в общежитии колледжа. Все они положительно оценивают организацию работы воспитателей общежития, по вовлечению обучающихся в социально-значимую деятельность (54 % – на высоком уровне, 46 % на среднем уровне). Никто из них не считает, что данный вид работы не организован. Обучающиеся принимают участие в благотворительных акциях, спортивных мероприятиях и волонтерской деятельности, которые организованы воспитателями общежития. Также они высказали свои пожелания по организации дальнейшей деятельности в общежитии: деятельность в проектной команде, организация шефской работы, участие в творческих конкурсах, расширение географии посещаемых исторических мест и памятников.

Результаты опроса показывают, что до поступления в колледж общественно-значимой деятельностью занималось только 28 % опрошенных (волонтерство, благотворительные акции, самоуправление в школе). Это говорит о серьезной работе колледжа по вовлечению обучающихся в социально-значимую деятельность. Все опрошенные отмечают, что работа организована таким образом, что обучающимся интересно и сотрудники колледжа могут найти к каждому индивидуальный подход.

На вопрос о том, какие кружки по интересам являются наиболее интересными, респонденты перечислили следующие направления: программирование (8 %), бизнес-процессы и экономика (16 %), туризм (30 %), спорт (75 %), имидж человека (38 %), изучение иностранных языков (40 %), дизайн (40 %), журналистика (34 %), психология (30 %), правильное питание, здоровый образ жизни (8 %), вязание, шитье, вышивание, уход за комнатными растениями (8 %), музыка (70 %), искусство (38 %). Следовательно, респонденты имеют разносторонние интересы и предпочтения.

Изучение и анализ социально-психологической работы в колледже показывает, что в учреждении работа проводится как с учащимися, так и с их родителями, с привлечением заинтересованных субъектов воспитательного процесса. Особую роль в данном процессе играет социально-педагогическая и психологическая служба колледжа.

В колледже организованы объединения по интересам, способствующие привлечению обучающихся к социально-значимой деятельности:

1. Спортивного профиля: спортивные игры, настольный теннис, волейбол, общая физическая подготовка (ОФП), тяжелая атлетика и др.

2. Творческого профиля: народная песня, эстрадная песня, театр миниатюр, волшебная глина, швейное мастерство, техническое творчество, керамика и др.

3. Общественного профиля: волонтерский отряд, организация БРСМ, профсоюзная организация обучающихся.

Таким образом, полученные данные констатируют высокий уровень эффективности проводимой социально-психологической работы с обучающимися.

Библиографические ссылки

1. Слепова Н. Ю. Развитие социально-значимой деятельности старшеклассников в современном социокультурном пространстве [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. пед. наук. URL: <http://nauka-pedagogika.com/viewer/130838/a#?page=4> (дата обращения: 16.02.2021).

2. Обновленная Концепция непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь: преемственность и новации [Электронный ресурс]. URL: <https://adu.by/ru/glavnaya-stranitsa/975-obnovlennaya-kontseptsiya-nepreryvnogo-vozpitanija-detej-i-uchashchejsya-molodezhi-v-respublike-belarus-preemstvennost-i-novatsii.html> (дата обращения: 20.01.2021).

© Воробьева С. А., Шпак С. Л., 2021

**ИЗУЧЕНИЕ УРОВНЯ КУЛЬТУРЫ ПОЛОВОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ
СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ****Ю. А. Гагарина¹, Д. В. Кузина²**

¹студент, ²старший преподаватель, Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева, г. Красноярск, Российская Федерация

Рассмотрен вопрос об актуальности полового просвещения в России. В настоящее время данный вопрос в обществе стоит довольно остро, так как низкая информированность населения способствует низкой грамотности в области репродуктивного здоровья, ведет к рискованному сексуальному поведению, распространению венерических заболеваний, возникновению ранней беременности и в последствие росту количества абортотв. В связи с актуальностью данной темы, авторами был проведен социологический опрос с целью определить уровень информативности среди молодежи по вопросу полового просвещения. Всего в опросе приняло участие 99 респондентов в возрасте от 18 до 30 лет. Вопросы касались базовых знаний, связанных с безопасностью и здоровьем человека, анатомии и физиологии, а также отношение респондентов к половому просвещению. На основании полученных результатов грамотного полового просвещения в России не хватает. На значимость роли полового просвещения в жизни человека указали большинство респондентов. Важно понять, что половое воспитание стоит на уровне не менее значимом, чем любое другое.

Ключевые слова: половое просвещение, половое воспитание, воспитание, сексуальность, общество.

**EXPLORING THE LEVEL OF SEX EDUCATION CULTURAL
AMONG TODAY'S YOUNG**

The article reviews the actuality of sexuality education in Russia. Currently, this issue is very acute in society, as low public awareness contributes to the low literacy of the population in reproductive health. Sexual risk behavior acquires, increasing of sexually transmitted infections and unwanted pregnancy and, so, the growth of abortions. Because of the relevance of this topic, the authors did a sociological survey to decide the level of sexuality education awareness among young people. A total of 99 respondents between the ages of 18 and 30. The questions were about basic knowledge related to human safety and health, anatomy and physiology, also respondents' attitudes to sex education. Based on the results, there is not enough competent sexuality education in Russia. Most respondents said that sexuality education is important in a person's life. The sexuality education is important as any other education is.

Keywords: sex education, education, sexuality, society.

В настоящее время в обществе вопрос о необходимости полового просвещения и его введении стоит особенно остро. Общество до сих пор испытывает пренебрежение и страх касаясь данной темы, ее раскрытия, что хорошо наблюдается в социуме. Если в древности причина возникновения многих «мифов», предрассудков и заблуждений, относящихся к половой жизни, немалое число которых дошло до нашего времени, заключалась в недостаточном уровне знаний того времени, то сейчас причина игнорирования сексуальной сферы – это страх и стыд. Собственно о существовании в России на данную тему табу, которое касается

не только сферы образования, но и семьи, сообщил в беседе на «Эхо Москвы» член Экспертного совета по сексуальному образованию Европейского бюро ВОЗ Борис Шапиро еще в феврале 2016 года. По его словам две трети родителей не могут говорить о сексуальности и половой анатомии с детьми, и при этом около 80 % учителей и педагогов придерживаются мнения, что именно семья должна осуществлять половое воспитание. В результате дети и подростки часто сами начинают искать недостающую информацию, которую по итогу находят в интернете или узнают со слов сверстников [3]. «С одной стороны, тема секса все еще является табу для школы и в какой-то степени для семьи. С другой стороны, нет ничего проще, чем отыскать в Интернете порнографию – даже ребенку» Б. Шапиро [8].

Многие молодые люди при вступлении во взрослую жизнь, обладают противоречивой, не всегда достоверной и часто негативной информацией о сексуальности, что усугубляется нежеланием и неготовностью взрослых, включая родителей и учителей, обсуждать эти вопросы. Определенные моральные нормы и действующие законы во многих социумах препятствуют общественному обсуждению темы сексуального поведения, полового просвещения и т. д. В результате, это приводит к появлению высокой вероятности риска в отношении возникновения ранней беременности, распространению инфекций, передающихся половым путем (ЗППП). Причин этому множество: низкая культура в области репродуктивного здоровья и полового воспитания, включающая в себя ранние половые связи; низкая грамотность в области контрацепции; определенные моральные принципы и др.

Что такое сексуальное образование, половое воспитание, половое просвещение? У многих людей довольно примитивные представления о содержании этих понятий, и интерпретация предполагает обучение ведению половой жизни.

Слово «sex» с английского трактуется как пол, секс и сексуальность. Рабочее понятие «сексуальности» было сформулировано по итогам обсуждения с участием многочисленных экспертов в области общественного здравоохранения и сексологии, которое трактуется как «один из базовых аспектов человеческого существования и включает в себя: понимание человеческого тела и отношение к телу; эмоциональную привязанность и любовь; секс; гендер; гендерную идентичность; сексуальную ориентацию; сексуальную близость; удовольствие и рождение детей. Сексуальность имеет сложную природу и состоит из биологических, социальных, психологических, духовных, религиозных, политических, правовых, исторических, этических и культурных аспектов, находящихся в постоянном развитии на протяжении всей жизни человека» [4].

Согласно Российской педагогической энциклопедии «половое воспитание – комплекс воспитательных и просветительских воздействий на ребенка, направленный на приобщение его к принятой в обществе системе половых ролей и взаимоотношений между полами в общественной и личной жизни» [7].

ЮНЕСКО же дает определение комплексному сексуальному образованию (КСО), под которым подразумевает «процесс преподавания и изучения когнитивных, эмоциональных, физических и социальных аспектов сексуальности, основанный на специально разработанной учебной программе». Цель КСО сформировать у детей и молодежи знания, умения и ценностные установки, которые помогут им ответственно относиться к своему здоровью, благополучию и личному достоинству; выстраивать уважительные межличностные и сексуальные взаимоотношения; а также осознавать и защищать свои права на протяжении всей жизни [4]. То есть под определение «полового воспитания» попадает любой учебный курс, где рассказывают об половой жизни. Речь может идти как о чистой физиологии, так и о психологии отношений, гендерных ролях.

Обобщая все вышесказанное выше, мы можем определить «половое просвещение» как предоставление информации об анатомии половых органов человека, половом размножении, репродуктивном здоровье, эмоциональных отношениях с партнёром/партнёршей, репродуктивных правах и ответственностях, противозачаточных средствах и других аспектах сексуального поведения человека, в соответствии с возрастными нормами.

Целями полового просвещения можно кратко обозначить следующие: формирование культуры интимных отношений, ознакомление с культурой взаимоотношений между полами; обеспечение безопасности и предупреждение насилия; создание здорового отношения к своему телу, понимание его механизмов работы, поддержание здоровья всех систем органов; воспитание ответственности друг к другу и формирование половой гигиены.

На данный момент мы предполагаем, что в России низкий уровень полового просвещения, так как по статистике в нашей стране самый высокий показатель абортов среди большинства стран Европы и США – около миллиона абортов в год [9]; при этом многие до сих пор верят в мифы, что из-за гормональных (оральных) контрацептивов начинается «оволосение», а презервативы снижают сексуальное влечение. В стране растет статистика заболеваемости ВИЧ-инфекции [11; 12], а многие даже не знают, какой у них ВИЧ-статус и зачем его необходимо знать.

В связи с актуальностью данной темы, мы решили провести социологический опрос с целью определить уровень информативности среди молодежи по вопросу полового просвещения. Всего в опросе приняло участие 99 респондентов, в возрасте от 18 до 25 лет (84,8 %), от 25 до 30 (9,1 %) и старше 30 лет (6,1 %).

Первым вопросом мы решили узнать у опрашиваемых, было ли у них половое воспитание или просвещение в школе или разговоры с родителями. 47 человек (47,47 %) отметили, что «да, было» половое просвещение. Однако 7 из них ответили, что «всё было поверхностно и недостаточно». Также отмечалось, что единственные просвещающие занятия, которые были в школе на данную тему, оказывались незначительными и малыми по объему. Больше половины респондентов, 52 человека (52,52 %), ответили, что подобного просвещения не было ни с родителями, ни в школе. Несколько респондентов дали развернутые ответы: так, например, молодой человек поясняет, что «нет, приходилось узнавать все из интернета, и когда только случился переходный возраст, была паника и куча вопросов».

Далее вопросы были посвящены базовым знаниям, связанным с безопасностью и здоровьем человека.

Результаты ответов на группу вопросов относительно контрацепции показали, что если практически все респонденты знают о предназначении презервативов, то касаясь видов и свойств можно сказать, что уровень просвещенности – средний. Так 27 % считают, что некоторые виды контрацептивов обеспечивают 100 % уровень защиты от нежелательной беременности, а 72 % не знают о работе и фармакологических свойствах орального вида контрацепции.

Осведомленность в вопросах здоровья респондентов по результатам оказалась на низком уровне (рис. 1). Большая часть респондентов уверена в излечимости герпеса – 40,4 %. Испытали затруднение в ответе на вопрос о излечимости венерических заболеваний – 30 % отвечавших. Также 4 % (3 человека в возрасте от 18 до 25 лет) считают излечимым заболевание ВИЧ.

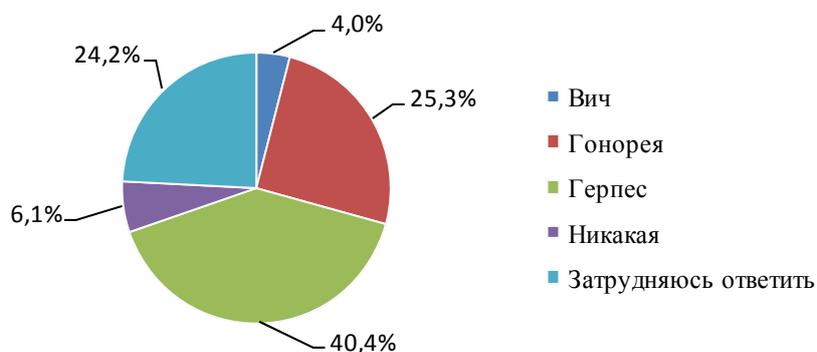

Рис. 1. Какая из этих венерических болезней излечима?

17,2 % считают, что инфекцией, передающейся половым путем, нельзя заразиться при оральном виде секса. Еще 14,1 % затрудняются ответить на данный вопрос.

Также осведомленность не на высоком уровне у респондентов в вопросах, касающихся своего репродуктивного здоровья. Например, при ответе на вопрос «Сколько дней сперматозоиды могут жить в теле женщины?» 46,5 % испытали трудности и не смогли ответить верно. Еще один вопрос касался распространенного мифа о том, что во время менструации нельзя забеременеть, который 13,1 % респондентов считают правдой.

Другой вопрос затрагивал распространенное заблуждение о том, что гинеколог всегда может понять, был ли секс у женщины или нет. Среди отвечавших 33,7 % уверены, что врач всегда способен это определить, а 10,2 % не знают ответа.

Далее вопросы касались анатомии и физиологии человеческого организма. На вопрос «Что такое девственность?» 37,4 % считают, что это «наличие девственной плевы», еще 4 % респондентов затруднились дать ответ.

Знания респондентов о названиях половых органов оказались низкими (рис. 2).

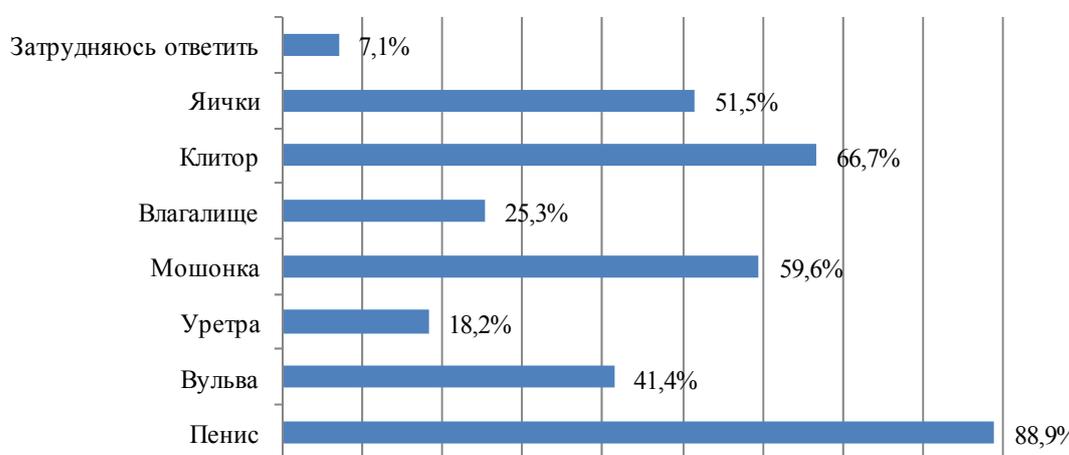

Рис. 2. Какие из перечисленных органов относятся к внешним гениталиям?

По данным диаграммы видно, что отвечающие не помнят основы анатомии и правильные названия гениталий. Хочется отметить, что лишь 1 человек из 99 опрошенных, смог ответить на этот вопрос.

Последние вопросы были посвящены отношению респондентов к половому просвещению.

Большинство ответили, что относятся «положительно», «отлично», «нормально» – это 94 человека (94,5 %). Так как вопрос был открытый, многие дали развернутые ответы, почему у них положительное отношение к данному вопросу. Например, девушка из категории «от 18 до 25 лет» отмечает, что «оно остро необходимо, особенно молодому поколению». Другой представитель данной категории отвечающих заметил, что «положительно, ведь оно необходимо, чтобы у людей не было каких-то глупых стереотипов относительно секса, ЗППП, своего тела». Еще один человек из той же возрастной категории считает «его необходимым в целях сохранения здоровья». Следующий респондент (девушка в возрасте от 18 до 25 лет) также говорит, что «оно обязательно должно быть в каждой семье и в каждой школе». Таким образом, 85,5 % (85 человек) считают, что официальное половое просвещение в РФ – это необходимость.

На заключительный вопрос «Кто должен заниматься просвещением» 16 (15,8 %) человек предложили, что половым просвещением должны заниматься «родители и система образования». Некоторые респонденты поясняют: «Родители должны вести разговоры со своими детьми, а также в школах должны ввести такие уроки, как в других странах, это поможет защитить детей не только от нежелательной беременности, но и защитить их здоровье».

«Родители в первую очередь, далее система образования». 10,8 % считают, что это должны быть медицинские работники, врачи. 3,9 % выделили «министерство здравоохранения», один молодой человек отметил «Министерство здравоохранения, учебные заведения, возможно, каждая компания должна иметь сколько-то часов для сексуального просвещения среди сотрудников». 10 % считают, что заниматься просвещением должны психологи, а приблизительно 9,8 % респондентов отвечают, что «сексологи». 18 респондентов (17,9 %) отметили, что «должен быть специалист в этой области», «специальный преподаватель». Другие 11,7 % возлагают обязанности просвещения на образовательные учреждения и педагогов. 3 человека отметили, что этим должны заниматься «все», одна девушка уточняет: «Специалисты медики, по возможности педагоги, и, конечно же, родители».

Можно сделать общий вывод, что исходя из результатов проведенного нами опроса, грамотного полового просвещения в России не хватает. Как видно из ответов респондентов, многие из них затрудняются вспомнить название половых органов и верят во вредные для здоровья мифы. Хочется отметить, что на значимость роли полового просвещения в жизни человека указали большинство респондентов. Важно понять, что половое воспитание стоит на уровне не менее значимом, чем любое другое.

Многие предубеждения или опасения касаясь полового просвещения связаны с тем, что оно приведет к повышению сексуальной активности, росту рискованного сексуального поведения. Однако, по данным ЮНЕСКО, половое воспитание как в школе, так и вне школы, оказывает положительный эффект, в том числе, повышает информированность молодых людей и формирует правильное отношение к сексуальному и репродуктивному здоровью и поведению [4].

Родители и семья играют важнейшую роль в качестве первичного источника информации, поддержки и помощи в формировании здорового подхода к сексуальности и отношениям. Однако государство в лице министерства образования, школы и учителей должно поддерживать и дополнять усилия родителей и семьи, обеспечивая комплексное образование всех детей и молодых людей, безопасные и благоприятные условия обучения, а также пособия и материалы, необходимые для реализации качественных программ.

Замалчивание подобных тем или их изъятие из программ создает почву для стигматизации, стыда и невежества и нередко повышает склонность к рискованному поведению и в итоге препятствует обращению за необходимой помощью.

Библиографические ссылки

1. Казанцева М. О., Кора Н. А. Психологическое сопровождение пациентов с венерическими заболеваниями [Электронный ресурс] // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 84. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskoe-soprovozhdenie-patsientov-s-venericheskimi-zabolevaniyami> (дата обращения: 03.11.2020).
2. Карам А. О. Сексуальное воспитание подростков и проблемы полового просвещения [Электронный ресурс] // Известия АлтГУ. 2012. № 2-1. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/seksualnoe-vozpitanie-podrostkov-i-problemy-polovogo-prosvescheniya> (дата обращения: 09.11.2020).
3. Ларина К. Родительское собрание: Сексуальное просвещение в школе: пропаганда разврата или воспитание личности? Гости Н. Абгарян, С. Сдобнов, Б. Шапиро [Электронный ресурс] 2016. Режим доступа: <https://echo.msk.ru/programs/assembly/1719268-echo/> (дата обращения: 03.11.2020).
4. Международное техническое руководство по сексуальному образованию. Составлено на основе фактов и научных данных [Электронный ресурс] // ЮНЕСКО [и др.]. Публикация ЮНЕСКО, 2019. Режим доступа: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000260770_rus (дата обращения: 10.11.2020).

5. Москвина А. С., Сафонов А. Н. Психолого-педагогические аспекты полового воспитания в системе образования // Гуманитарное пространство. 2015. № 1. С. 43–50.
6. Раннее материнство как многоаспектный и многофакторный феномен [Электронный ресурс] / В. В. Орлова, Э. И. Мещерякова, А. В. Ларионова, Е. А. Антипова // Векторы благополучия: экономика и социум. 2020. № 1(36). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ranee-materinstvo-kak-mnogoaspektnyu-i-mnogofaktornyy-fenomen> (дата обращения: 03.11.2020).
7. Российская педагогическая энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. В. В. Давыдов. М., 1999. Т. 2. С. 166.
8. Рылько Е., Шапиро Б. Тема секса остается табу для российской школы [Электронный ресурс] // РИА Новости, 2009. Режим доступа: <https://ria.ru/20091123/195073304.html> (дата обращения: 01.11.2020).
9. Сакевич В. И. От аборта к контрацепции [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2016. № 687–688. Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2016/0687/tema01.php> (дата обращения: 03.11.2020).
10. Сакенов Д. Ж., Шнайдер Е. А. О половом воспитании // Академический журнал западной Сибири. 2014. № 5 (54). С. 92–93.
11. Число инфицированных ВИЧ в России превысило 1 млн человек [Электронный ресурс] // Интерфакс: независимое информационное агентство, 2019. Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/686276> (дата обращения: 01.11.2020).
12. Что известно о проблеме ВИЧ в России. Основная статистика [Электронный ресурс] // Коммерсантъ газ. 2016. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3134204> (дата обращения: 29.10.2020).

© Гагарина Ю. А., Кузина Д. В., 2021

УДК 159.92

ЧТО ДАЕТ УСТОЙЧИВОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

О. В. Гостева

*доцент, Сибирский государственный университет
науки и технологии имени академика М. Ф. Решетнева,
г. Красноярск, Российская Федерация.*

Что бы ни говорили про психологию бизнеса, прежде всего – это наука побеждать. Побеждать в конкурентной борьбе или в просторах «голубых океанов», побеждать клиентоориентированностью или оптимизацией бизнес процессов. Переход к созданию бизнес экосистем приносит новые вызовы новые видения, постоянные технологические изменения заставляют пересматривать все привычные бизнес процессы. Переход в виртуальную среду заставляет осваивать принципиально новые навыки, но при этом устойчивое преимущество по-прежнему определяется выручкой, прибылью и перспективами.

Ключевые слова: цифровизация, стратегия, бизнес экосистемы, гибкость, гибридные предприятия, трансформация.

WHAT GIVES SUSTAINABLE ADVANTAGE IN AN AGE OF CHANGE

Whatever they say about the psychology of business – first of all – this is the science of winning. To win in the competition or in the vastness of the “blue oceans”, to win by customer focus or business process optimization. The transition to the creation of business ecosystems brings new challenges, new visions, constant technological changes force us to revise all the usual business processes. Moving to a virtual environment forces you to learn fundamentally new skills, but at the same time, a sustainable advantage is still determined by revenue, profit and prospects.

Keywords: digitalization, strategy, business ecosystem, flexibility, hybrid enterprises, transformation.

Мы живем в эпоху глобальных изменений – и это уже не новость. Если в XX веке формула «высокая производительность для высокой доходности акционеров» была основной в мире производственного бизнеса, то сейчас она не работает. Правила развития делового мира стали непредсказуемыми.

Показатели высокой производительности ушли на второй план. Высокая производительность давала преимущество в XX веке, когда деловые процессы были предсказуемы, сейчас все изменилось.

Исследования, проведенные компанией BCG [1] показали, что основные разрушительные силы это: технологическая революция, социальная напряженность и экономический национализм. Одной производительности уже не достаточно для того чтобы вести устойчивый бизнес.

В нашу эпоху перемен – гарантировать можно только одно – нестабильность и высокую скорость изменений. Следовательно, компании должны выйти за пределы привычного понимания процессов с точки зрения их стратегического роста, операционных моделей и организационных структур, создавать новые формы преимуществ. Одной из таких современных форм является экосистема.

Цифровые экосистемы кардинально меняют то, как компании сотрудничают и конкурируют друг с другом. Если раньше компании создавали совместные предприятия или партнерства с ограниченным числом отраслевых партнеров для разделения рисков или выхода

на новый рынок, то сейчас благодаря цифровым экосистемам они сотрудничают с десятками или даже сотнями партнеров из разных отраслей.

В цифровой экосистеме многочисленные преимущественно независимые игроки объединяются, чтобы создать цифровое предложение, обладающее большей ценностью, чем товар или услуга, которые компания способна предложить самостоятельно. Некоторые цифровые экосистемы развивают комплексные решения, такие как «подключенный автомобиль» или «умный дом». Другие объединяют покупателей и продавцов на цифровой платформе.

Эта новая модель сотрудничества – не очередное модное поветрие, о котором скоро забудут, а будущее бизнеса. Многие крупнейшие компании мира уже стали частью обширных цифровых экосистем, радикально меняющих не только их отрасли, но и экономику в целом.

Следующее направление, которое хотелось бы выдвинуть это сквозные технологии. «Интернет вещей», «Технологии распределенных реестров», «Квантовые сенсоры», «Мобильные сети связи пятого поколения», «Новые производственные технологии» и «Новые поколения микроэлектроники и создание электронной компонентной базы». С февраля 2021 года их называют «высокотехнологичные области или высокотехнологичные направления» ответственность за разработку реализацию и внедрение этих направлений взяли на себя исключительно госкорпорации такие как ГК «Росатом», ГК «Ростех», АО «РЖД».

Внедрение сквозных технологий и создание экосистем заставляют разрабатывать и внедрять стратегии развития предприятий.

Но разработка современных стратегий часто сталкивается с непреодолимыми сложностями.

Большинство цифровых преобразований начинаются с ожиданий постепенного изменения производительности. Однако большинство компаний не могут этого достичь. Они проходят через три ключевых этапа: «бумажная» стратегии высокого уровня, активизация инициатив и минимально жизнеспособных продуктов, масштабирование по всей организации – и сталкиваются с реальностью, которая не оправдывает их надежд.

По исследованию компанией BCG [3], во многом это разочарование объясняется недостаточной строгостью в определении цифровой стратегии на первом этапе. Часто организации не имеют четкого представления о ключевых возможностях и угрозах. Некоторые примеры:

При неудачной цифровой трансформации разрыв между планами и реальностью выражается в следующем:

- отсутствие целостного представления о том, что цифровые технологии могут означать для их бизнеса как на стратегическом, так и на техническом уровнях;
- недостаточная ясность в отношении развивающейся экономики цифровых технологий и их последствий для конкурентных преимуществ;
- недооценка масштаба и сил, необходимых для прорывного цифрового воздействия.

Без этого стратегического контекста легко попасть в ловушку, ставя перед собой небольшие, разрозненные и недальновидные цели, делать ставку на финансирование широкого спектра инициатив вместо того, чтобы усилить несколько крупных, кросс-функциональных и критических направлений.

Для того чтобы избежать ошибок в разработке дорожной карты стратегии необходимо на фазе анализа и утверждения изменять свое мышление, обратить особое внимание на следующие вопросы:

– Цифровое зрение. Как цифровые технологии меняют вашу индустрию? Какие новые предложения, операционные модели и бизнес-модели он может включить? Каких новых соперников она может дать?

– Оценка конкурентных преимуществ. Как цифровые технологии влияют на конкурентные преимущества? Где у нас хорошие позиции? Где мы находимся в невыгодном положении?

– Приоритетный список цифровых ставок. Какие цифровые возможности согласуются с вашей бизнес-стратегией, основанной на ценностном потенциале, а также с вашими амбициями и возможностями? В каком порядке вы должны их преследовать?

– Анализ пробелов. Исходя из ваших ставок, какие пробелы в возможностях, организации и системах необходимо заполнить, чтобы выиграть?

– Каковы временные рамки, цели и ответственность для каждой из ваших программ? Какие шаги необходимы для финансирования путешествия?

Вместе ответы на эти вопросы создают взаимоподдерживающую и внутренне согласованную систему, которая встраивает цифровую стратегию в бизнес-стратегию и тесно связывает исполнение с результатами.

Помимо перечисленных вопросов необходимо менять психологию управления предприятием со следующих позиций [1; 2]:

– трансформировать общее социальное воздействие (влияние деятельности компании на внешний мир) сделать больший акцент на сервис (разработку цифровых решений и опыта) сделать ваше предложение более удобным для базовых рынков;

– включить гемификацию в работу с клиентами, проанализировать масштабируемость бизнес идеи и охват рынка;

– анализировать особенности работы других предприятий на подобных рынках. Например, для разработки устойчивой бизнес-стратегии дальновидные предприниматели дополняют недорогие модели поставок высокоскоростными и гибкими сетями доставки. Они пользуются преимуществами цифровых экосистем-партнерство с компаниями в самых разных отраслях промышленности, чтобы дополнить их предложения цифровыми продуктами и услугами. И чтобы еще больше укрепить свои бизнес-преимущества, они дополняют свои физические цепочки поставок глобальными данными и цифровыми цепочками поставок;

– создание бизнес-экосистем включает в себя создание платформы для обеспечения заказчика, вокруг которой компании будут структурироваться; создание гибких команд и повышения квалификации в цифровых инструментах, расширение возможностей; создание гибких, подвижных структур, которые могут адаптироваться к смещению среды;

В таблице представлены 9 современных стратегий, позволяющих получить принципиальное преимущество в период крайней нестабильности внешней среды. Эти стратегии разработаны по 3 основным направлениям: выход за привычные рамки, в том числе классического понимания стратегии; действуйте за пределами привычного (даже стратегии «Голубого океана» сейчас недостаточно хороши для выживания в современных условиях); Создавайте не существующее: в современных условиях приходится создавать все с чистого листа, буквально отказываясь от прошлого опыта и «нащупывать» новые возможности. Период гарантий закончился. Трансформацию – внутренние и внешние изменения надо принимать как естественные процессы, состояние игры, потока – становится сейчас бизнес-понятиями. Состояние привычной конкуренции в современных условиях должно переходить в состояние экосистемы – когда каждый элемент заинтересован в процветании остальных элементов системы как гаранта собственного выживания.

Новые взгляд на стратегии развития в условиях цифровой экономики

Выходите за рамки: переосмыслите, как выглядит рост	1. Делайте добро, растите дальше	2. Поток учитесь управлять им	3. Усовершенствуйте свою глобальную игру
Действуйте за пределами: переосмыслите, как работают их компании	4. Создание экосистемы	5. Изменяйтесь – не изменяя себе	6. Пусть данные проходят через него
Создавайте не существующее: постоянно переосмысливайте то, как организована их компания	7. Будьте сосредоточены, быстры и ровны	8. Процветайте с талантом	9. Примите постоянную трансформацию

Успешные компании должны выйти за рамки традиционных стандартов корпоративного величия, чтобы добиться устойчивого успеха сегодня – в эпоху, когда доминируют три глобальные силы, которые были ускорены COVID-19:

- *Социальная напряженность.* Нарастающая нагрузка на нашу природную экосистему, а также растущее неравенство и растущее недовольство капитализмом и скептицизм по отношению к нему привели к росту социальной напряженности во всем мире. Мы видели эту игру во многих отношениях за последние несколько лет, включая *gilets jaunes* во Франции, растущую напряженность в Чили, социальные беспорядки в Гонконге и движение Black Lives Matter в США [2; 3].

- *Изменение торговой политики.* Примерно до 2010 года в мире действовала система свободной торговли с очень ограниченными барьерами. Но растущая волна национализма и упадок многосторонности привели к усилению протекционистской политики. С 2015 года 80 % глобальной торговой политики были пересмотрены или находятся под угрозой значительных изменений.

- *Технологическая революция.* Экспоненциальный рост цифровых технологий и доступность данных изменили поведение и ожидания потребителей, привели к появлению все более безграничного онлайн-мира и потрясли способы работы-все тенденции, которые были ускорены пандемией.

Эти три силы разрушили традиционную схему игры, на которую в последние десятилетия опирались компании-победители, но они также предоставляют важные возможности для организаций, Вооруженных правильными стратегиями для создания преимуществ.

Первая из этих стратегий – существенный сдвиг мышления от общей прибыли акционеров к общему общественному воздействию, то есть полной выгоде для общества от продуктов, услуг, операций, основных возможностей и видов деятельности компании. Внедряя понятие «делать добро» в свою деятельность, компании могут оказывать положительное влияние на всех заинтересованных лиц и обеспечивать более высокую долгосрочную доходность для акционеров.

Одной из наиболее сложных задач, когда речь заходит о финансировании социального воздействия через государственный сектор, является поиск эффективных путей осуществления масштабных изменений. Но если компания частного сектора имеет социальное влияние, то она может расширить свой социальный охват по мере роста и достижения успеха.

Бразильский косметический гигант Natura – прекрасный тому пример. У компании есть модель продаж и распределения 1,8 миллиона консультантов, в основном женщин из семей с низким и средним уровнем дохода, чья работа заключается в продаже продукции компании. Признавая важность обучения в развитии своих консультантов, Natura предоставляет им обширную подготовку навыков в области бизнеса и личностного развития.

Их опыт работы и профессиональная подготовка дают этим консультантам возможность стать предпринимателями в своих сообществах и сильными защитниками компании. Они могут оплачивать образование своих детей и жилье своих семей, получать доступ к медицинским учреждениям и, в некоторых случаях, находить свободу от гендерного насилия [5].

Помимо поддержки усилий по созданию более сильных сообществ, Natura с 1980-х годов сосредоточилась на устойчивом развитии. Он работает с тысячами мелких производителей в Амазонке, сотрудничая в кампаниях по устойчивому развитию и защите миллионов акров тропических лесов.

Natura, которая за последние несколько лет приобрела Avon, Aesop и Body Shop, вознаграждает своих акционеров, а также свое сообщество, превосходя таких, как L'Oréal, Estée Lauder и Shiseido. Благодаря основным стратегиям, ориентированным на социальные и экологические проблемы, она обеспечила социальный эффект и большую прибыль.

Культура непрерывного совершенствования [3; 4].

Бережливая трансформация – это не только сокращение издержек. Это требует смены культуры, которая обеспечивает лидерство, подотчетность и последовательность. Такая культура способствует устойчивому и непрерывному совершенствованию.

Несмотря на благие намерения, бережливые технологии могут быть пустой тратой времени и денег без детального плана тщательного обучения, стимулов для поощрения изменяющегося поведения на всех уровнях ответственности и аналитики для измерения прогресса на начальном этапе и с течением времени.

Библиографические ссылки

1. Бхаттачарья А., Ланга Н., Хемерлинга Дж. За Гранью Великого Девять стратегий процветания в эпоху социальной напряженности, экономического национализма и технологической революции [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bcg.com/ru-ru/featured-insights/beyond-great-book> (дата обращения: 10.03.2021).

2. Хатчинсон Р., Ланг Н. Делать добро, чтобы вырасти за пределы Великого [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bcg.com/ru-ru/publications/2020/why-private-sector-should-strive-to-deliver-greatest-good> (дата обращения: 11.03.2021).

3. Дорожная карта цифровой стратегии для стимулирования трансформации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bcg.com/capabilities/digital-technology-data/digital-strategy-roadmap> (дата обращения: 12.03.2021).

4. Развитие талантов, повышение квалификации и переобучение [Электронный ресурс] URL: <https://www.bcg.com/ru-ru/capabilities/people-strategy/talent-development> (дата обращения: 10.03.2021).

5. BCG Upskilling Bootcamp ускорит ваше цифровое будущее [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bcg.com/capabilities/people-strategy/upskilling-virtual-bootcamp> (дата обращения: 10.03.2021).

© Гостева О. В., 2021

УДК 159.922

МОТИВАЦИОННЫЕ ЦЕЛИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СТУДЕНТАМИ РАЗЛИЧНЫХ ОНЛАЙН-ПЛОЩАДОК

М. С. Еременко¹, Н. В. Лукьянченко²

¹аспирант, Сибирский государственный университет науки и технологий
имени академика М. Ф. Решетнева;
старший преподаватель, Красноярский государственный
педагогический университет имени В. П. Астафьева

²доцент, Сибирский государственный университет науки и технологий
имени академика М. Ф. Решетнева,
г. Красноярск, Российская Федерация

Цифровые технологии стали неотъемлемой составляющей жизнедеятельности современного человека. Общеупотребимо понятие «смешанной реальности», в которой совмещаются офлайн- и онлайн-формы коммуникации. В исследованиях анализируется специфика этих форм, и их влияние на поведение человека. Личность при этом рассматривается в аспекте адаптивности и рисков её потери. Созрела необходимость изучения мотивационных оснований самоопределения человека в использовании ресурсов Интернета. Исследование с участием студентов показало, что использование ресурсов онлайн-площадок создает возможности реализации разнообразных мотивационных целей. Разные онлайн-площадки используются для реализации мотивационных целей в разной степени и в разном соотношении у разных респондентов. Иными словами, в пользовании онлайн-ресурсами каждый его субъект выстраивает собственный мотивационный гомеостаз.

Ключевые слова: онлайн-площадки, студенты, мотивационные цели.

MOTIVATIVE PURPOSES OF THE USE OF VARIOUS ONLINE SITES BY STUDENTS

Digital technologies have become an integral part of the life of a modern person. The concept of “mixed reality” is commonly used, in which offline and online forms of communication are combined. The research analyzes the specificity of these forms and their influence on human behavior. At the same time, the personality is considered in the aspect of adaptability and the risks of its loss. The need has matured to study the motivational foundations of human self-determination in the use of Internet resources. A study with the participation of students showed that the use of resources of online platforms creates opportunities for the implementation of a variety of motivational goals. Different online platforms are used to achieve motivational goals to varying degrees and in different proportions for different respondents. In other words, in the use of online resources, each of its subjects builds their own motivational homeostasis.

Keywords: online platforms, students, motivational goals.

Поколение современных молодых людей называют «цифровым» [1]. Цифровые технологии составляли весомую часть среды их развития и социализации [4; 6]. Использование цифровых технологий в настоящее время – неотъемлемая составляющая жизнедеятельности общества, причём не какая-то отдельная, а неотделимая от реализации его ключевых задач. Дополнением большинства привычных деятельностей современного человека стала онлайн-активность [5]. Социальными сетями, согласно статистическим данным, пользуется почти половина населения земного шара [2]. По данным некоторых опросов пользователи Интернета

отдают ему более шести часов в сутки, из них более двух часов посвящают социальным сетям [7]. Взаимодействие с миром кардинальным образом изменилось благодаря онлайн-возможностям, и Интернет недаром называют всемирной сетью. Многие ограничители и границы потеряли своё значение, появились и продолжают появляться всё новые формы коммуникации. Выстраиваются новые системы отношений и нормы их структурирования. Говорится о том, что офлайн и онлайн в жизни современного человека слиты, для обозначения чего используется определитель «смешанная реальность» [5].

Появились исследования, посвящённые особенностям этой реальности, специфике её офлайн- и онлайн-аспектов, их соотношению и взаимовлиянию [9; 10; 12]. Важнейшим для исследователей является вопрос о том, как в онлайн индивид проявляется и как взаимодействует с другими. Интересны, например, данные, свидетельствующие, что онлайн-человек лучше выражает свое истинное Я [9]. Исследуются особенности онлайн-контекста и психологических механизмов, определяющих поведение человека в сетевом взаимодействии [8; 11; 12].

В целом можно говорить о том, что развитие онлайн коммуникации предоставляет современному человеку широкий арсенал возможностей и соблазнов, определяющих новые вызовы для саморегуляции и самоопределения. И в настоящий момент субъект рассматривается в значительной части как «жертва» этих возможностей, в большей или меньшей степени способная справляться с их валентностным влиянием. Мерой этой способности полагается «цифровая компетентность» [5].

На наш взгляд всепроникающая онлайн-реальность, вплетённая в ткань бытия, может и должна рассматриваться не только в аспекте адаптивных возможностей личности, но и в аспекте реализации её важнейших потребностей.

В данном контексте нами было проведено небольшое исследование целе-мотивационного назначения обращения молодых людей к популярным онлайн-площадкам. В качестве методического обеспечения использовался приём незаконченных предложений. Респондентам предлагалось закончить предложения, построенные по типу «Instagram нужен мне для...» и «Instagram нужен моим сверстникам для...», назвав до трёх вариантов ответов. В исследовании приняли участие 33 студента Красноярского государственного педагогического университета имени В. П. Астафьева, из них 51,5 % женщин и 48,5 % мужчин.

Термин «мотивационные цели» в данном случае используется вследствие того, что формулируемые респондентами предназначения использования ресурсов Интернета имеют двойную природу. С одной стороны, в их основе лежат потребности личности, с другой, их конкретизация оформляется актуальными социальными нарративами. Данный термин близок к представлению К. Левина о квази-потребностях с несколько большим смысловым акцентом на социальную конвенциональность. И этот аспект важен в контексте того, что понимание человеком ситуации взаимодействия клишируется актуальным тезаурусом, принятым в определённом социальном контексте (исторический период, сфера жизнедеятельности). Индивидуальная мотивационная предрасположенность структурируется и в некоторой степени задаётся этим тезаурусом.

Согласно результатам исследования, все опрошенные пользуются двумя и более из представленных площадок. Чаще всего студенты для своих повседневных нужд используют три (четвёртая часть выборки) или пять (ещё четверть) из представленных онлайн-площадок. Наименее востребованными социальными сетями являются Одноклассники (9 %) и Фэйсбук (9 %). Наибольшая популярность – у социальной сети ВКонтакте (97 %) и видеохостинга Ютуб (94 %).

Обработка данных заключалась в определении основных категорий данных респондентами ответов и подсчёте процентной доли респондентов, использующих каждую из категорий от общего их числа (поскольку число ответов не стандартизовано, суммы этих долей не составляют ста процентов). Результаты обработки представлены в таблице.

Количество упоминаний основных типов мотивационных целей использования онлайн-площадок, %

Мотивационные цели	Инстаграм		ВКонтакте		Фэйсбук		Ютуб		Телеграм		Твиттер		Одно-классники	
	Я	Св	Я	Св	Я	Св	Я	Св	Я	Св	Я	Св	Я	Св
Общение	24,2	33,3	84,8	75,8	–	27,2	–	–	39,4	57,6	3	9,1	6,1	9,1
Развлечение, досуг, отдых	37,3	40,4	21,2	12,8	3,0	3,0	48,5	51,6	6,1	9,1	9,1	15,2	–	–
Самопрезентация самовыражение самореализация	15,2	24,3	–	–	–	–	–	–	–	–	12,1	27,3	–	–
Наблюдение за окружающими	18,2	18,2	–	–	–	3,0	–	–	–	–	–	–	3,0	3,0
Поиск информации	21,2	9,1	12,1	3,0	–	3,0	6	–	54,6	54,4	3,0	–	–	–
Потребление контента	6,1	3,0	–	–	–	–	42,4	–	3,0	–	6,1	6,1	–	–
Новости	12,1	3,0	18,2	3,0	–	6,1	9,1	6,1	30,3	15,2	9,1	9,1	–	3,0
Публикация фото/ видео	15,1	6,1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Хобби	6,0	3,0	6,1	3,0	–	–	12,2	6	–	–	–	–	–	–
Работа	3,0	–	6,1	6,1	–	6,1	3	–	6,1	3,0	3,0	–	–	–
Учёба образование	3,0	3,0	18,2	9,1	–	3,0	39,4	15,2	–	6,1	–	3,0	–	–
Музыка	–	–	18,2	18,2	–	–	–	–	12,1	3,0	–	3,0	–	–
Фильмы, видео	–	3,0	3,0	3,0	–	–	27,3	18,2	–	–	–	–	–	–
Обмен (файлы, фото, мысли)	–	–	3,0	6,1	–	–	–	–	6,1	6,1	–	9,1	–	–
Объединение	3,0	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	6,0	–
Новые возможности	–	3,0	3,0	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Эмоции	6,1	–	–	3,0	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Подтверждение аккаунта	–	–	–	–	6,1	6,1	–	–	–	–	–	–	–	–

Как видим, онлайн-площадки предоставляют возможности реализации разнообразных мотивационных целей.

Если попытаться объединить указанные респондентами мотивационные цели по тематическому основанию, то можно определить следующие их группы.

1. Общение (собственно общение, объединение с близкими и единомышленниками, обмен файлами).

2. Наполнение досуга (развлечение, эмоции, музыка, видео).

3. Самопрезентация (собственно самопрезентация, самовыражение, самореализация, публикация фото, видео, своих работ).

3. Получение информации, ориентировка в окружающем (Ориентировка может иметь разный характер. Так, например, Инстаграм для некоторых респондентов – возможность наблюдать за проявлениями других людей. Практически все площадки в той или иной мере обеспечивают новостями, большинство могут служить поисковыми каналами при необходимости получения какой-либо справочной информации вплоть до местонахождения торговых точек. Специфическую по формулировке цель представляет «потребление контента». Фактически это тоже «информационное насыщение», но со специфичным для конкретной онлайн-площадки содержанием. К этой группе можно отнести и ответы с формулировкой «Новые возможности»).

4. Развитие (учёба, образование, хобби, в том числе занятия спортом).

5. Работа.

Разные площадки используются для реализации мотивационных целей в разной степени и в разном соотношении у разных респондентов. Фактически можно говорить о том, что каждый респондент выстраивает в пользовании онлайн-ресурсами собственный мотивационный гомеостаз.

Описанные данные в совокупности с анализом научно-методических источников позволяют ставить вопросы для дальнейших исследований с направленностью на повышение субъектности в пользовании онлайн-ресурсами как составляющей жизнедеятельности:

- каким образом артикулируемые субъектом цели использования интернет-ресурсов связаны с их базовыми личностными мотивами?
- каким образом эта связь опосредуется актуальными социальными представлениями и социально желательными образцами пользовательской активности?
- в какой мере субъект осознаёт и реализует ресурсность пользовательской активности в удовлетворении базовых мотивов личности?

Библиографические ссылки

1. Будыкин С. В. Информационная безопасность детей и подростков в современном мире: психологические аспекты проблемы [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. Т. 7, № 1. С. 13–24. Doi: 10.17759/psylaw.2017070102.
2. Интернет в России: динамика проникновения. Зима 2017–2018 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/13999> (дата обращения: 06.04.2021).
3. Тхостов А. Ш. Трансформация высших психических функций в эпоху информационного общества [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=B8FuIeaAWfo> (дата обращения: 07.04.2021).
4. Лукьянченко Н. В., Довыденко Л. В., Аликин И. А. Ценности успеха в представлении студенческой молодежи поколения Z // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10, № 2. С. 82–94. Doi: 10.17759/sps.2019100207.
5. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И. Итоги цифровой трансформации: от онлайн-реальности к смешанной реальности // Культурно-историческая психология. 2020. Т. 16, № 4. С. 87–97. Doi: 10.17759/chp.2020160409.
6. Тхостов А. Ш., Сурнов К. Г. Влияние современных технологий на развитие личности и формирование патологических форм адаптации: обратная сторона социализации // Психологический журнал. 2005. № 6. С. 16–24.
7. Global digital report 2019 – We are social [Электронный ресурс]. URL: <https://wearesocial.com/global-digital-report-2019> (дата обращения: 02.04.2021).
8. Joinson A. N. Causes and implications of disinhibited behavior on the Internet // Psychology and the Internet / J. Gackenbach (ed.). Boston, MA : Academic Press, 2007. P. 43–60.
9. Kende A., Ujhelyi A., Joinson A., Greitemeyer T. Putting the social (psychology) into social media // European Journal of Social Psychology. 2015. Vol. 45. P. 277–278. Doi: 10.1002/ejsp.2097.
10. Moor L., Anderson J. A systematic literature review of the relationship between dark personality traits and antisocial online behaviours // Personality and Individual Differences. 2019. Vol. 144. P. 40–55. Doi: 10.1016/j.paid.2019.02.027.
11. Suler J. The online disinhibition effect // Cyberpsychology and Behaviour. 2004. Vol. 7. P. 321–326. Doi: 10.1089/1094931041291295.
12. Udris R. Psychological and social factors as predictors of online and offline deviant behavior among Japanese adolescents // Deviant Behavior. 2017. Vol. 38. P. 792–809. Doi: 10.1080/01639625.2016.1197689.

© Еременко М. С., Лукьянченко Н. В., 2021

УДК 159.9.07

АПАТИЯ И ОРГАНИЗАЦИОННОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ: СВЯЗИ С ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ ВЫГОРАНИЕМ, УВЛЕЧЕННОСТЬЮ И УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬЮ РАБОТОЙ

А. А. Золотарева

старший преподаватель, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Российская Федерация

Целью исследования стало изучение связей между профессиональной апатией и организационным благополучием сотрудников российской организации. На примере 167 русскоязычных работающих респондентов было показано, что профессиональная апатия статистически значимо позитивно коррелирует с профессиональным выгоранием, а также негативно – с увлеченностью и удовлетворенностью работой. Результаты настоящего исследования могут быть использованы в практике диагностической и консультативной работы специалистов в области психологии труда и управления человеческими ресурсами.

Ключевые слова: профессиональная апатия, профессиональное выгорание, увлеченность работой, удовлетворенность работой.

APATHY AND ORGANIZATIONAL WELL-BEING: RELATIONSHIP WITH PROFESSIONAL BURNOUT, WORK ENGAGEMENT AND JOB SATISFACTION

The aim of the study was to examine the relationship between job apathy and organizational well-being among employees of a Russian organization. Using the example of 167 Russian-speaking working respondents, it was shown that job apathy is statistically significantly positively correlated with professional burnout, as well as negatively – with work engagement and job satisfaction. The results of this study can be used in the practice of assessment and consultation in labor psychology and human resource management.

Keywords: job apathy, professional burnout, work engagement, job satisfaction.

Проблема профессиональной апатии является, с одной стороны, актуальной в силу распространенности психологической дезадаптации среди сотрудников современных организаций, с другой стороны, малоизученной в силу ограниченного количества теоретических и эмпирических исследований. Так, П. Спектор впервые исследовал влияние организационной фрустрации и локуса контроля на эмоциональные и поведенческие реакции сотрудников в фрустрирующих обстоятельствах. Анализируя факторную структуру ответов, он обнаружил специфический фактор, который назвал «апатией по отношению к работе» [9]. Тестовые пункты этого фактора характеризовали апатичное поведение сотрудников и фрустрацию на рабочем месте (например, «Я намеренно выполнял работу неправильно», «Я принимал на работе какие-либо психотропные вещества, чтобы получить удовольствие»). Позже О. Ладебо оценила влияние отношения к работе на намерение оставить профессию среди учителей начальных школ Нигерии [7]. Она использовала шкалу удовлетворенности работой и нашла фактор, который назвала «профессиональной апатией». Этот фактор состоял из пяти пунктов (например, «Я чувствую себя изолированным от своих коллег», «Я не чувствую, что могу ставить собственные задачи по отношению к моему преподаванию»). Шкала профессиональной апатии, закодированная таким образом, что более высокий балл означал более

низкий уровень профессиональной апатии, позитивно коррелировала со шкалой карьерных обязательств, глобальным индексом удовлетворенности работой и шкалой намерений покинуть работу, где более высокий балл означал более низкое намерение оставить профессию. Наконец, Г. Шмидт и его коллеги определили профессиональную апатию как «состояние пониженной мотивации и аффекта по отношению к своей работе» [8, р. 486]. Они предположили, что профессиональная апатия состоит из трех компонентов: апатичных эмоций, или эмоциональной отстраненности от работы и организации; апатичных мыслей, при которых сотрудник уделяет мало умственного внимания работе или рабочему месту; и апатичных действий, которые проявляются в отсутствии активности на рабочем месте сверх того, что абсолютно необходимо для работы и организации. Таким образом, «апатичный работник должен демонстрировать признаки снижения аффекта по отношению к рабочему месту, снижения умственных инвестиций в свою работу и более низкого уровня эффективных действий по отношению к рабочим задачам» [8, р. 488].

Целью настоящего исследования является изучение связей между профессиональной апатией и организационным благополучием (а именно профессиональным выгоранием, увлеченностью и удовлетворенностью работой) сотрудников российской организации.

Метод

Участники исследования. В исследовании приняли участие 275 сотрудников организации «Курьер Сервис Экспресс» (г. Москва) в возрасте от 19 до 61 года ($\mu = 33,33$, $\sigma = 7,85$) со стажем работы в данной организации от 7 дней до 20 лет ($\mu = 4,56$, $\sigma = 4,47$). Помимо возраста и стажа работы в организации респондентов просили указать ряд прочих социально-демографических данных, в частности, их пол, семейное положение, наличие детей и уровень образования.

Инструменты. Все участники исследования заполнили анкету, состоящую из следующих диагностических инструментов:

Шкала профессиональной апатии Г. Шмидта в адаптации А. А. Золотаревой оценивает степень утраты профессиональной мотивации и ее структуру, состоящую из апатичных мыслей и апатичных действий [2].

Опросник профессионального выгорания К. Маслач и С. Джексона в адаптации Н. Е. Водопьяновой и Е. С. Старченковой диагностирует профессиональное выгорание как стойкую потерю профессиональной эффективности, а также ее структуру в виде эмоционального истощения, деперсонализации и профессиональных достижений [1].

Утрехтская шкала увлеченности работой В. Шауфели в адаптации Д. А. Кутузовой измеряет позитивное отношение к работе и его структуру, состоящую из компонентов энергичности, преданности делу и поглощенности [4].

Опросник компонентов удовлетворенности трудом Т. Ю. Ивановой, Е. И. Рассказовой и Е. Н. Осина оценивает пять компонентов удовлетворенности трудом: удовлетворенность заработной платой, организацией труда, руководством, коллективом, процессом и содержанием труда [3].

Результаты

Показатели профессиональной апатии оказались частично связанными с социально-демографическими характеристиками респондентов. Так, анализ различий по показателям профессиональной апатии, выполненный с помощью критерия различий t-Стьюдента, показал, что между мужчинами и женщинами не существует значимых различий ни по шкале апатичных мыслей ($t = 0,09$, $p > 0,05$), ни по шкале апатичных действий ($t = 0,89$, $p > 0,05$). С помощью ANOVA также были обнаружены статистически значимые различия в показателях профессиональной апатии по возрасту и семейному положению респондентов. В частности, у респондентов в возрасте 30 и менее лет показатели апатичных действий выше, чем у респондентов в возрасте от 31 до 40 лет и респондентов в возрасте 41 и более лет ($F(2) = 5,642$, $p < 0,01$), а у респондентов, состоящих в браке, показатели апатичных действий выше, чем у холостых и разведенных респондентов ($F(2) = 3,386$, $p < 0,05$).

Анализ корреляционных связей между апатией и организационным благополучием показал, что профессиональная апатия статистически значимо позитивно коррелирует с такими показателями профессионального выгорания, как эмоциональное истощение ($r = 0,649$, $p < 0,001$) и деперсонализация ($r = 0,536$, $p < 0,001$), а также негативно – с профессиональными достижениями ($r = -0,447$, $p < 0,001$). Кроме того, профессиональная апатия статистически значимо негативно коррелирует со всеми показателями увлеченности работой, в том числе энергичностью ($r = -0,404$, $p < 0,001$), преданностью делу ($r = -0,408$, $p < 0,001$) и поглощенностью ($r = -0,303$, $p < 0,001$), а также со всеми показателями удовлетворенности трудом, в том числе удовлетворенностью заработной платой ($r = -0,281$, $p < 0,001$), организацией труда ($r = -0,300$, $p < 0,001$), руководством ($r = -0,253$, $p < 0,001$), коллективом ($r = -0,367$, $p < 0,001$), процессом и содержанием труда ($r = -0,417$, $p < 0,001$).

Обсуждение результатов

Обнаруженные в настоящем исследовании закономерности, в соответствии с которыми профессиональная апатия статистически значимо позитивно коррелирует с профессиональным выгоранием, а также негативно – с увлеченностью и удовлетворенностью работой, соотносятся с результатами немногочисленных теоретических и эмпирических исследований, демонстрирующих связи между профессиональной апатией и организационным благополучием сотрудников. Так, Г. Блау и К. Боал описали апатичных членов организации как сотрудников с низкой организационной приверженностью и низкой увлеченностью работой [5]. Результаты эмпирических исследований подтвердили, что профессиональная апатия позитивно коррелирует с профессиональным выгоранием, а также негативно – с увлеченностью и удовлетворенностью работой [7; 8; 10].

Кроме того, в настоящем исследовании было показано, наиболее высокие показатели профессиональной апатии характерны для сотрудников более молодого возраста, а также состоящих в браке. В доступной литературе отсутствуют сведения о результатах эмпирических исследований связи между профессиональной апатией и возрастом сотрудников, однако современные исследователи предполагают, что молодые сотрудники испытывают более высокий уровень эмоционального выгорания по сравнению с сотрудниками более старшего возраста, в то время как последние кажутся более преданными своему делу, чем их молодые коллеги [6]. В свою очередь, обнаруженные закономерности, связанные с семейным статусом респондентов, можно объяснить с помощью конфликта между семьей и работой. В ряде эмпирических исследований показано, что конфликт между семьей и работой приводит к снижению удовлетворенности жизнью и работой, а также нередко побуждает сотрудников, состоящих в браке, уходить с работы или менять ее на более «удобную» для семьи [11].

Настоящее исследование имеет некоторые ограничения и перспективы. Первое ограничение заключается в том, что исследование носит кросс-секционный характер, что не позволяет делать выводы о причинно-следственных связях между профессиональной апатией и организационным благополучием сотрудников. Перспективой исследования является экспериментальная оценка роли профессиональной апатии в профессиональном выгорании, увлеченности и удовлетворенности работой современных сотрудников российских организаций. Второе ограничение состоит в том, что в настоящем исследовании была использована относительно небольшая выборка респондентов, набранная по принципу удобства, что в перспективе требует репликационных исследований с привлечением систематических или стратифицированных методов формирования выборки.

Заключение

Настоящее исследование является первой эмпирической работой, показавшей связи между профессиональной апатией и профессиональным выгоранием, увлеченностью и удовлетворенностью работой сотрудников российской организации. Результаты настоящего исследования могут быть использованы в практике диагностической и консультативной работы специалистов в области психологии труда и управления человеческими ресурсами.

Библиографические ссылки

1. Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб. : Питер, 2008.
2. Золотарева А. А. Адаптация шкалы профессиональной апатии Г. Шмидта [Электронный ресурс] // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 2. С. 115–126. URL: <https://doi.org/10.31857/S020595920007904-0> (дата обращения: 03.11.2020).
3. Иванова Т. Ю., Рассказова Е. И., Осин Е. Н. Структура и диагностика удовлетворенности трудом: разработка и апробация методик // Организационная психология. 2012. Т. 2, № 3. С. 2–15.
4. Кутузова Д. А. Организация деятельности и стиль саморегуляции как факторы профессионального выгорания педагога-психолога : дис. ... канд. психол. наук. М., 2006.
5. Blau G., Boal K. Conceptualizing how job involvement and organizational commitment affect turnover and absenteeism [Электронный ресурс] // Academy of Management Review. 1987. Vol. 15, No. 1. P. 115–127. URL: <https://doi.org/10.5465/AMR.1987.4307844> (дата обращения: 03.11.2020).
6. Haley L. M., Mostert K., Els K. Burnout and work engagement for different age groups: Examining group-level differences and predictors [Электронный ресурс] // Journal of Psychology in Africa. 2013. Vol. 23, No. 2. P. 283–295. URL: <https://doi.org/10.1080/14330237.2013.10820625> (дата обращения: 03.11.2020).
7. Ladebo O. J. Effects of work-related attitudes on the intention to leave the profession: An examination of school teachers in Nigeria [Электронный ресурс] // Emotional Management Administration and Leadership. 2005. Vol. 33, No. 3. P. 355–369. URL: <https://doi.org/10.1177/1741143205054014> (дата обращения: 03.11.2020).
8. Schmidt G. B., Park G., Keeney J., Ghumman S. Job apathy: Scale development and initial validation [Электронный ресурс] // Journal of Career Assessment. 2017. Vol. 25, No. 3. P. 484–501. URL: <https://doi.org/10.1177/1069072715599536> (дата обращения: 03.11.2020).
9. Spector P. E. Relationships of organizational frustration with reported behavioral reactions of employees [Электронный ресурс] // Journal of Applied Psychology. 1975. Vol. 60, No. 5. P. 635–637. URL: <https://doi.org/10.1037/h0077157> (дата обращения: 03.11.2020).
10. Ugwu F. O., Onyishi I. E., Egwu O. I., Akanu O. O., Groupson O., Agudiegwu M. Job apathy and work engagement: Moderating influence of perceived leader integrity and spiritual intelligence in a Nigerian mass transit company [Электронный ресурс] // Journal of Psychology in Africa. 2019. Vol. 29, No. 2. P. 104–109. URL: <https://doi.org/10.1080/14330237.2019.1594648> (дата обращения: 03.11.2020).
11. Warokka A., & Febrilia I. Work-family conflict and job performance: Lesson from a Southeast Asian emerging market [Электронный ресурс] // Journal of Southeast Asian Research. 2015. Article ID 420802. URL: <https://doi.org/10.5171/2015.420802> (дата обращения: 03.11.2020).

© Золотарева А. А., 2021

УДК 005.32

ТЕРМИНЫ И СМЫСЛОВЫЕ ПОЛЯ КАК БАРЬЕРЫ НА ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Е. Г. Ксенофонтова

*доцент, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова;
ведущий консультант ГК «Топ-Менеджмент Консалт»,
г. Москва, Российская Федерация*

Автор обращает внимание на то, что в разные периоды времени и в разных социальных группах происходит автономное развитие тех или иных общеупотребимых слов. Таким образом затрудняется последующее взаимопонимание специалистов разных сфер. А это, в свою очередь, ведет к понижению их возможности осуществлять полезные для социальной практики научные разработки. Одним из примеров этой проблемы является смысловое поле терминов, связанных с управлением производительностью деятельности.

Ключевые слова: продуктивность деятельности, производительность труда, компетенции, квалификации, результативность, перформанс, эффективность, KPI.

TERMS AND SEMANTIC FIELDS AS BARRIERS TO IMPROVING THE EFFICIENCY OF SOCIAL AND INDUSTRIAL RELATIONS

The author draws attention to the fact that in different periods of time and in different social groups there is an autonomous development of certain commonly used words. Thus, the subsequent mutual understanding of specialists in different fields is difficult. And this, in turn, leads to a decrease in their ability to carry out scientific developments that are useful for social practice. One example of this problem is the semantic field of terms related to performance-productivity management.

Keywords: activity productivity, labor productivity, competencies, qualifications, effectiveness, performance, efficiency, KPI.

В целях консолидации опыта ученых и практиков, способной помочь повышению эффективности социально-производственных отношений, хотелось бы обратить внимание на серьезные *помехи желаемой консолидации*. Многие из этих помех напоминают последствия Вавилонского столпотворения, причем часть из них уходит корнями в до-после-потопные времена, часть добавилась в связи с глобализацией-цифровизацией, часть усугубляется «инновационной бюрократией» или «управленческим конвейером» [2; 7].

Дифференциация специалистов, «подобных флюсу», как А. П. Чехов однажды заметил, усугублялась слабо пересекающимися наборами терминов и изучаемых «базовых» работ уже внутри одной специальности. Представители разных научных школ ставили ударение в одних и тех же словах на разные гласные, читали и цитировали более поощряемые-закупаемые-доступные и офлайн трактуемые «основополагающие» научные работы. Сейчас к этому добавилось пребывание на разных цифровых платформах с диаметрально противоположными новостями и картинками мира; владение разными наборами языков (только родной и чужие переводы на него научной литературы – или личное чтение иноязычных текстов с совершенно иным смысловым и терминологическим переводом), а также дополнение или элиминация некоторых принципов и компетенций (полученных в профессиональном образовании) новым бизнес-опытом или бизнес-ориентированными тренингами. Кстати, уже пора

переключать внимание с термина «Компетенции» (в профессиональных стандартах этого термина нет), не на «Профессионально важные качества» – они работодателей мало интересуют, и не на «Квалификацию», а на «Квалификации»! Работодателям и Национальному совету по профессиональным квалификациям требуются в первую очередь именно они (единственное число слова «квалификация» не соответствует смыслу множественного числа) [5, с. 201].

Посмотрим на термин «Продуктивность». Даже в материалах не первый год проводимой СибГУ им. М. Ф. Решетнева конференции, с поставленными важными вопросами для обсуждения, авторы или не употребляют термин «продуктивность», или употребляют в контекстах «продуктивности деятельности» или «продуктивности и качества». А в анонсируемой автором-политтехнологом к выходу научно-популярной книге с призывом «Живи продуктивно!», уже в названии происходит переход к термину «Эффективность» [8; 1].

Статистика и поисковика «Яндекс», и поисковика «Google» (аудитории их различаются как личными предпочтениями сервисов, так и типами-марками устройств, с которых они заходят в сеть), показывает следующее: при более частой естественно-научной насыщенности термина (продуктивность болот, молочных коров, воспалительных процессов и шизофренического бреда), в социально-производственных контекстах термин «Продуктивность» используется реже («продуктивность деятельности» и «повышение продуктивности» всего). И причина тому – наличие более употребляемых в производственно-экономической среде слов. Как переводится на английский язык продуктивность? *Productivity*. Что мы получаем при обратном переводе? *Производительность*. Термин «производительность» употребляется в производственной сфере значительно чаще (тоже не без плодовитости и урожайности, хотя чаще речь идет о производительности труда). Но и это еще не всё.

Сравним запросы к Google с территориями любых стран. Из 4 упоминаемых в этом абзаце русскоязычных терминов «Продуктивность» запрашивается очень редко, «Результативность», которую скоро обсудим, еще реже. Тогда как количество запросов со словом «Производительность» велико, а со словом «Эффективность» еще выше.

При англоязычных запросах слово «*Productivity*» интересует население планеты меньше, чем нас «Продуктивность». Минимальны попытки искать термин «*Efficiency*» и однокоренные ему слова. Однако запросы к слову «*Performance*» бьют все рекорды. Тем не менее, в течение последних 5 лет наблюдается некоторое снижение интереса к этому слову. Потихонечку начинается понимание, стало быть, языка современного менеджмента. Или, наоборот, языка «ивент-менеджеров», устраивающих перформансы с другим смыслом – как небольшие «зрелища».

Если же говорить не о терминах, а о смысловых полях, которые формируются из запросов на любых языках мира, «признаваемых Гуглом», то смысловое поле «Эффективности» (которое искусственный интеллект Гугла для русскоязычных именуется как «тема Действительности»), показывает, что интерес к этой теме в мире достаточно высок. Чуть меньше, но близок объем интереса к теме *Продуктивности*, а тема *Результативности*, к которой трудно понять, что относит искусственный интеллект с помощью самостоятельно осуществляемого «машинного обучения», практически не заметна на рисуемых этой системой графиках [9].

Итак, без обсуждения смыслового поля термина *Performance* (настолько трудно переводимого, что в таком виде и употребляемого многими русскими авторами – Перформанс), здесь не обойтись. Если не говорить о виде кинетического искусства и произведениях в виде «действия» или зрелища, то для управленческой практики останется общим с таким пониманием только «явно видимое». Фактически достигнутый исполнителем результат, сравниваемый с поставленным заказчиком или руководителем планом. Как правило, европейцы называют второе словом *Target* (то есть цель), антиципация которой магическим образом передается от начальника подчиненному. А уже степень достижения целевого значения, выражаемая в процентах, называют тем самым перформансом. При этом используется аббревиатура, широко употребляемая и в России: *KPI (Key Performance Indicators)*. Поскольку необходимо выбирать именно *ключевые* для данного времени *показатели*, выставляющиеся как планка контроля и самокон-

троля для подразделений и сотрудников. И у нас часто говорят о сравнении «*Плановых и фактических KPIs*», не желая использовать переводы, трудно или неточно отражающие смысл термина: *KПЭ* – ключевые показатели эффективности, *KПД* – ключевые показатели деятельности или, наиболее точное: *KПР* – ключевые показатели результативности [4, с. 98].

Важно также обратить внимание на мировую историю менеджмента, демонстрирующую те же проблемные тенденции недостаточной консолидированности специалистов и подходов. Д. Нортон и Р. Каплан, описавшие и заинтересовавшие многих «частично уникальным» подходом *BSC* – balance score cards (или *ССП* – система сбалансированных показателей), фактически анализировали опыт бизнес-организаций, давно работающих с *KPIs*, реализующих принципы *MBO* – management by objectives (по-русски *УПЦ* – управление по целям), пропагандировавшие Питером Друкером еще в середине XX века. Но сейчас можно найти организации, в которых параллельно существуют для разных подразделений или должностных групп все эти три! Исторически вытекающие друг из друга системы менеджмента.

Для завершения обсуждения терминологических нестыковок в социально-производственной сфере хотелось бы обратить внимание на «исторически бюрократически сложившуюся» практику ошибочного по сути противопоставления терминов «профессии рабочих» и «должности служащих»; *РСС* – руководители, специалисты, служащие; а также «кадры», обозначающие уже достаточно редко персонал без высшего руководящего состава, тогда как само слово подчеркивает «попадание в кадр» кадрового состава особо квалифицированных специалистов, противопоставляемых в данной логике временно рекрутируемым не специалистам.

Неоднозначно трактуемые термины социально-производственной сферы

Англоязычные термины	Особенности объема понятий и употребления
Management	Противопоставляется «Управлению организациями» и порождает избыточную дифференциацию смысловых полей
Competencies (есть разные модификации и трактовки) Qualifications	Компетентность – компетенция – компетентности (смыслы различаются и в юридическом, и в управленческом аспектах). Существенно отличаются от квалификации и квалификаций, а также от профессионально важных качеств
Corporate Value	Корпоративные (не признаются синонимом Организационным); ценность (для клиента, к примеру), часто переводится как стоимость. Корпоративные ценности избыточно совпадают (хотя и должны пересекаться) с корпоративными компетенциями
Productivity, productiveness, efficacy, efficiency, efficiency, effectivity	Термины, как правило расчетные, то есть показывающие отношение получаемого эффекта (или объема) к единице или количеству затрачиваемого ресурса. Продуктивность и производительность, эффективность и действенность, работоспособность, экономичность и экономность
Performance. MBO – management by objectives KPI – key performance indicators BSC – balance score cards; perspective growth	В современном искусстве – художественное представление (видимое в момент его показа). В бизнесе трактуется аналогично приведенным выше терминам. Но больший акцент делается не на потенциал (производительности), а на получаемые <i>результаты</i> . Видимое – выполненное (в процентах от планового). По сути основа УПЦ, КПР/ КПЭ и СПП. Аспект «Развитие» в трактовках СПП ошибочно ограничивается только развитием персонала
Talant Management, HiPo	Системы поиска и развития талантов и высокопотенциальных сотрудников, или чрезмерно распространяющие понимание таланта, или, чаще наоборот, сужающие свое внимание только на особые группы персонала
Coaching (badding)	Ошибочно противопоставляется психотерапевтическим практикам гуманистического направления и NLP; и наставничеству, как одна из возможных его методических форм. Осуществляется в разных форматах: как стиль руководства, как помощь профессионального коуча (не «коучера»), как метод поддержки со стороны референтного человека – «приятеля», не всегда удачно «назначаемого сверху»
On-boarding	Ошибочно противопоставляется адаптационным процедурам

Таким образом, развитие человеческой практики естественным образом изменяет значение и возможности применения бывших привычными, но «морально устаревших» понятий. И встречаем мы это повсюду: в фильме «Тот самый Мюнхгаузен» слышим, что «в однобортных уже дано не воюют»; в магазинах одежды узнаем, что шарфики этого цвета уже «не актуальны»; а на «улицах Новаторов», имеющихся во многих городах, обнаруживаем, что в век инноваций нам уже не нужны новаторы – теперь мы надеемся на то, что HiPo (высокопотенциальные сотрудники) или интерналы, или Talant Management (система управления талантами) поможет нашим организациям стать еще более инновационными [3; 6].

Библиографические ссылки

1. Агеев Р. Живи продуктивно! Системный подход к тайм-менеджменту, саморазвитию и личной эффективности [Электронный ресурс]. В печати. URL: <https://zen.yandex.ru/zhiproductivno> (дата обращения: 08.04.2021).
2. Барков С. А., Зубков В. И. Монологи и диалоги о постмодерне и постмодернизме. М. : ИПО «У Никитских ворот», 2019. С. 220–254.
3. Взаимоотношения организации и работников: тенденции, проблемы, решения [Электронный ресурс] : коллективная монография / Е. Г. Ксенофонтова и др. ; под ред. Е. Г. Ксенофонтовой. М. : МАКС Пресс, 2021. 176 с. URL: <http://istina.msu.ru/profile/Eksen/> (дата обращения: 08.04.2021).
4. Ксенофонтова Е. Г. Оценка трудовой деятельности, аттестация и вознаграждение персонала. Гл. 13, 14 // Управление человеческими ресурсами. В 2-х ч. : учебник и практикум для академ. бакалавриата / под ред. С. А. Баркова. М. : Юрайт, 2019. Часть 2. С. 68–118.
5. Ксенофонтова Е., Пехова Н. Социология компетентности и модель компетенций как области научного и практического интереса [Электронный ресурс] // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 1. С. 194–206. URL: <https://vestnik.socio.msu.ru/jour/article/view/13> (дата обращения: 08.04.2021).
6. Локус контроля: более полувека исследований : монография / под ред. Е. Г. Ксенофонтовой. М.: Проспект, 2021. – 110 с.
7. Пахальян В. Э. Управленческий конвейер и вопросы определения содержания профессиональной деятельности специалиста // Школьные технологии, 2018, № 6. С. 17–22.
8. Психология в системе социально-производственных отношений [Электронный ресурс] : материалы Междунар. науч.-практ. конф. ; СибГУ им. М. Ф. Решетнева. Красноярск, 2018. URL: <https://www.sibsau.ru/scientific-publication/> (дата обращения: 08.04.2021).
9. Google Trends. Сайт анализа статистики поисковых запросов к Google [Электронный ресурс]. URL: <https://trends.google.ru/trends/?geo=RU> (дата обращения: 08.04.2021).

© Ксенофонтова Е. Г., 2021

УДК 159.9

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА КАК ИНСТРУМЕНТ СОВЛАДАНИЯ?

Е. И. Кудрявцева

*кандидат психологических наук,
доцент департамента менеджмента, Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: eikudriavtseva@hse.ru*

Потребность в психологических исследованиях и психологической поддержке различных видов деятельности в пандемию COVID-19 может рассматриваться как период «третьего пришествия» психологической науки в пространство социального дискурса. Вслед за расцветом первой трети XX века и повышенным вниманием 1960–1970 гг. психология вновь заявляет себя как общественно значимая наука, отвечающая самым актуальным и глобальным потребностям человечества. Анализируются перспективы удержания психологической наукой статуса инструмента коллективного совладания в условиях глобального вызова.

Ключевые слова: психологическая наука, социальный дискурс, COVID-19, совладание.

DOES PSYCHOLOGICAL SCIENCE BE A COPING INSTRUMENTS?

The needs for psychological research and psychological support for various activities in the pandemic COVID-19 can be considered as the period of the “third coming” of psychological science into the space of social discourse. Following the heyday of the first third of the 20th century and the increased attention of 1960–1970, psychology again declares itself as a socially significant science that meets the most pressing and global needs of mankind. Prospects of psychological science holding the status of collective coping instrument in conditions of global challenge are analyzed.

Keywords: scientific psychology, social discourse, COVID-19, coping.

История развития психологии как фундаментальной науки и системы прикладных знаний показывает, что общество проявляет повышенный интерес к психологическому знанию именно в те моменты, когда происходит переопределение сущности социального бытия, его смыслов и оснований. Как следует из посылки о том, что психология формируется обществом, а общества складываются исторически [8], она должна осмысляться как историческая наука [10], раскрывая ключевые смыслы, формируемые теми или иными периодами человеческой истории и демонстрируя как основные человеческие запросы, так и способы ответа на них.

Пандемия COVID-19 создала ситуацию, в которой с невероятной силой актуализировались темы прикладной и фундаментальной психологии, захватывая все большее внимание средств массовой информации, наиболее ярко отражающих логику и структуру социального дискурса. По мнению С. Райхера (члена редакционного совета SAGE и Independent SAGE), тот интерес к психологии и поведенческим наукам, который наблюдается сейчас, не был замечен в течение последних, по крайней мере, 40 лет [15]. Таким образом, он датирует предыдущий бум интереса не позднее 1980-х годов, предположительно, связывая его с зарождением когнитивной психологии на стыке нескольких наук, интенсивно развивавшихся в 1960–1970-х годах. Это был период второго взлета общественного внимания к научной психоло-

гии. Он был инспирирован началом новой «волны развития человечества» [21], эпохи, которая стартовала десятилетием великих космических освоений и продолжилась развитием когнитивных знаний и началом нейронаук. Именно в этот период психология стала интересна ширящейся армии менеджеров, а психологические факультеты стали обязательным атрибутом большинства университетов. А еще ранее, в первой трети XX века, состоялось первое общественное признание психологии в статусе науки, затрагивающей интересы всего человечества. Тогда актуальными были вопросы управления массовым поведением и развития производительности индустриализированного труда.

Психологическая наука актуализируется в социальном дискурсе благодаря стечению трех факторов [17]. Во-первых, это особые ресурсы и инфраструктура, способствующие включению психологии как науки в существующие и развивающиеся институты. Во-вторых, это особый социальный климат, способствующий существованию психологии в качестве легитимной специальности, признаваемой и поддерживаемой запросами общества. Наконец, это формирующаяся академическая традиция, связанная с утверждением и распространением психологических теорий и концепций в широкой академической среде. Три группы факторов способствуют тому, что отдельные результаты теоретических и экспериментальных изысканий приводят к формированию психологического знания – общечеловеческого ресурса, позволяющего решать как глобальные, так локальные и рутинные задачи человеческого бытия.

Так можно ли назвать нынешнюю ситуацию временем «третьего пришествия» психологии в структуру общественного дискурса и предания ей статуса одной из наиболее важных наук? Будет ли она восприниматься обществом так, как ее понимают психологи? Как точно заметила Э. Роудз: «Что, если психология все-таки имеет значение?» [14]. Основания для ответов на эти вопросы можно почерпнуть в аналитике современного социального дискурса.

Согласно уже упомянутому высказыванию С. Райхера, возникает новая институционализация научной психологии за счет того, что политические институты, которые ранее не включали психологов в свои ряды, стали активно это делать, а темы, еще недавно обсуждаемые только в учебных аудиториях психологических факультетов или на страницах специализированных научных изданий, стали предметами самых массовых ток-шоу [15, с. 2]. Основой такого институционального включения является осознаваемая всеми потребность обуздания пандемии за счет развития соответствующих форм поведения. Даже временное и локальное институциональное сжатие в виде закрытия организаций или сокращения рабочих мест [2] не может ограничить этот институциональный всплеск.

Анализируя социальный климат, способствующий или препятствующий институционализации психологии как фундаментальной науки в структуре социального дискурса и общественного сознания, следует остановиться на идее о «двух психологиях», двух взглядах на поведение, противопоставление которых оказывается наиболее критичным именно в период пандемии [13]. «Первая психология» постулирует усугубляющуюся в период любого кризиса приверженность патернализму и вере в силу «агентов голубого света» – экстренных служб. Это взгляд расценивает людей как носителей хрупкой рациональности, подвергающейся предубеждениям в период неопределенности. Подтверждением тому служат примеры распространения представлений о COVID-19 как «болезни неразборчивых богатых» (Мексика). Эта специфическая латиноамериканская версия привела к сооружению баррикад, препятствующих перемещению обеспеченных людей к излюбленным местам их отдыха в Чили [12]. Сходные по степени иррациональности убеждения приводят к тому, что представители экстренных служб (медицинские работники, осуществляющие уход за больными), становятся не только символами самоотверженной борьбы, но и олицетворением опасности и смерти [6]. Психология смещения ответственности является существенным препятствием реализации даже самых простых антипандемических мер. «Вторая психология» – это система представлений о силе коллективного ответа вызовам, о стремлении людей к объединению и взаимопомощи, самоорганизации и поиску быстрых ответов на резкие изменения. Так, глубинные

интервью, проведенные в Бразилии [18], показали, что социальное восприятие пандемии содержит позитивные коннотации. Ситуация экстренной мобилизации в ответ на угрозу интерпретируется как «урок человечеству» и символ «начала перемен», как актуализация гуманистических трендов в системе социальных практик. Только направленное развитие настроений, связанных с этой, «второй психологией» может гарантированно служить основанием восприятия научной психологии как источника нового баланса понимания жизни, а не только как инструмента сиюминутной персональной поддержки. Запрос помощи, поступающий от носителей «первой психологии», должен быть уравновешен активной инструментальной поддержкой носителей «второй психологии».

Что касается академической традиции, то согласно недавним данным, пандемия привела к сверхлинейному росту объема публикаций, обсуждающих проблемы, связанные скоронавирусами, в 2020 году, в том числе – за счет удвоения объема публикаций (по сравнению с предыдущими годами) в области общественных наук. Выросла доля публикаций, находящихся в открытом доступе (20 % всего объема), по тематике COVID-19 – 87 % открыты для всех [1]. Факты свидетельствуют о том, что научное сообщество, прежде всего – в пространстве гуманитарных наук, направлено на активное распространение знаний и формирование широкой научной коалиции между представителями разных научных дисциплин. Цель этой коалиции заключена в формировании устойчивых целостных представлений о возможностях блокирования эпидемии и о механизмах ее влияния на жизнь людей, как в сам пандемический период, так и по его окончании.

Параллельно с развитием академической открытости все шире развивается дискуссия относительно того, может ли официальная наука считаться единственным источником знаний [19]. Все чаще раздаются голоса в поддержку так называемой гражданской науки, которая расценивается по-разному, особенно – в области гуманитарного знания. Есть свидетельства ее положительного влияния и желательности для решения социально значимых задач [16], но она также подвергается не просто жесткой критике, а описывается как «мусорное ведро» и считается способом размывания академической традиции [7]. Тем не менее, все чаще обычные люди привлекаются к сбору данных, что становится для них важным в том случае, когда они начинают осознавать себя не объектами, а субъектами проводимых исследований, например – при самофиксации настроения или действий вместо ответов на вопросы анкеты [20]. Именно смещение в сторону исследовательской идентичности позволяет решить не только прямые задачи того или иного исследования, но и создать глубокие отсроченные эффекты, такие как развитие системного мышления, повышение интереса к общим основаниям различных наук. Актуальная проблема заключается не в том, что исследования проводят люди, не имеющие официально подтвержденных компетенций. Сложность состоит в том, что даже при использовании всех доступных инструментов свободного обмена данными и исследовательской коммуникации известные варианты реализации открытой науки остаются локальными и не становятся истинным проявлением братства вовлеченных в науку и увлеченных ею [22].

Что же может научная психология сделать сегодня, когда ее голос не просто может быть услышан большинством, а большинство выражает открытую потребность в этом голосе? Достаточно упомянуть эффект введения понятия «социальное дистанцирование», вызвавшего устойчивые ассоциации с угрозами и нарушением идентичности [11], чтобы понять, насколько важно академическим психологам использовать механизмы «быстрого реагирования» и становиться «агентами голубого света», не дожидаясь, пока поступит вызов.

Наука имеет, по крайней мере, три варианта использования: концептуальное применение, инструментальное использование и наращивание потенциала [9]. В условиях глобального вызова, связанного с развитием пандемии COVID-19 и необходимости ее обуздания, все три формы использования науки оказываются в зоне обостренного социального запроса. Концептуальная сторона заключается в активности применения научного знания для изменения образа мышления и принятия решений, повышения общего уровня осведомленности

и осознанности у людей, имеющих разные социальные статусы и разные роли, то есть – блокирования «первой психологии». Именно поэтому широкое и свободное распространение научных объяснений того, что происходит в данный момент, становится ключевой функцией гуманитарного знания. Инструментальное влияние науки заключается в прямом воздействии на организацию деятельности больших и малых групп людей: поселений, организаций, семей. И в этом направлении важно не только объяснять характеристики принимаемых мер (направленность, время действия, правила), но и обеспечить возможность их реализации. Как оказывается, то, что выглядит как сопротивление мерам, связано с отсутствием ресурсов, а не с особенностями мотивации [15]. Наконец, наращивание потенциала выражается в изменении программ и форм реализации обучения (особенно – на рабочих местах и в связи с работой, так как это направление захватывает большую часть взрослого населения). Обучение все активнее разворачивается в направлении развития мягких навыков, потребность в которых проявилась в период пандемии и изоляции.

Научное сообщество еще до наступления пандемии COVID–19 артикулировало собственную ответственность в связи с вызовами XXI века [3]. Психологи заявляют себя в качестве основной силы, предлагающей инструменты, механизмы и практики совладания с неопределенностью и быстрыми изменениями, принесенными пандемией и организационными мерами ее блокирования. Так как пандемия оказывает влияние в целом на то, что можно назвать психологией устойчивости [5], преодоление как прямого влияния, так и последствий пандемии займет достаточное время. Уже сформулирован перечень основных направлений участия организационных и промышленных психологов в развитии технологий преодоления негативных эффектов пандемии и новых форм осмысления влияния таких глобальных кризисов как пандемия на логику изменений трудовых практик в широкой исторической ретроспективе [4]. Если специалисты, проводящие внутриорганизационные исследования, будут участвовать в системе открытой науки, раскрывая данные и передавая другим результаты своих исследований, интеграция практик научно обоснованного совладания происходила бы более интенсивно. Специалисты, имеющие академическую подготовку, могли бы вести больше блогов, открытых занятий, предоставляя пользователям, испытывающим потребность в психологической помощи, возможность решить многие проблемы самостоятельно, с опорой на систематизированные и структурированные знания. У академической и прикладной психологии есть еще не до конца исчерпанные ресурсы, чтобы превратить внезапно возникшие вызовы в возможности институционального переутверждения психологической науки.

Библиографические ссылки

1. Разумова И. К. Пандемия COVID-19 и режим самоизоляции: влияние на библиометрические показатели и использование научных публикаций. Ч. I. Число и структура публикаций // Наука и научная информация. 2020. № 3 (2–3). С. 166–187.
2. Abrams Z. Economic uncertainty: How COVID-19 has hit psychologists // Monitor on Psychology. 2020. Vol. 51, No. 7. P. 24–25.
3. Reflections on a Science and Technology Agenda for 21st Century Disaster Risk Reduction / A. Aitsi-Selmi et al. // International Journal of Disaster Risk Science. 2016. № 7. P. 1–29.
4. Cort W. R. et al. (2020). Pandemics: Implications for Research and Practice in Industrial and Organizational Psychology [Электронный ресурс] // ResearchGate. May. URL: <https://www.researchgate.net/publication/341582144> (дата обращения: 01.04.2021).
5. El Keshky, M.E.S., Basyouni, S. S., Al Sabban, A. M. (2020). Getting Through COVID-19: The Pandemic’s Impact on the Psychology of Sustainability, Quality of Life, and the Global Economy – A Systematic Review [Электронный ресурс] // Frontiers in Psychology. 11. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7688781/> (дата обращения: 01.04.2021).
6. Felicien K. K., Fabrice D. A., Fabrice S. A. Social representations of Covid-19 and stigmatization of healthcare personnel and people attained by abidjanese populations, Cote d’Ivoire // Technium Social Sciences Journal, Technium Science. 2020. Vol. 9 (1). P. 352–363.

7. Geppert M., Hollinshead, G. (2017). Signs of dystopia and demoralization in global academia: Reflections on the precarious and destructive effects of the colonization of the Lebenswelt // *Critical Perspectives on International Business*. Vol. 13(2). P. 136–150.
8. Henrich J, Heine S. J., Norenzayan A. The weirdest people in the world? // *The Behavioral and brain sciences*. 2010. Vol. 33 (2–3). P. 61–83.
9. Flows of knowledge, expertise and influence: a method for assessing policy and practice impacts from social science research / C. L. Meagher et al. // *Research Evaluation*. 2008. Vol. 17(3). P. 163–173.
10. Muthukrishna M., Henrich J. A problem in theory // *Nature Human Behaviour*. 2019. Vol. 3(3). P. 221–229.
11. Nerlich B., Jaspal R. Social representations of ‘social distancing’ in response to COVID-19 in the UK media [Электронный ресурс] // *Current Sociology*. 2021. Vol. 2. URL: <https://doi.org/10.1177/0011392121990030> (дата обращения: 01.04.2021).
12. Páez D., Pérez J. A. Social representations of COVID-19 [Электронный ресурс] // *International Journal of Social Psychology (Revista de Psicología Social)*. 2020. Vol. 35, Iss. 3. P. 600–610.
13. Reicher S., Drury J., Stott C. The two psychologies and Coronavirus // *The Psychologist*. 2020. April. P. 12–13.
14. Rhodes E. What if psychology mattered? // *The Psychologist*. 2019, July. P. 11–13.
15. Rhodes E., Sutton J. There are no good options // *The Psychologist*. 2021, March. P. 2–3.
16. Ten principles of citizen science / L. D. Robinson et al. // Hecker S., Haklay M., Bowser A., Makuch Z., Vogel J., Bonn A. (Eds). *Citizen science: Innovation in open science, society and policy*. UCL Press, London, 2018. P. 27–40.
17. Shiraev E. *A History of Psychology: A Global Perspective*. (2d Edition). George Mason University, USA, 2014.
18. Social Representations and Ideology: Theories of Common Sense About COVID-19 Among Middle-Class Brazilians and Their Ideological Implications [Электронный ресурс] / L. G. S. Souza et al. // *Journal of Social and Political Psychology*. 2021. Vol. 9(1). P. 105–122.
19. Stevove M. Reflections on science-society relationship Improving scientific communication and practice [Электронный ресурс] // *EASST Review*. 2016. Vol. 35(4). URL: <https://easst.net/article/reflections-on-science-society-relationship-improving-scientific-communication-and-practice/> (дата обращения: 01.04.2021).
20. Citizen science in the social sciences and humanities: The power of interdisciplinarity / L. Tauginienė et al. // *Palgrave Communications*. 2020. Vol. 6. Article number: 89. URL: <https://doi.org/10.1057/s41599-020-0471-y> (дата обращения: 01.04.2021).
21. Toffler A. *The Third Wave: The Classic Study of Tomorrow* (1st Edition). Bantam. 1984.
22. Whitaker K., Guest O. #bropenscience is broken science // *The Psychologist*. November. 2020. Vol. 33. P. 34–37.

© Кудрявцева Е. И., 2021

УДК 159.9

ИЗУЧЕНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СТУДЕНТОВ-АРХИТЕКТОРОВ И ПРОГРАММИСТОВ

С. Н. Островский¹, К. Ю. Осмоловская²

¹доцент, Белорусский государственный
экономический университет,
г. Минск, Республика Беларусь

²студент, Белорусский национальный технический университет,
г. Минск, Республика Беларусь

Ценности играют ключевую роль в развитии личности любого человека. Особое значение развитию системы ценностей отводится в образовательных учреждениях, поскольку становление профессионала невозможно без ценностного компонента. Одной из сторон ценностей в студенческом возрасте является то, что их можно рассматривать как мотивационную сферу деятельности человека.

Ключевые слова: ценностные ориентации, студенты, вуз.

STUDY OF VALUE ORIENTATIONS OF STUDENTS ARCHITECTS AND PROGRAMMERS

Values play a key role in the development of the personality of any person. Of particular importance is the development of the value system in educational institutions, since the formation of a professional is impossible without a value component. One of the sides of values at the student age is that they can be considered as a motivational sphere of human activity.

Keywords: value orientations, students, university.

Существуя в обществе, человек ставит перед собой цели и стремится их осуществить, ищет смысл жизни и своё предназначение. То, в чем человек видит свой смысл жизни, какие цели преследует, на что направлены силы человека как деятеля, даёт представление о нём самом, о его ценностной сущности, о его морали, месте в обществе.

Ценностные ориентации, определяя жизненные цели, выражают то, что для человека является наиболее важным и обладает личностным смыслом [4]. Тем самым можно сказать, что на протяжении всей жизни происходит формирование и становление идеалов, морали и ценностей. Одним из наиболее интересных этапов формирования ценностей является период в жизни человека, когда происходит переломный момент, тем самым заставляя переосмыслить всё ещё раз. Таким этапом можно назвать студенческие годы каждого человека. Ознакомившись с рядом гуманистических наук, получив первоначальные знания о выбранной профессии, возможно изменение взглядов и представлений студентов как о самих себе, так и окружающих. Устремление в будущее становится главной задачей жизни каждого студента, начинаются поиски себя, осознание своей значимости, поиск новых идеалов. Наряду с открытием своего мира возникает необходимость принятия взрослых решений, связанных с будущим. Процесс социализации вовлекает студенческую молодёжь в активный поиск ответов на самые разные вопросы, поскольку находит своё яркое воплощение стадия интеграции. Остро стоит вопрос о самовыражении своего «я» как гармонично развитой личности.

С другой стороны, студенческий возраст – это возраст познания окружающего мира с более активной стороны: появляется большая свобода действий и перемещений, открыва-

ются возможности общения с новыми компаниями с их разнообразными интересами, осуществляется активный процесс по усвоению до профессиональных знаний.

Важнейшим компонентом успешной самореализации человека в будущем является согласованная, непротиворечивая система ценностных ориентаций, которая позволяет формироваться жизненным планам и целям. Вузовская среда является для этого наиболее подходящей [1]. Она создаёт необходимые условия для личностного роста и формирования высшей ступени ценностей, так как она в большей степени зависит от культурного контекста и исторического периода, в котором подрастает новое поколение. Общество предоставляет молодым специалистам возможность проявлять свою креативность, развитие своих способностей и индивидуальности, сохранение духовной независимости и самоуважения; конкурентоспособность, стремление к профессиональным достижениям, самостоятельность, ответственность, упорство, образованность.

Система образования играют важную роль в духовном развитии личности, так как студенческая среда вуза является духовным пространством для обмена ценностями, а значит является важным компонентом в становлении личности как будущего специалиста. Так как студенческий возраст является переломным моментом в жизни каждого человека, переходя во взрослую жизнь человек сталкивается со множеством новых возникающих проблем, которые могут сильно влиять на ещё не сформировавшуюся психику. Тем самым происходит конфликт между накопленным опытом и недостаточной способностью войти в полную социальную активность.

Жизненные ценности в понимании студентов в настоящее время представлены в ценностях, связанных с семьёй, любовью, дружбой, личной жизнью, внутренним миром. Но лишь этими понятиями нельзя ограничивать весь потенциал жизненных ценностей студентов. Он может быть, как и непостижимо большим, так и катастрофически маленьким, всё зависит от стремления человека разобраться в себе, понять свой внутренний мир, насколько он богат и невообразим.

Проходя через университет, студенты овладевают такими навыками как умение работать в коллективе, коммуникативное общение, умение быстро и легко находить общий язык с одноклассниками, предупреждать и разрешать конфликтные ситуации. Все эти навыки жизненно необходимы в последующие годы работы.

Выбранная профессия может стать ценностно образующим фактором, ведь реализуемый жизненный опыт, и жизненная ценность представляют для человека ценностно-смысловое единство. В связи с этим профессия может стать делом всей его жизни, которому человек будет отдавать все силы и внимание, в обратном же случае, она будет являться лишь средством достижения других поставленных целей. В последнем случае ценности человека лежат вне профессиональной деятельности.

В процессе образования и подготовке к будущей работе человек производит ревизию в своих ценностях и выдвигая вперёд те, которые для него кажутся наиболее необходимыми в данный период времени. Таким образом, на первый план выходят такие ценности, как учёба, работоспособность, выносливость, собственная мотивация, конкурентоспособность, упорство, уверенность в себе и саморазвитие. В связи с этим многие ценности, которые были в приоритете до этого времени, отступают на второй план, а иногда и на третий. Такими ценностями можно считать семью, друзей, отношения, общение, социальные сети, эстетическое наслаждение, приятное времяпрепровождение, здоровье. Такая резкая смена атмосферы может негативно влиять на личность, подвергая ее стрессам. При этом она так же влияет и положительно, формируя новую, более окрепшую личность, способную самостоятельно преодолевать возникающие проблемы, принимать решения и существовать, не завися от чужого мнения.

На начальных курсах личность всё ещё находится на стадии формирования и осмысления своего места в обществе, задаваясь вопросами о правильности сделанного выбора. Молодые люди находятся только в начале своего жизненного пути и нуждаются в ориентирах,

которыми выступают ценности. Они обладают потенциалом для формирования собственного мнения, ориентиров, ценностей и идеалов, присущих своему поколению. Каковы жизненные ориентиры молодёжи, таково же и их будущее. Ближе к последнему курсу заканчивается стадия формирования ценностей и происходит их становление и утверждение как жизненных ориентиров. Тем самым к окончанию высшего учебного заведения человек является полностью сформированной личностью, способной к самостоятельному существованию и передаче своих ценностей будущему поколению [3].

Одной из сторон ценностей в студенческом возрасте является то, что их можно рассматривать как мотивационную сферу деятельности человека. Ценности являются мощным регулятором жизнедеятельности человека. Они направляют его на путь его развития и обуславливают его поведение и деятельность. Тем самым направленность каждого человека на определённые ценности влияет и на формирование общества в целом.

С целью изучения направленности студенческой молодежи, а также изучения их ценностных ориентаций было проведено исследование, в котором приняли участие студенты 2 курса архитектурного факультета (АФ) и факультета информатики и робототехники (ФИТР) Белорусского национального технического университета (БНТУ). Всего в опросе приняло участие 204 человека: 102 студента АФ: девушки (87 %) и юноши (13 %) в возрасте от 17 до 21 года, и 102 человека ФИТРа, девушки (27,5 %) и юноши (72,5 %) в возрасте от 17 до 19 лет.

Для изучения ценностных ориентаций студентов была использована методика «Диагностики реальной структуры ценностных ориентаций личности С. С. Бубнова» [1], которая позволяет изучить ценности в обобщенном виде. Результаты исследования представлены ниже (см. таблицу).

Результаты изучения ценностной сферы студентов АФ и ФИТР БНТУ

Ценности	АФ, %	ФИТР, %
Приятное времяпрепровождение, отдыха	83	83
Высокое материальное благосостояние	17	17
Поиск и наслаждение прекрасным	83	33
Помощь и милосердие к другим людям	83	83
Любовь	67	67
Познание нового в мире, природе, человеке	67	67
Высокий социальный статус и управление людьми	17	33
Признание и уважение людей	83	67
Социальная активность для достижения позитивных изменений в обществе	33	33
Общение	67	50
Здоровье	50	50

В ходе исследования было установлено, что студенты обоих факультетов отдали своё предпочтение таким ценностям как семья, саморазвитие, дружба, поиск и наслаждение прекрасным, помощь и милосердие к другим людям, познание нового в природе, человеке.

Также в ходе исследования была осуществлена попытка качественного осмысления полученных данных с помощью контент-анализа. Так, например, было установлено, что способы приятного времяпрепровождения и отдыха двух факультетов кардинально различаются. Архитекторы предпочитают разнообразить свой отдых более эстетически: прогулка в парке, поход в кино, чтение книг, занятие хобби и просто наслаждении в наблюдении за природой и окружающим миром. Что же касается студентов ФИТР, они предпочитают общение с друзьями, совместные занятия спортом, проведение времени за компьютерными играми.

В то же время, у студентов обоих факультетов была отмечена заинтересованность в материальных благах для обеспечения базовых потребностей в еде, жилье, одежде, развлечениях.

В поиске и наслаждении прекрасном архитекторы более заинтересованы в посещении выставок, театров, культурных мероприятий, нежели представители ФИТР, что обусловлено спецификой выбранной специальности.

Было установлено, что студенты-второкурсники не проявляют особого интереса в получении должностей связанного с высоким социальным статусом и управлением людьми, но при этом являются и неплохими исполнителями.

Социализируясь, студенты не могут не интересоваться общественным мнением, связанным с их профессиональной деятельностью. Желая получить уважение людей и влиять на окружающих, заставляет студентов социально активизироваться, участвовать в волонтерских движениях, университетских конкурсах, научных конференциях.

В том числе, студенты уделяют внимание и личным качествам человека, среди которых можно выделить и дружбу. Что молодёжь подразумевает под личными качествами? Прежде всего это конечно же только положительные качества (пунктуальность, ответственность, доброта, отзывчивость, понимание, общительность, открытость, честность, целеустремлённость, аккуратность, надёжность, верность, скромность, наблюдательность, сдержанность, бескорыстность, трудолюбие, мудрость), ведь прежде всего ценятся именно они, мало кто сразу вспоминает, что существуют и отрицательные (гордыня, недовольство, презрение, злоба, ненависть, раздражение, страх, зависть, ложь, лицемерие, ревность, неуверенность, депрессивность), которые человек проявляет не так уж и редко.

Рассматривая дружбу как ценность, студенты ФИТР отдали ей меньшее предпочтение чем студенты АФ, возможно это обусловлено тем, что архитекторы более зависимы от общения и общественного мнения, в свою очередь студенты ФИТР более атомизированы, так как их деятельность связана с компьютерными технологиями, где мало используется непосредственное общение [2].

Общение является важнейшей социальной потребностью, позволяющей людям контактировать между собой, налаживая межличностные отношения, формируя социальные группы, обмениваясь мнениями и информацией. Являясь в большинстве случаев людьми, открытыми для новых знакомств, информации и чужих мнений, молодёжь обоих факультетов взаимодействуют между собой, получая новые навыки общения, которые в дальнейшем помогут им с приобретением ценных, профессиональных навыков, получаемых от более опытных сотрудников. Такие навыки можно приобрести несколькими способами, такими как; непосредственно личное общение между студентами, общение ученик-преподаватель, изучая профессиональную литературу, как бы общаясь с предыдущим поколением, посещение проводимых университетом лекций, связанных с будущей профессией.

Таким образом, в ходе исследования было установлено, что приоритетными ценностями для студентов АФ и ФИТР БНТУ выступают семья, саморазвитие, дружба и здоровье. Полученные предварительные данные позволяют сделать вывод о том, что при изучении ценностных ориентаций студентов второго курса следует детализировать некоторые системы ценностей в виде дополнительных, самостоятельно разработанных анкет, а среди студентов провести ряд мероприятий, направленных на более четкое осмысление имеющихся у них систем ценностей.

Библиографические ссылки

1. Жданова Н. Е. Исследование ценностных ориентаций студентов в условиях профессионально-образовательного пространства вуза // Образование и наука. 2014. № 7(116). С. 75–92.
2. Парахонский П. А. Роль ценностных ориентаций в формировании коммуникативных навыков у студентов // Современные наукоемкие технологии. 2010. № 9. С. 89–165.
3. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М. : Изд-во Ин-та психотерапии, 2002. С. 438–556.
4. Ценностные ориентации личности [Электронный ресурс]. URL: https://studopedia.ru/10_59853_tsennostnie-orientatsii-lichnosti.html (дата обращения: 12.02.2021).

МОТИВАЦИЯ ЛИДЕРСТВА: НОВЫЕ ПОДХОДЫ**Е. Б. Петрушихина**

*доцент, Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: elenapetr1902@gmail.com*

Статья посвящена проблеме мотивации лидерства. Рассмотрена трехкомпонентная модель мотивации Чана и Драсгоу, включающая аффективную, социально-нормативную и некалькулируемую составляющую. Анализируются личностные предпосылки мотивации лидерства: личностные черты (Большая Пятёрка), ценности, лидерский опыт, лидерская самоэффективность. Показана значимость модели для понимания и совершенствования процесса развития лидерства.

Ключевые слова: лидерство, мотивация лидерства, развитие лидерства, личностные черты, ценности, лидерская самоэффективность.

MOTIVATION TO LEAD: NEW APPROACHES

The article is devoted to the problem of leadership motivation. The motivation to lead (MTL) is considered. The study shows 3 factors underlying MTL, namely, affective-identity, noncalculative, and social-normative MTL. The author analyzes the personal antecedents of leadership motivation: personality traits (the Big Five), values, leadership experience, and leadership self-efficacy. The importance of the model for understanding and improving the process of leadership development is shown.

Keywords: leadership, leadership motivation, leadership development, personality traits, values, leadership self-efficacy.

В рамках личностного подхода к изучению лидерства одним из ключевых является вопрос о мотивации лидера. Длительное время основополагающими в этом плане были работы Д. МакКлелланда, выявившего мотивационный профиль эффективного руководителя. Как показали исследования, эффективные руководители характеризуются сильно развитой потребностью во власти, умеренно высокой потребностью в достижении и слабым стремлением к аффилиации [1].

В 2001 году К.Чан и Ф. Драсгоу предложили новую модель мотивации, интегрирующую процесс развития и реализации лидерства. Авторы определяют мотивацию лидерства (МТЛ) как аспект индивидуальных различий, влияющий на обучение лидерству, принятие на себя обязательств лидера и интенсивность исполнения лидерской роли [4].

Опираясь на теорию запланированных действий М. Фишбайна и И. Айзена, а также на концепцию межличностного поведения Г. Триандиса, К. Чан и Ф. Драсгоу создали модель мотивации к лидерству, включающую три компонента. Это аффективная мотивация, социально-нормативная мотивация и некалькулируемая мотивация.

Аффективная мотивация предполагает получение удовольствия от лидирования, руководства: люди могут реализовать лидерскую роль просто потому, что им это нравится. Социально-нормативная мотивация основана на чувстве долга и ответственности – в этом случае лидерство осуществляется в силу его важности и необходимости. Третий компонент может быть обозначен как некалькулируемая или нерасчетливая мотивация. Поскольку исполнение лидерской роли сопряжено со значительными издержками, с большей вероятностью в каче-

стве лидеров будут выступать те члены группы, которые мало озабочены соотношением затрат и выгод, связанных с лидерством. Иными словами, чем менее расчетлив человек в вопросах лидерства, тем менее он хотел бы избегать лидерских ролей [4].

Для измерения мотивации лидерства авторами был разработан 27-пунктовый опросник, апробированный на выборке сингапурских и американских студентов, а также сингапурских военнослужащих. Общий объем выборки составил более двух тысяч человек. Трехфакторная модель лидерства была подтверждена в последующих исследованиях, проведенных в разных странах [5].

Большое внимание К. Чан и Ф. Драсгоу уделяют изучению предпосылок формирования мотивации лидерства. В качестве таковых авторы рассматривают личностные черты, ценности, лидерский опыт и лидерскую самооффективность.

Так, оказалось, что экстраверсия, вертикальный индивидуализм, лидерский опыт и самооэффективность лидерства непосредственно связаны с аффективной мотивацией. В то же время открытость опыту влияет на аффективный компонент мотивации опосредованно, через лидерскую самооэффективность. Можно говорить о том, что люди, которым нравится руководить и которые считают себя обладающими лидерскими характеристиками, как правило, общительны, ценят конкуренцию и достижения, имеют более богатый лидерский опыт и уверены в своих собственных лидерских способностях.

Некалькулируемая мотивация в значительной степени определяется коллективистскими ценностями, доброжелательностью, эмоциональной стабильностью. Индивидуалистические ценности негативно влияют на некалькулируемую мотивацию лидерства. Таким образом, люди с высоким уровнем некалькулируемой мотивации ценят гармонию в межличностных отношениях и не склонны к конфронтации. Прошлый опыт лидерства и лидерская самооэффективность с обсуждаемым аспектом мотивации не связаны.

Социально-нормативная мотивация лидерства свойственна индивидам с высокими показателями доброжелательности и добросовестности. Кроме того, социально-нормативная мотивация позитивно коррелирует с вертикальным индивидуализмом и вертикальным коллективизмом. Горизонтальный индивидуализм продемонстрировал отрицательную связь с социально-нормативной МТЛ. Иными словами, индивиды с выраженной социально-нормативной мотивацией руководствуются чувством долга и социальными обязательствами, принимают социальную иерархию, но отвергают социальное равенство. Такие люди также имеют больше прошлого опыта лидерства и уверены в своих лидерских способностях.

Весьма любопытно, что авторы не обнаружили связей между общими когнитивными способностями и мотивацией лидерства. Это дает основание различать когнитивные и социальные способности как два различных компонента личностных ресурсов лидера [4].

Ценность и новизна подхода, предложенного К. Чаном и Ф. Драсгоу, заключается в попытке выстроить концепцию развития лидерства и интегрировать вопросы развития и реализации лидерства. Традиционные теории лидерства фокусируются прежде всего на достижении эффективности управленческой деятельности, и используемые ими конструкты мало подходят для осмысления процесса формирования лидерского поведения [3]. В рамках предложенного подхода применяются понятия из различных отраслей психологии, что позволяет лучше понять, каким образом возникает и поддерживается стремление к руководству людьми.

Работы К. Чана и Ф. Драсгоу имеют и практическую значимость. Результаты исследования могут применяться для отбора, обучения и развития лидерства в организациях. Эмпирические данные показывают, что мотивация к лидерству и ее личностные предпосылки, оцениваемые в момент входа в организацию, предсказывают последующие поведенческие проявления лидерского потенциала. Этот означает, что системы отбора лидеров должны предсказывать не только абсолютные критерии, такие как эффективность (которые зависят от многих других факторов), но и пытаться прогнозировать промежуточные показатели, измеряемые во время или в конце обучения лидерству. Более того, исследователи полагают,

что мотивация лидерства (и ее личностные предпосылки) лучше предсказывает поведение, не связанное с выполнением задач, например, организационное гражданство.

Дальнейшие исследования в рамках обсуждаемого подхода необходимо проводить с учетом культурного контекста. В качестве личностных предпосылок мотивации лидерства рассматриваются ценности и самоэффективность, но, как известно, характеристики Я-концепции и доминирующие в обществе ценности в значительной степени детерминированы культурой, в том числе национальной.

Надо сказать, что в отечественной литературе мы не нашли работ, выполненных с опорой на трехкомпонентную модель мотивации лидерства. Однако крупные консалтинговые компании в России проводят оценку персонала, основываясь на модели К. Чана и Ф. Драсгоу [2].

Кроме того, авторы распространили свой подход на трактовку не только мотивации лидерства; они адаптировали трехфакторную модель для измерения предпринимательской и профессиональной мотивации как часть новой системы карьерных намерений, включающих предпринимательскую, профессиональную и лидерскую составляющие [5].

Подводя итог сказанному, можно подчеркнуть эвристический потенциал подхода К. Чана и Ф. Драсгоу в изучении мотивации лидерства; в дальнейшем целесообразно проведение эмпирических исследований в рамках обсуждаемой модели на российской выборке и формулирование рекомендаций для менеджеров-практиков с учетом специфики российского организационного контекста.

Библиографические ссылки

1. Кричевский Р. Л. Психология лидерства. М. : Статус, 2007.
2. Лурье Е. В., Попов А. Ю. Potential in focus (PIF): комплексный тест оценки потенциала в организационном контексте // Современная психодиагностика России. Преодоление кризиса : сб. материалов III Всерос. конф. Челябинск, 2015. Т. 1. С. 192–199.
3. Петрушихина Е. Б. Проблема развития лидерства в организации // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2016. № 3(5). С. 102–114.
4. Chan K. Y., Drasgow F. Toward a theory of individual differences and leadership: understanding the motivation to lead // Journal of Applied Psychology, 2001. № 86(3). P. 481–498.
5. Chan K. Y., Uy M. A., Chernyshenko O. S., Ho M. H. R., & Sam Y. L. Personality and entrepreneurial, professional and leadership motivations. Personality and Individual Differences, 2015. № 77. P. 161–166.

© Петрушихина Е. Б., 2021

УДК 316.6

ЭФФЕКТИВНОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА ОРГАНИЗАЦИИ

Л. Г. Почебут¹, Д. С. Безносов²

¹профессор, Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: ludmila.pochebut@gmail.com

²доцент, Санкт-Петербургский государственный институт
психологии и социальной работы,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: don_bizon@inbox.ru

Рассматриваются проблемы повышения эффективности социального капитала организаций. Отмечается, что эффективность деятельности организации следует рассматривать по двум блокам: экономические и социально-психологические показатели, которые объединяются таким явлением как социальный капитал организации. Накопленный в организации социальный капитал обеспечивает ее доступ к основным ресурсам – финансовым, информационным, человеческим. Определяя социальный капитал организации по таким параметрам как доверие сотрудников, приверженность целям и ценностям, соблюдение правил и норм, создание репутации организации мы разработали индекс консолидации. Консолидация социального капитала может приводить не только к позитивным, но и негативным эффектам.

Ключевые слова: эффективность деятельности организации, консолидация социального капитала. позитивные и негативные эффекты.

THE EFFECTIVENESS OF THE ORGANIZATION'S SOCIAL CAPITAL

The article discusses the problems of improving the efficiency of social capital organizations. Notes. that the effectiveness of an organization should be viewed in two ways: economic and socio-psychological indicators, which are combined by such a phenomenon as the social capital of the organization. The social capital accumulated in the organization provides its access to basic resources – financial, informational, human resources. By defining the social capital of the organization on such parameters as employee trust, commitment to goals and values, compliance with rules and regulations, creating the reputation of the organization, we have developed a consolidation index. The consolidation of social capital can lead not only to positive but also negative effects.

Keywords: efficiency of the organization, consolidation of social capital, positive and negative effects.

Финансирование. Статья подготовлена при поддержке фонда РФФИ. Грант № 19-013-00560\20.

Актуальность исследования. Феномен социального капитала организаций практически мало изучен в российской социальной психологии, поэтому необходимо выяснить социально-психологические последствия его влияния на эффективность деятельности организации.

В целом эффективность достигается тогда, когда организация реализует свои цели развития. Эффективность является наиболее широким понятием и включает в себя несколько показателей. Во-первых, эффективность можно оценивать по блоку экономических показате-

телей: финансовая прибыль, как разница между общей суммой доходов и расходами на производство и реализацию продукции; рентабельность – эффективность использования материальных, трудовых, финансовых и прочих ресурсов; продуктивность как количество и качество выпускаемой продукции. Во-вторых, эффективность работы организации следует оценить по блоку социально-психологических показателей: трудовая и общественная активность сотрудников предприятия, удовлетворенность трудом и взаимоотношениями, относительная стабильность кадрового состава и низкая текучесть, сработанность и совместимость сотрудников, лояльность персонала и приверженность целям и ценностям организации, благоприятный социально-психологический климат, оптимальное разрешение трудовых конфликтов с учетом интересов каждой из сторон [2, с. 81–84]. Блок социально-психологических показателей можно объединить таким комплексным явлением как «социальный капитал организации».

Компоненты и виды социального капитала. В зарубежной литературе основы изучения социального капитала заложили П. Бурдье, Дж. Коулман, Ф. Фукуяма, Р. Патнэм [3; 4; 5; 8]. П. Бурдье развивал сетевой подход к пониманию социального капитала. Р. Патнэм указывал на роль социальных норм, которые усиливают координацию и эффективность осуществляемых в организации взаимодействий. Дж. Коулман сосредоточил свое внимание на ресурсном, а Ф. Фукуяма на нормативном подходе к пониманию социального капитала.

В последнее время социологи и психологи придают все большее значение изучению социального капитала организаций. Так, Дж. Нахапиец и С. Гошал [7] изучали эффективность сотрудничества в организации в целях повышения ее продуктивности. Они отмечали, что накопленный в организации социальный капитал обеспечивает ее доступ к ключевым ресурсам – современной технологической информации, рынкам сбыта продукции, новейшим технологиям. В отношениях с другими организациями социальный капитал способствует снижению риска от совместных вложений, увеличивает объемы взаимодействий. Они дают следующее определение: «Социальный капитал – это сумма реальных и потенциальных ресурсов, располагающихся в сети отношений сотрудников организации» [7, с. 244]. Дж. Нахапиец и С. Гошал считают, что для эффективной деятельности организации особо ценный ресурс представляют социальные связи сотрудников. В процессе эффективной совместной деятельности возникает взаимное доверие, долговременное сотрудничество, создается интеллектуальный капитал и внедряются прогрессивные инновации. Дж. Нахапиец и С. Гошал выделяют три вида социального капитала: структурный, реляционный (отношенческий) и когнитивный. Структурный социальный капитал можно измерить с помощью социометрической процедуры, поскольку он показывает статус человека и объем его социальных связей. Отношения между людьми в процессе взаимодействия характеризуют доверие и взаимопомощь, единые и согласованные нормы, взаимные обязательства, идентификация с членами группы. Когнитивный социальный капитал выявляет смыслы, представления, ценности и целями, которые возникли у людей в процессе взаимодействия [7]. С. Лиена с сотрудниками отмечают, что полноценный обмен информацией, взаимное доверие и общие цели коллектива создают устойчивый социальный капитал организации [6].

Мы предлагаем понятие «*консолидация социального капитала*». Консолидация – это процесс согласования членами группы целей, норм, представлений, ценностей в ходе совместной деятельности. Консолидация социального капитала может быть рассмотрена как совокупный стабильный эффект организационных и управленческих воздействий. Она формируется на основе основных компонентов социального капитала: доверия сотрудников друг к другу и руководству, приверженности целям и ценностям организации, соблюдении норм и правил. Создание устойчивой положительной репутации организации [1]. В результате проведенных эмпирических исследований на ряде коммерческих предприятий Санкт-Петербурга мы разработали методику «Компоненты социального капитала организации» (КСКО) и математическую формулу индекса консолидации социального капитала:

$$ИК = \frac{\sum d + p + n + r}{160 \times K},$$

где ИК – индекс консолидации; $\sum d + p + n + r$ – сумма реальных баллов по всей группе опрошенных, полученных по показателям доверия (d), приверженности (p), соблюдения норм (n) и репутации (r); K – количество респондентов, опрошенных в организации, 160 – сумма наивысших оценок по всем вопросам методики по каждой шкале.

Уровень и структура показателей социального капитала могут свидетельствовать о существующих ресурсах или проблемах в определенных сферах социального взаимодействия в каждой отдельной организации.

Консолидация социального капитала может приводить к позитивным и негативным последствиям. К позитивным эффектам социального капитала можно отнести: а) создание и поддержание групповых норм; б) социальную поддержку со стороны сотрудников организации; в) атмосферу взаимного доверия; г) трудовую и общественную активность, участие в жизни своей организации; д) организация совместных коллективных действий – проведение досуга, празднование дней рождения и т. п.; е) обмен ценными ресурсами и информацией между сотрудниками организации; ж) создание атмосферы согласия и солидарности.

Эффективность социального капитала организации. Однако социальный капитал может приводить и к негативным последствиям: а) чрезмерные требования со стороны руководства к соблюдению и поддержанию организационных правил и норм. Возможно даже принуждение членов организации к их соблюдению и применение суровых санкций за нарушение; б) введение жесткой системы взаимных обязательств; в) злоупотребление доверием сотрудника или руководителя, что может привести к финансовым и дисциплинарным нарушениям, прямой обман и манипуляции; г) замкнутость сотрудников и руководства на интересах только своей организации, партикуляризм и отрыв от общества; д) чрезмерный неофициальный контроль за поведением каждого сотрудника; е) распределение ресурсов (материальное поощрение, ценная информация и др.) только среди узкого круга особо доверенных лиц; ж) увольнение сотрудников не согласных с действиями и политикой руководства при молчаливом одобрении остальных.

T. Stuart, H. Hoang, R. Hybels считают, что социальный капитал приносит организации значительную выгоду. Прежде всего, выгода выражается в том, что сотрудник включен в социальные сети отношений и обеспечен необходимыми ресурсами. Выгоду получает также и организация в целом, поскольку может повысить свою продуктивность и конкурентоспособность благодаря широкой сети доверительных отношений между сотрудниками, руководством, клиентами, поставщиками продукции и пр.[9].

Организация увеличивает свой капитал с помощью конкретных мероприятий. Это грамотное управление человеческими ресурсами и создание условий для роста человеческого капитала организации, поддержание норм справедливости и взаимности в отношениях с сотрудниками, коллективное принятие решений и обязательное их исполнение, создание благоприятных санитарно-гигиенических условий работы, обеспечение специализированного медицинского обслуживания сотрудников и многое другое.

Таким образом, заботливое и гуманистическое отношение руководства к сотрудникам способствует развитию и консолидации социального капитала, что, в свою очередь приводит к повышению продуктивности и эффективности деятельности организации.

Библиографические ссылки

1. Почебут Л. Г., Чикер В. А., Волкова Н. В. Социально-психологическая модель когнитивного социального капитала организации: факторы формирования и объективация // Организационная психология. 2018. № 8(3). С. 29–59.
2. Почебут Л. Г., Чикер В. А. Организационная социальная психология. М. : Проспект, 2020.

3. Bourdieu P. The Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / J. G. Richardson (eds.), New York : Greenwood, 1986. P. 241–258.
4. Coleman J. S. Social capital in the creation of human capital // American Journal of Sociology, 1988. № 94. P. 95–120.
5. Fukuyama F. Trust: The social virtues and the creation of prosperity. New York : The Free Press. 1995.
6. Leana C. R., Pil F. K. Social capital and organizational performance: Evidence from urban public schools // Organization Science. 2006. № 7(3). P. 353–366.
7. Nahapiet J., Ghoshal S. Social capital, intellectual capital and the organizational advantage // Academy of Management Review. 1998. № 23(2). P. 242–266.
8. Putnam R. D. Making democracy work: Civic traditions in modern Italy. Princeton : Princeton University Press, 1993.
9. Stuart T. E., Hoang H., Hybels R. C. Interorganizational Endorsements and the Performance of Entrepreneurial Ventures // Administrative Science Quarterly. 1999. № 44(2). P. 315–349.

© Почебут Л. Г., Безносков Д. С., 2021

УДК 316.6

Д. И. МЕНДЕЛЕЕВ О СООТНОШЕНИИ ЛИЧНОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО КОМПОНЕНТОВ ПРОДУКТИВНОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ

О. И. Уткевич

*доцент, Витебский государственный технологический университет,
г. Витебск, Республика Беларусь*

Рассматриваются соотношение личных интересов и общественных потребностей в высшем образовании. Показывается, что с точки зрения Д. И. Менделеева в школьном и среднем образовании должна доминировать направленность на удовлетворение личностных интересов, а в высшем образовании – на удовлетворение общественных и государственных потребностей. Причем, если первое должно иметь дело преимущественно со словом, то второе преимущественно с делом, с жизнью. Подготовка преподавателей высших учебных заведений должна стать важнейшей обязанностью государства.

Ключевые слова: высшее образование, государство, интерес, личное, общественное.

D. I. MENDELEEV ABOUT RELATIONSHIP OF PERSONAL AND SOCIAL COMPONENTS OF EDUCATION PRODUCTIVITY

The article is devoted to the relationship between personal interests and social needs in higher education. It is shown that, from the point of view of D.I. Mendeleev, in school and secondary education should be dominated by the focus on the satisfaction of personal interests, and in higher education – on the satisfaction of social and state needs. Moreover, if the first must deal primarily with the word, then the second mainly with deed, with life. The training of teachers in higher education institutions should become the most important responsibility of the state

Keywords: higher education, state, interest, personal, social.

Величайший русский ученый Дмитрий Иванович Менделеев (1834–1907) был не только выдающимся химиком мирового значения, но также всесторонне одаренным человеком. Ему принадлежат работы по философии, экономике и педагогике. Непосредственно вопросам образования посвящены две его работы: «Об образовании, преимущественно высшем» и «О подготовке учителей и профессоров». Одной из проблем, рассматриваемых в этих произведениях, является проблема соотношения личного и общественного компонентов продуктивности образования. Необходимо отметить, что об образовании Менделеев судит не в качестве стороннего наблюдателя: он некоторое время работал школьным учителем в Симферополе и Одессе, а затем многие годы своей жизни отдал преподаванию в Петербургском университете.

В начале своего исследования «Об образовании, преимущественно высшем» Дмитрий Иванович указывает на то, что высшее образование должно достигаться трудом и только трудом, причем дается оно очень немногим людям к нему способным [1, с. 226]. Следует отметить, что такой подход несколько изменился в современном мире: как в Российской Федерации, так и в Республике Беларусь высшее образование стало массово доступным феноменом. Для его получения не нужно столько усердия, как это было в XIX и XX вв., да и каких-то особых дарований и способностей от студентов сейчас не требуется. Естественно, что подобного рода подход влечет за собой и позитивные и негативные последствия: среди первых – занятость молодежи, среди вторых – например, сложность трудоустроиться по полученной специальности.

Мы считаем, что такая негативная ситуация, сложившаяся в образовательной сфере, требует определенного вмешательства в виде регулирования со стороны государственных органов. Только лишь в этом случае, как отмечал Д. И. Менделеев, лица с высшим образованием будут иметь различные привилегии не потому, что они просто сумели получить его, а потому что они окажутся нужнее и социально полезнее тех людей, которые такого образования не получили [1, с. 226]. Конечно, данное высказывание русского мыслителя нельзя метафизически абсолютизировать. Он писал только лишь об общей тенденции, однако иногда, в качестве исключения, люди без высшего образования могут оказаться в высшей степени социально полезными в разных сферах. Древнегреческий идеал совершенного человека как «силача и мудреца», по мнению Менделеева, в настоящее время нужно дополнить требованием сформированного желания служения обществу. «Отдельные лица, с их личными интересами, – полагал он, – всякого свойства составляют, конечно начало общества, их интересы первичные, но не всеобъемлющие» [1, с. 267]. Обратим внимание на то, что русский ученый отнюдь не отрицает наличия первичных интересов у людей, более того, он указывает, что именно эти интересы представляют собой начало общества. Однако общество, остановившееся в своем развитии на первичной начальной стадии, не будет обладать свойством социальной устойчивости, а, следовательно, в скором времени может быть подвержено процессам дестабилизации. Для приобретения же устойчивости оно должно выйти на более высокий уровень своего развития: уровень общественных потребностей. На наш взгляд, индивидуальные интересы в данном случае служат аналогом такого понятия как «права человека», а общественные потребности по отношению к отдельному человеку находят свое практическое воплощение в его обязанностях.

Безусловно, никакого непримиримого деструктивного противоречия между правами и обязанностями отдельных личностей не существует, как и не существует подобного рода противоречия между личными интересами и общественными потребностями. По крайней мере, нет никаких неустранимых объективных предпосылок для их взаимодополнения. Хотя подобного рода замечания достаточно часто звучат в социо-политическом медийном пространстве современного мира и носят, на наш взгляд, чисто субъективный, то есть психологический характер. Во многом они связаны с целенаправленным мировоззренческим воздействием средств массовой информации в постиндустриальном обществе. Причем, в умы людей активно внедряются такие псевдоинтересы, которые не только разрушают государственные устои, но также и наносят вред формированию целостных личностей с твердой гражданской позицией.

Необходимо отметить, что с самого момента рождения у ребенка уже существуют, пусть и не на осознанном уровне, потребности, также он обладает правом на жизнь. Конечно, обязанности в таком возрасте еще отсутствуют, они появляются намного позже, по мере его взросления. Как мы видим, личное у человека вначале превалирует над общественным. Д. И. Менделеев утверждал, что аналогичным образом обстоит дело и в образовательной сфере. «Как в детстве – отмечал он, – преобладают животные и личные требования над требованиями, вызываемыми сношениями с другими людьми, так и во всем просвещении первые предшествуют вторым. По этой мысли в начальном и среднем образовании должно преобладать преимущественно развитие личное, а в высшем образовании – общественное и государственное» [1, с. 227–228]. Несомненно, общественное и государственное развитие на практике может принимать только лишь индивидуальную форму. Таким образом, речь у русского мыслителя идет о преимущественной направленности образования на удовлетворение индивидуальных интересов в виде осознанных общественных потребностей.

Важно понимать, что мысли Менделеева на первый взгляд в некотором смысле похожи на социалистические идеи. Однако сам ученый критически относился к данному модному в его время направлению [1, с. 229]. Общим благом для социалистов является удовлетворение самых примитивных интересов. «Утопия социализма, – по его мнению, – есть крайняя противоположность утопии индивидуализма. Истина в срединном сочетании» [1, с. 230].

Говоря об отличии между школьным и средним образованием с одной стороны, высшим – с другой, русский мыслитель указывал на то, что первое должно иметь дело преимущественно со словом, а второе – с делом, с общественной жизнью. Во многом данная идея носит парадоксальный характер. Педагоги и психологи утверждают тезис о доминировании конкретно-практического мышления у детей дошкольного и младшего школьного возраста, и доминировании абстрактно-логического мышления у взрослых людей. Юношеский возраст находится в переходном состоянии: оба этих типа мышления приблизительно равны друг другу. Таким образом, согласно подобному подходу, младшим школьникам необходимо как можно больше учиться чисто практическим жизненным делам, а вербальное объяснение должно занимать в учебе небольшой по объему промежуток времени. Постепенно этот промежуток должен возрасти, и в высших учебных заведениях студент должен не просто овладеть практическими навыками, но и уметь объяснять глубинный сущностный смысл этих навыков. Однако приведенные выше слова Менделеева можно понимать и в таком смысле, что высшее образование должно основываться преимущественно на «деле» не только как на чисто прагматическом феномене, а как на реальном выполнении человеком своего общественного долга. В этом случае с русским мыслителем нельзя не согласиться. Большое внимание уделял ученый подготовке российских педагогических кадров. Он особенно подчеркивал, что подготовка преподавателей высших учебных заведений должна стать не частным делом, а важнейшей обязанностью государства [2, с. 277]. Причем, идею о том, что такие наставники должны в первую очередь быть воспитаны самой жизнью, он категорически отвергал, считая, что учиться необходимо в первую очередь не у толпы, не у общественного мнения, а у мудрецов. Вот почему, по его мнению, педагогические институты должны быть учебными заведениями закрытого типа. С точки зрения Д. И. Менделеева, изучаемых предметов в педагогических институтах должно быть небольшое число, причем многие из них – единичными на разных факультетах. Особое значение он уделял необходимости активного общения студентов различных специальностей друг с другом. По его мнению, «молодежи до чрезвычайности нужно это взаимное общение для того, чтобы из нее выходил прок, не только для самих их, но и для общего целого, для всей дальнейшей судьбы страны» [2, с. 280].

Важно указать на то, что русский мыслитель особое внимание уделил проблеме участия студенческой молодежи в так называемых «уличных беспорядках», имевших место в Петербурге в годы его служения в университете. С точки зрения Менделеева, студенты, по молодости лет и по пылкости своего темперамента, стремились судить о том, о чем они имели лишь самое поверхностное представление. Ученый убежден, что именно на отмеченные специфические качества молодежи (в особенности студенческой) всегда изначально рассчитывают пропагандисты и организаторы всякого рода переворотов.

В заключение необходимо отметить, что многие мысли Д. И. Менделеева о соотношении личного и общественного компонентов продуктивности высшего образования не утратили своей актуальности в настоящее время для Российской Федерации и Республики Беларусь.

Библиографические ссылки

1. Менделеев. Д. И. Об образовании, преимущественно высшем // Заветные мысли: полное издание. М. : Мысль, 1995. С. 223–275.
2. Менделеев Д. И. О подготовке учителей и профессоров // Заветные мысли: полное издание. М. : Мысль, 1995. С. 276–300.

© Уткевич О. И., 2021

УДК 159.92:331

САМООЦЕНКА ГОТОВНОСТИ ПЕДАГОГОВ К ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Т. Е. Черчес¹, А. М. Савельева²

¹доцент, Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка,
г. Минск, Республика Беларусь

²методист, ГУО «Центр дополнительного образования детей и молодежи»,
г. Бобруйск, Республика Беларусь
E-mail: tankor65@mail.ru
E-mail: ochen_zloy_duh@mail.ru

Представлены результаты исследования самооценки готовности к инновациям педагогов учреждений среднего и дополнительного образования с помощью авторского опросника «Готовность к инновациям». Выявлены основные социальные факторы готовности педагогов к инновационной деятельности.

Ключевые слова: готовность к инновациям, социальные факторы, инновации в образовании.

SELF-ESTEEM OF THE READINESS OF TEACHERS TO INNOVATION

The article presents the results of the study of self-assessment of readiness for innovation of teachers of medium and additional education institutions with the help of the author's questionnaire "willingness to innovation". The main social factors of the readiness of teachers to innovative activity have been identified.

Keywords: readiness for innovation, social factors, innovation in education.

Социокультурная, экономическая, образовательная реформации в жизни общества ведут к неизбежной реструктуризации различных сфер профессиональной деятельности. На современном этапе своего развития Республика Беларусь нуждается в специалистах, которые соответствуют актуальным требованиям общества и экономики, как в отношении профессиональной подготовки, так и по уровню владения информационными технологиями. Для этого необходимо реформирования системы образования с целью вывода преподавания на новый технологический уровень.

В сложившейся неблагоприятной эпидемиологической обстановке переход к цифровизации процессов труда и профессионального взаимодействия стал жизненно необходимым во многих сферах общественной жизни. Сложная актуальная ситуация, в которой введение электронного массива цифровых технологий, возникновение социального дистанцирования, стала острой необходимостью, существенным образом отразилась на образовательной системе в целом. Не все педагогические работники оказались готовы к динамичной смене формата деятельности, поскольку видоизменилось не только содержание образовательного процесса, но и сама форма преподавания, что требует повышения профессионального потенциала педагогических работников.

Трансформационные процессы системы образования неизбежны, но активизация инновационных процессов, с целью более быстрого и успешного их внедрения, должна проходить максимально психологически комфортно для всех его участников. Согласно п. 31 гл. 5

постановления Министерства по образованию Республики Беларусь от 1.09.2011 г. «Об утверждении Инструкции о порядке осуществления экспериментальной и инновационной деятельности в сфере образования и признании утратившими силу некоторых постановлений Министерства образования Республики Беларусь»: «Не допускается организация экспериментальной и инновационной деятельности, в ходе которой может быть нанесен моральный или физический вред здоровью обучающихся и педагогических работников», что обуславливает необходимость разработки и внедрения специализированных курсов, обучающих программ, включающих в том числе и психологическое сопровождение педагогических работников. Ценность образования будет возрастать вместе с конкурентоспособностью государственных учреждений образования, будет снижен риск психологического дискомфорта и отторжения к новым условиям труда у педагогов [1].

Для определения структуры специализированных курсов и мероприятий психологической направленности, требуется всестороннее изучение маркеров активизирующих положительные и отрицательные реакции на процесс введения инноваций.

По нашему мнению, прежде всего, стоит обратить внимание на социальные факторы, как ведущие в плане формирования и развития готовности педагогов к инновациям. Социальные факторы включают: социальные условия жизни человека, которые могут повлиять на его взгляды, представления, труд и взаимодействие с окружением, приобретенные навыки, половая принадлежность, этнические особенности, уровень образования, сфера профессиональной деятельности и многое другое.

На основании вышеперечисленного мы сформулировали цель нашего исследования: выявление социальных факторов готовности педагогов к инновациям.

Перед нами стояли следующие задачи: 1) создать авторский опросник, позволяющий выявить социальные факторы готовности педагогов к инновациям; 2) провести опрос педагогических работников; 3) осуществить анализ и интерпретацию результатов исследования.

Объектом исследования являются факторы готовности к инновациям. Предметом исследования являются социальные факторы готовности к инновациям педагогов общеобразовательных школ и учреждений дополнительного образования.

Методы исследования: вербально-коммуникативный, метод опроса, методы описательной статистики.

Исследование проводилось на базе ГУО «Центр дополнительного образования детей и молодежи г. Бобруйска» и ГУО «Средняя школа № 21». В опросе приняли участие 63 педагогических работников учреждений образования.

На методическом этапе был выбран метод анкетирования с помощью авторского опросника «Готовность к инновациям». На этом же этапе было определено содержание опросника, разработан план исследования, составлена выборка. Бланк ответов опросника включал в себя три незаконченных предложения, один открытый вопрос и один вопрос с вариантами ответа. Полученные ответы были обработаны с помощью контент-анализа.

В первом пункте опросника испытуемым было предложено ответить на вопрос «Успех внедрения современных технологий зависит от ...» путем выбора одного из вариантов ответов. Большинство опрошиваемых (60 %) выбрали ответ «уровень навыка владения персональным компьютером и гаджетами», 25 % от общего числа испытуемых выбрали ответ «информированность педагога о современных технологиях». Из опрошенных педагогов только 9 % выбрали ответ о материальном подкреплении и 6 % вариант об образовании. Ответ «возможность снижения педагогической нагрузки» не был выбран ни одним испытуемым.

Во втором пункте опросника требовалось продолжить предложение «Цифровизация документооборота станет возможной если...» На основании полученных результатов были сформированы три категории ответов:

1. Категория «Дополнительные курсы» включила в себя такие ответы, как «объяснить как работать», «сделать соответствующие инструкции», «научить пользоваться такими документами», «обеспечить обучение». Эту категорию составили 15 ответов.

2. Категория «Высокий уровень владения персональным компьютером» включает такие ответы, как «педагог умеет пользоваться компьютером», «учитель с компьютером будет на «ты»», «учителя хорошие ПК-пользователи», «педагоги понимают в компьютерах». Ответов отнесенных в эту категорию дали 42 испытуемых.

3. Категория «Наличие свободного времени» включило такие ответы, как «будет время у педагогов», «снизят нагрузку», «будет больше времени». Эту категорию составили 12 ответов опрошенных.

В вышеуказанные категории не вошли следующие ответы: «будут доплачивать», «поощрять педагогов», «в этом будет надобность», «больше ничем другим не заниматься», «это будут поддерживать».

В третьем пункте опросника нужно было продолжить предложение «Для осуществления инновационной деятельности педагогу необходимо...». Полученные ответы позволили выявить две категории:

1. Категория «Владение персональным компьютером» была сформирована из ответов «знать компьютер», «умение пользоваться программами», «уметь работать с Интернетом», «знать как пользоваться технологиями», «использовать Интернет». К этой категории было отнесено 48 ответов, что составило 76 %.

2. Категория «Образование» была представлена ответами «повышение квалификации», «самообразование», «развиваться», «учиться новому», «больше узнавать». Эту категорию составили 14 ответов.

В данные категории не вошли ответы: «мотивация», «время», «платить», «поощрять», «больше ничем не заниматься», «желание».

В четвертом пункте опросника испытуемым было предложено продолжить предложение «Главным препятствием на пути к инновационной деятельности педагога является...». Двое из испытуемых этот вопрос проигнорировали. Из полученных ответов были составлены две категории.

1. Категория «Уровень владения персональным компьютером» была составлена из ответов «незнание компьютера», «неумение использовать технологии», «отсутствие опыта использования ПК», «работа с компьютером». Эту категорию составили 29 ответов.

2. Категория «Время» состоит из ответов «нехватка времени», «занятость», «необходимость культурных мероприятий», «время на отчетность», «высокая занятость», «большое количество бумажной работы». В эту категорию были зачислены 23 ответа от общего числа опрошенных.

Не были представлены в выделенных категориях 9 ответов: «лень», «нежелание», «неуверенность», «отсутствие мотивации», «низкая оплата труда», «большая трудозатрата», «отсутствие поддержки», «то, что это не нужно», «недостаток опыта».

В пятом пункте опросника испытуемым было предложено ответить на открытый вопрос: «По Вашему мнению, какие педагоги более успешны в инновационной деятельности?». Ответы педагогов на это вопрос так же были подвержены контент-анализу и дифференцированы по трем категориям:

1. Категория «Молодые специалисты» включила в себя такие ответы, как «молодое поколение», «только закончившие обучение», «молодые», «пришедшие из университета», «со свежей головой», «молодое и амбициозные». В эту категорию вошел 21 ответ.

2. Категория «Опытные» собрала в себе 11 ответов из общего числа и состояла из ответов «с высоким стажем», «с большим опытом работы», «хорошо знающие методику преподавания», «опытные», «работающие много лет».

3. В категорию «ПК-пользователи» вошли такие ответы как «которые умеют пользоваться компьютером», «знающие компьютер», «которые пользуются интернетом», «обладают знаниями технологий», «которые используют ИКТ», «учатся работать с компьютером». Эту категорию составили 29.

В представленные категории не вошли два ответа: «высокомотивированные» и «активные».

Интерпретация полученных результатов позволила сделать следующий вывод: по мнению педагогов, ведущую роль во внедрении инноваций в образовательную сферу имеют высокий уровень владения информационными технологиями пользования и сформированные навыки работы с персональным компьютером. В разных вариациях и видах вопросов педагоги выбирали ответ, связанный с современными технологиями и умением использовать компьютеры и гаджеты. Таким образом, одним из социальных факторов готовности к инновациям педагогов можно назвать «Уровень владения ПК», что следует учитывать наряду с образованием, возрастом, стажем работы и трудовой нагрузкой при дальнейших исследованиях.

На основании полученных результатов можно заключить, что проблема готовности к инновациям существует и требует решения, в том числе и путем организации психологического сопровождения педагогов, находящихся в условиях перехода к инновационной деятельности.

Библиографическая ссылка

1. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=W21124371> (дата обращения: 24.02.2021).

© Черчес Т. Е., Савельева А. М., 2021

УДК 159.923-057.875

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ
СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ****Т. В. Шершнёва¹, Д. С. Крошенко²***¹заведующий кафедрой «Психология», ²студент,
Белорусский национальный технический университет,
г. Минск, Республика Беларусь*

Подчеркивается важность формирования правильного представления о профессии в процессе обучения и необходимость развития соответствующих профессиональных качеств личности. Профессиональная направленность рассматривается как особый вид направленности личности. Оценивается осознанность выбора направления профессиональной подготовки студентами инженерных специальностей, анализируется как их личностная направленность, так и профессиональная.

Ключевые слова: направленность личности, профессиональная направленность, цель труда, объект труда, тип профессиональных интересов.

**PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF PROFESSIONAL DIRECTIONS
OF MODERN STUDENTS**

The importance of forming a correct understanding of the profession in the learning process and the need for the development of appropriate professional qualities of the personality. Professional orientation is considered as a special type of personality orientation. The sensibleness of the choice of the direction of vocational training by students of engineering specialties is estimated, both their personal orientation, and professional is analyzed.

Keywords: orientation of the personality, professional orientation, purpose of labor, object of labor, type of professional interests.

Непрекращающиеся изменения социальных и экономических аспектов жизни современного информационного общества, постоянная модернизация системы образования (в особенности системы высшего образования) являются причинами формирования качественно нового уровня профессиональной направленности специалистов. В процесс подготовки студенту предоставляется возможность овладения знаниями, навыками и умениями, у него формируются компетенции, необходимые для последующей успешной профессиональной самореализации. Все это позволяет лучше понимать профессиональные аспекты и принимать в последующем правильные решения. Вполне логичным является то обстоятельство, что освоение профессии меняет представление о ней. Трудности, связанные с формированием представлений о профессии, могут являться причиной намеренного нежелания обучающегося подстраиваться и привыкать к условиям профессионального обучения, дезадаптации, потери личностного интереса и смысла в образовательном процессе как таковом. Следствием подобных явлений выступают профессиональные кризисы, деформации и деструкции [2, с. 486].

Формирование личности профессионала непосредственно связано с концепцией личности, психологическими теориями личности и моделями ее развития. Раскрытие проблем профессионального становления не представляется возможным без проведения психологического анализа как собственно профессиональной деятельности, так и соответствующих моделей развития. Объединение указанных направлений является ключом к научному обоснованию проблем профессионального становления специалиста [1, с. 10].

Человеку присуще обладание целым рядом личностных характеристик, называемых интегративными. В данной категории необходимо отметить адаптационный потенциал личности. От его развитости зависит успешность, с которой человек моделирует свое поведение в различных жизненных ситуациях. Таким образом, необходимо подчеркивать не неизменность поведения, а неизменность черт, оказывающих влияние на формируемое поведение с учетом аспектов профессиональной деятельности [1, с. 13].

Развитие необходимых умений и навыков представляется возможным при наличии у субъекта определенных качественных характеристик. Подразумевается отчетливое понимание возможности самореализации именно в избранной для овладения профессиональной сфере, наличие желания продвигаться к профессиональным вершинам, и способность адекватно оценивать результаты деятельности [1, с. 20].

Понятие направленности личности, несмотря на отсутствие однозначной его трактовки в психологической литературе, можно определить как совокупность устойчиво характеризующих деятельность субъекта побуждений. Профессиональная направленность является особым видом направленности личности, связанный с профессиональным самоопределением и развитием. Она характеризует мотивацию профессиональной деятельности, определяет личностный смысл трудовой деятельности. От профессиональной направленности во многом зависит формирование в процессе обучения ключевых компетенций и отношения к профессии, планирование карьеры [3, с. 146]. В этой связи актуальным является исследование личностной и профессиональной направленности студентов, а также организация в последующем целенаправленной систематической работы по ее развитию или коррекции.

В эмпирическом исследовании приняли участие 50 юношей и девушек в возрасте от 18 до 20 лет, являющихся студентами Белорусского национального технического университета и обучающихся по инженерным специальностям на факультете информационных технологий и робототехники. Для анализа личностной и профессиональной направленности испытуемых использовались:

- ориентационная анкета Бернарда Басса, позволяющая выявить один из трех видов направленности личности;
- методика «Диагностика профессиональных интересов и склонностей» на основе концепций Джона Холланда и Е. А. Климова.

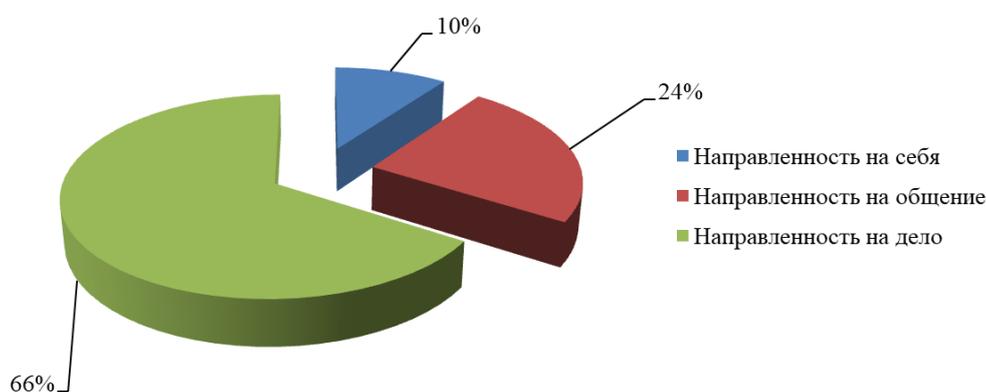

Рис. 1. Анализ результатов исследования личностной направленности студентов

Анализ результатов исследования личностной направленности (рис. 1) показал, что большинство испытуемых (66 %) обладают направленностью на дело, то есть ориентированы на исполнение своих профессиональных обязанностей с наилучшими показателями, на деловое сотрудничество и способны защищать свое мнение в интересах общего дела. Личностную направленность на общение продемонстрировали двенадцать (24 %) респондентов, что показывает их склонность не разрывать установившиеся отношения с людьми ни при каких условиях, ориентированность на работу сообща, однако зачастую в ущерб конкретным

задачам. Кроме того, пять (10 %) опрошенных имеют личностную направленность на себя, что означает ориентированность на прямое вознаграждение, агрессивность в достижении положения и статуса, склонность к постоянному соперничеству и конкуренции, раздражительности и тревожности.

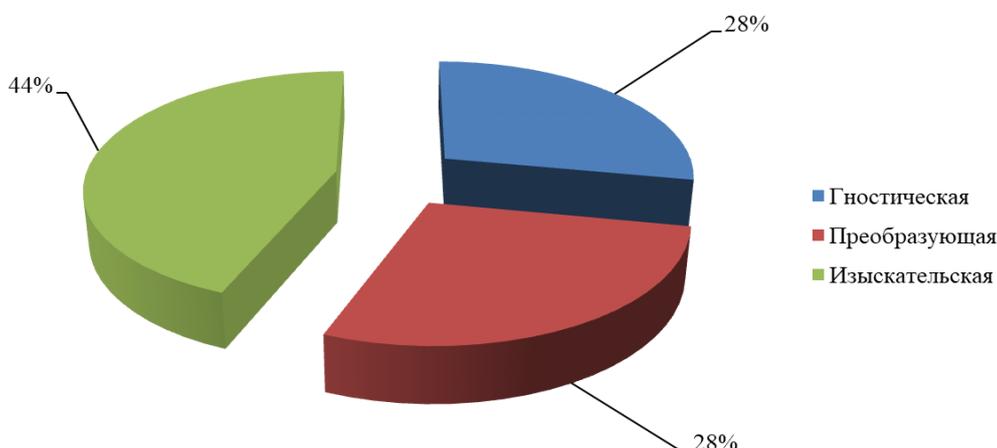

Рис. 2. Анализ результатов исследования цели труда

Анализ данных, полученных с помощью методики Джона Холланда и Е. А. Климова (рис. 2), позволил установить, что двадцать два (44 %) опрошенных имеют изыскательскую цель труда, что связывает их профессии с конструированием и поиском новых решений (научный работник, программист, дизайнер). Эти студенты совершили осознанный выбор направления своей профессиональной подготовки на факультете информационных технологий и робототехники. Четырнадцать (28 %) респондентов характеризуются гностической целью труда и еще четырнадцать (28 %) – преобразующей целью труда. Студенты с гностической целью труда интересуются качествами объектов, активны в познавательной деятельности, наблюдательны. Они могут проявить себя как инспектор, следователь, эксперт или корректор. Студенты же с преобразующей целью труда нацелены на видимое изменение окружающей реальности, очень активны и работоспособны. Примерами профессий с данной целью труда являются: столяр, водитель, продавец, слесарь, учитель.

Анализ результатов диагностики позволил также выявить объекты труда респондентов (рис. 3).

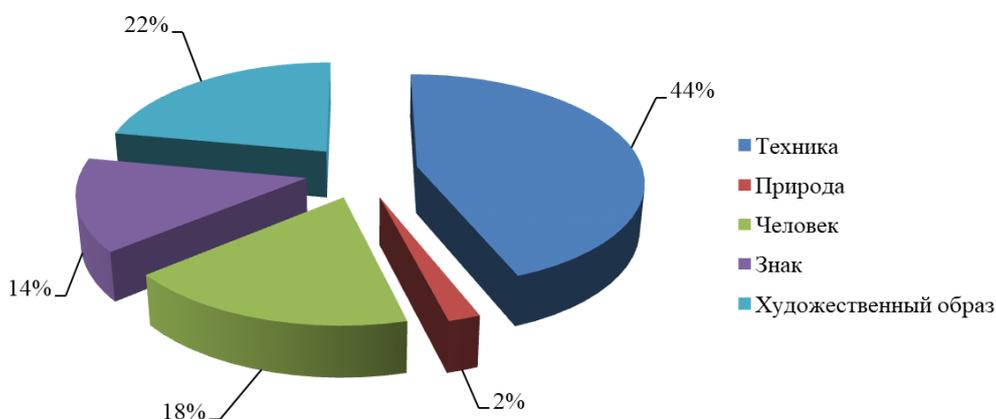

Рис. 3. Анализ результатов исследования объекта труда

У двадцати двух (44 %) студентов объектом труда выступает техника, то есть их профессии связаны с разработкой и обслуживанием техники (инженер, водитель, механик, электромонтер), что соответствует их направлению профессиональной подготовки в БНТУ.

Одиннадцать (22 %) студентов объектами своего труда считают художественный образ, показывающий их тягу к созданию и проектированию произведений искусства. Им в большей степени подходят профессии композитора, парикмахера, актера, ювелира или реставратора. Человек является объектом труда для девяти (18 %) опрошенных, что демонстрирует их направленность на оказание воздействия на людей (в качестве примера профессий: тренер, воспитатель, врач, юрист). Семь человек (14 %) считают объектом своего труда знак, что демонстрирует их склонность к работе с текстами (переводчик, копирайтер), цифрами и формулами (программист, кассир), картами и чертежами (картограф, штурман). Один студент (2 %) желает связать свою профессию с изучением природы, уходом за растениями и животными, иными словами объектом труда в данном случае является природа. На факультет информационных технологий и робототехники, вероятно, его привела своеобразная «мода» на IT-специальности.

В процессе анализа результатов психологической диагностики были получены также данные о типе профессиональных интересов (рис. 4). Восемнадцать (36 %) респондентов обладают предпринимательским типом, предопределяющим их профессию в области бизнеса и предпринимательства, менеджмента и политики. Тринадцать (26 %) человек склонны к исследовательскому типу, нацеливающему их на научные исследования и разработку технологий. Восемь (16 %) студентов обладают реалистическим типом, что дает им возможность овладеть инженерно-техническими, строительными, транспортными и военными специальностями. У пяти опрошенных (10 %) преобладает социальный тип, указывающий на интерес к деятельности, связанной с оказанием психологической помощи (социальная работа, психология). Четыре (8 %) человека имеют артистический тип и могут самореализоваться в искусстве, архитектуре, дизайне и шоу-бизнесе. Два (4 %) студента обладают конвенциональным типом, демонстрирующим их вероятные успехи на финансово-экономическом и бухгалтерско-аудиторском поприще.

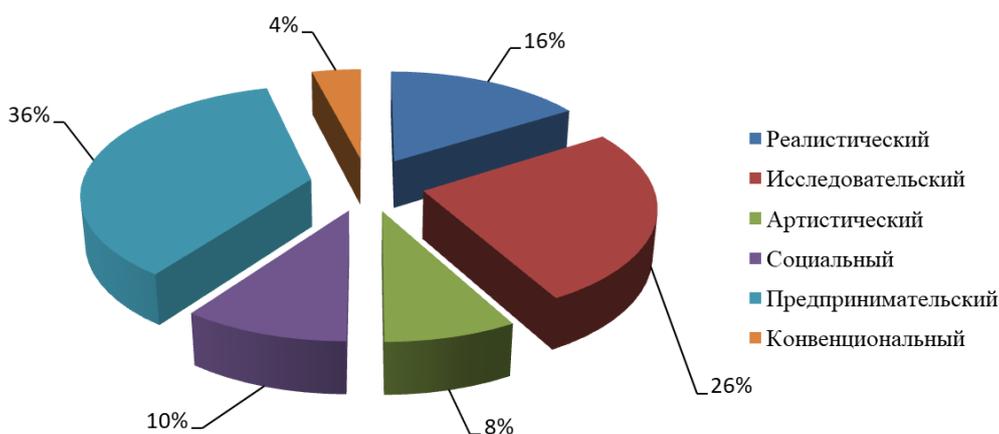

Рис. 4. Анализ результатов исследования типа профессиональных интересов студентов

Таким образом, проведенный анализ позволил установить, что большинство опрошенных студентов обладают личностной направленностью на дело, стремятся к высокой продуктивности деятельности. Изыскательская цель является преобладающей целью труда, объектом труда при этом выступает техника, что свидетельствует о правильности выбранного направления профессиональной подготовки. Среди типов профессиональных интересов широко представлены предпринимательский, исследовательский и реалистический типы. Данные свидетельствуют о необходимости оптимизации профориентационной работы с будущими абитуриентами, организации профессионально-психологического собеседования перед подачей документов в приемную комиссию университета, а также расширения возможности самостоятельного выбора студентом траектории своего профессионального развития посредством определения перечня учебных дисциплин для изучения. В противном случае стремление

абитуриентов «войти в IT», не подкрепленное соответствующей внутренней мотивацией и качествами личности, обернется как потерями выделяемых из бюджета на подготовку инженера финансовых средств, так и трудностями профессиональной самореализации личности.

Библиографические ссылки

1. Бугренкова Т. А., Киселева Е. А., Шурыгина И. А. Формирование личности профессионала. М. : Академия ГПС МЧС России, 2015. 37 с.
2. Дикая Л. Г., Журавлев А. Л. Личность профессионала в современном мире. М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. 942 с.
3. Шершнёва Т. В. Анализ профессиональной направленности личности современных студентов // Вестник Прикамского социального института. 2020. № 3 (87). С. 145–150.

© Шершнёва Т. В., Крошенко Д. С., 2021

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 159.92

ТРЕНДЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

О. В. Гостева

*доцент, Сибирский государственный университет
науки и технологии имени академика М. Ф. Решетнева,
г. Красноярск, Российская Федерация.*

За прошедший год практически все социальные системы претерпели глобальные изменения, изменились привычные понимания производственных процессов, дистанционная работа показала свою реальность. Все это привело к необходимости пересматривать компетенции которые дает высшее профессиональное образование. Оказалось, что современные люди должны иметь следующие навыки: умение постоянно переучиваться, приспосабливаться к обстоятельствам; управление собой в стрессовых ситуациях; развивать критического мышление; иметь эмоциональный и социальный интеллект.

Ключевые слова: цифровизация, непрерывное образование, самообразование, гибкость, гибридные компетенции.

DIGITALIZATION TRENDS OF THE VOCATIONAL EDUCATION SYSTEM

Over the past year, almost all social systems have undergone global changes, the usual understanding of production processes has changed, remote work has shown its reality. All this has led to the need to revise the competencies that higher professional education provides. It turned out that modern people must have the following skills: the ability to constantly retrain, adapt to circumstances; self-management in stressful situations; develop critical thinking; have a mental and social intelligence.

Keywords: digitalization, lifelong education, self-education, flexibility, hybrid competences.

Пандемия заставила мир совершить скачок более чем на 5–10 лет в эпоху цифровых технологий, а это, в свою очередь, потребовало ускорения развития бизнеса и трудовых ресурсов. Просто держать темп уже не достаточно – чтобы соответствовать требованиям завтрашнего дня, работникам нужно повышать квалификацию и переобучаться.

Высокопроизводительные сотрудники приносят компании конкурентное преимущество. Но сейчас уже не достаточно просто высокой производительности, необходимо обладать гибридными компетенциями, быть мультинаправленным, уметь принимать решения не просто на стыке двух направлений, а учитывать тенденции, возможности эффективность и перспективы множества направлений.

Мы живем в VUCA мире:

- Volatile – переменчивый;
- Uncertain – неизвестный;
- Complex – сложный;
- Ambiguous – многозначный.

В мире, где крайне сложно делать прогнозы на будущее, где изменения происходят быстрее, чем мы узнаем о них, где необходимо приспосабливаться и при этом принимать решения, управлять производством и бизнесом, выполнять социальные обязательства.

В этих условиях необходимо принципиально по-другому применять систему высшего профессионального образования.

В современных условиях информация устаревает за 1–1,5 года. Только для того чтобы соответствовать скорости реального бизнеса преподаватели и студенты должны постоянно переобучаться. Образование стало непрерывным, но вопросы компетенций становятся наиболее важными.

В связи с этим можно выделить принципы непрерывного образования:

- обучение длиною в жизнь;
- образование шириной в жизнь;
- самомотивация к образованию;
- мобильность в отношении профессий;
- умение самостоятельно и непрерывно учиться;
- целеполагание;
- экспертность во многих диверсифицированных вопросах.

Как видно из перечисленных принципов, основная нагрузка и ответственность за профессиональные знания ложится на самого человека. Если раньше система образования делала индивида и приспосабливала его к существующей системе производства, то теперь – свобода выбора и свобода ответственности ложится на Личность, которая сама должна сделать из себя профессионала – востребованного на рынке труда. И такие тенденции в ИТ-области проявляются достаточно ярко. Молодые люди набирают навыки вне системы высшего образования, быстрее и качественнее – в соответствии со своими интересами, создают или вливаются в виртуальные или ИТ-предприятия и получают доход выше среднего по рынку труда.

Самый простой пример: Компания Skillbox.

Профессия Java-разработчик.

- 3 000 компаний прямо сейчас ищут программистов только на одном hh.ru;
- 4 месяца обучения достаточно, чтобы устроиться junior-разработчиком;
- 100 000 руб. средняя зарплата.

На рынке разработки не хватает кадров

Научим программировать на самом востребованном языке:

<https://skillbox.ru/course/profession-java>.

GeekBrains – еще одна компания которая дает эффективные прикладные курсы на основе которых человек приобретает конкретные прикладные навыки, но к сожалению не системное образование и не системное мышление. Но на рынке труда сейчас не очень интересуются системной подготовкой – гораздо важнее, чтобы специалист просто выполнял свои узкие специальные задания.

<https://geekbrains.ru/courses?from=inthr.geekbrains.ru>

За 4 месяца, а не за 4 года! Что может противопоставить вуз?

И таких компаний, которые дают прикладные, причем качественные навыки и компетенции, становится все больше. Выпускников такого обучения ИТ-компании берут сразу, получают работника с прикладными навыками.

В современных условиях на рынке ценятся:

- микрообучение;
- mix-курсы;
- персонализация курса под себя и свои потребности.

И системе высшего образования надо с этим считаться, потому что в конкуренции на рынке труда выпускники вуза проигрывают специалистам, имеющим прикладные знания. Потому что в вузах часто устаревшая информация, потому что вуз не дает необходимых

практических навыков. Исследование портрета будущего студента показывает потерю престижа вузовского образования.

Форсайт сессии, проведенные со студентами, показали, что сами студенты не очень понимают и не могут сформулировать те требования, которые они сами хотели бы видеть в «идеальном» университете. По большей части их требования можно обозначить как

- возможность выбора преподавателя;
- возможность выбора предметов и набора предметов;
- свободное посещение занятий;
- повышение эффективности оценки знаний (какими путями и формами студенты предложили);
- возможность обмена студентами между вузами разных стран;
- возможность получения международного диплома.

Большинство из этих требований в зарубежных вузах уже учтены и реализованы, насколько это поднимет престижность высшего образования в нашей стране – остается открытым вопросом.

Работодатели хотят получить работника способного выполнять сложные задачи сразу, которого не надо переучивать за счет предприятия, который сам может повысить квалификацию и решить поставленные производственные задачи [1].

Навыки людей, которые нужны современному бизнесу:

- умение постоянно переучиваться, приспосабливаться к обстоятельствам;
- управление собой в стрессовых ситуациях;
- развитие критического мышления;
- эмоциональный и социальный интеллект.

По мнению Forbes, «Top5 Digital Transformation Trends In Education for 2020» главные тренды в образовании, которые ярко проявятся в ближайшем будущем:

1. Индивидуализация образовательного опыта.
2. Общий уход от чтения для того, чтобы что-то учить.
3. Растущая доступность образования в географическом смысле.
4. Информационная безопасность.
5. Геймификация обучения.

Всем нужны новые знания для адаптации к изменившимся условиям, для построения лучшего будущего через образование.

Системы образования, начиная с дошкольной и заканчивая высшим образованием, проходят стресс-тестирование по всему миру. С перебоями на рекордно высоком уровне, разрабатывая и внедряя истинные инновации.

Еще до COVID-19 образовательные учреждения по всему миру столкнулись с сильным противодействием. В 2018 году 258 миллионов детей, подростков и молодежи не посещали школу. Эти цифры только ухудшились с начала пандемии, которая нарушила процесс обучения почти 1,6 миллиарда учащихся в более чем 190 странах. Расовый и социально-экономический разрыв углубился, и студенты теряют свои позиции в учебе или вообще бросают учебу.

Хотя пандемия создала беспрецедентные проблемы, она также позволила ускорить инновации и социальное воздействие в сфере образования. При правильной стратегической ориентации (в сочетании с мощными человеческими и цифровыми возможностями и готовностью к инновациям) образовательные учреждения могут трансформировать свою культуру и образовательные модели.

Важно развивать образовательную деятельность на стыке образования, рынка труда совместно с работодателями и социального обеспечения. Необходимо предоставлять опыт обучения и профессиональной подготовки, способствующий готовности к работе и успеху, а также обеспечивать политическую и финансовую поддержку обездоленных детей и студентов.

Аналитики BCG выделили три ключевых разрыва в системе образования [2; 3].

1. Перспектива.

Образовательная экосистема фокусируется в первую очередь на обучении в школах—от детского сада до Вуза, переходя в непрерывное образование. Необходимо менять понимание того где приобретаются базовые навыки ценности обучения.

2. Способность.

Сегодня 40 % работодателей испытывают трудности с подбором сотрудников, обладающих навыками общения, критического мышления и сотрудничества, необходимыми для работы в XXI веке. Более того, 85 % рабочих мест, которые сегодняшние учащиеся будут занимать в 2030 году, еще даже не были изобретены. Необходимо помогать образовательным учреждениям переосмыслить то, чему они учат, включая мягкие навыки, социально-эмоциональные навыки и навыки поведения в изменяющихся условиях, применяя при этом самые передовые, инновационные технологии.

3. Скорость.

Несмотря на многочисленные усилия по проведению реформ, сектор образования остается одним из самых сложных в достижении устойчивых и системных изменений. Необходимо создавать системы, чутко реагирующие на меняющиеся контексты и изменения, настроенные на постоянное совершенствование и устойчивые в постпандемическом мире [4; 5].

Еще одним современным направлением является Agile в образовании – одним из вариантов определения которого можно считать «путь исследования, на котором мы учимся вместе создавать нашу культуру и ценности в мире и для мира, в котором хотим жить сами».

Базовые идеи Agile в образовании: сделать ученика заинтересованным самим процессом обучения. Соединить самомотивацию ученика и предмет. Если немного посмотреть историю, то опыт Макаренко был основан именно на этом. Ученики вовлекались в заинтересованную среду, которая коренным образом отличалась от привычной и была более мотивирующей чем повседневная жизнь. Но надо учитывать время и социальные условия. Макаренко многократно показал эффективность трудотерапии, нотам был в основном ручной труд в коллективе, плюс заряд положительных эмоций.

В современных условиях учащийся находится наедине с компьютером, общается в лучшем случае с «говорящей головой» может отключиться в любое время, сославшись на технические неполадки, о ручном труде и говорить сложно... как решать вопросы заинтересованности в таких условиях?

Провозглашенные постулаты Agile-образования:

- время и место контакта с преподавателем и другими студентами;
- методы, технологии получения поддержки и установления контакта;
- виды помощи, доступные коммуникации, необходимые технологии;
- место проведения, технология участия в различных аспектах курса;
- каналы доставки информации о курсе, коммуникация контента;
- манифест Agile-образования.

Постоянное открытие более совершенных методов обучения, благодаря чему приходит осознание того, что:

- люди и взаимодействие важнее процессов и инструментов;
- осмысленное научение важнее формальных тестов;
- сотрудничество между участниками процесса важнее постоянных согласований/ переговоров;
- готовность к изменениям важнее следования первоначальному плану.

На рисунке представлены основные принципы Agile-образования, его цикличность и возможность прохождения всех этапов несколько раз. Короткие этапы – вместо длительного марафона, создание команды (того самого коллектива о котором речь шла выше), необходимо рассматривать игровую составляющую обучения, снимать напряжение при этом сохраняя ответственность за результат. В процессе достижения цели необходимо развивать искусство размышления, анализ вариативных возможностей, отрабатывать навык выбора альтернатив решения.

Библиографические ссылки

1. Аналитическое исследование Hays и Oxford Economics. The Hays Global Skills Index 2019 года [Электронный ресурс]. URL: https://hays.ru/wp-content/uploads/Hays-global-skills-index_23.09.pdf (дата обращения: 23.02.2020).
2. Построение лучшего будущего через образование [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cg.com/ru-ru/industries/education/overview> (дата обращения: 10.023.2021).
3. Начальное и среднее образование [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bcg.com/ru-ru/industries/education/primary-secondary-education> (дата обращения: 10.023.2021).
4. Развитие талантов, повышение квалификации и переобучение [Электронный ресурс] URL: <https://www.bcg.com/ru-ru/capabilities/people-strategy/talent-development> (дата обращения: 10.023.2021).
5. BCG Upskilling Bootcamp ускорит ваше цифровое будущее [Электронный ресурс] URL: <https://www.bcg.com/capabilities/people-strategy/upskilling-virtual-bootcamp> (дата обращения: 10.023.2021).

© Гостева О. В., 2021

УДК 316.6:001

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В НАУЧНОЙ СФЕРЕ

Н. А. Лимкина

*старший научный сотрудник, Государственное казенное учреждение
Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического
мониторинга», г. Саранск, Российская Федерация,
E-mail: limkinana@yandex.ru*

Рассматриваются требования, необходимые для успешного осуществления научных проектов. Отмечается роль мотивации исполнителей, выбора стиля управления, алгоритма проведения исследования в проектной деятельности. Акцентируется внимание на когнитивных стилях участников рабочей группы, правильный подбор которых помогает избежать сложностей во взаимодействии для получения запланированного результата.

Ключевые слова: когнитивные стили, мотивация, научная деятельность, проект, теории управления «X» и «Y».

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL CONDITIONS OF EFFECTIVENESS OF THE PROJECT ACTIVITIES IN THE SCIENTIFIC SPHERE

The requirements necessary for the successful implementation of scientific projects are considered. The role of motivation of performers, choice of management style, research algorithm in project activity is noted. Attention is focused on the cognitive styles of the participants of the working group, the correct choice of which helps to avoid difficulties in interaction to achieve the planned result.

Keywords: cognitive styles, motivation, scientific activity, project, management theories “X” and “Y”.

Текущий год объявлен в нашей стране Годом науки и технологий [6]. Таким образом, подчеркнута значимость научного направления, сообщества ученых. Количество ученых в России за период с 2000 г. по 2019 гг. сократилось почти в 1,2 раза: с 426 тыс. чел. до 348 тыс. чел. [4, с. 21]. Согласно данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, почти половина опрошенных россиян (44 %) считает, что в настоящее время мировая наука находится на подъеме [2]. По мнению большей половины респондентов (55 %), отечественная наука, напротив, с разной степенью отстает [2]. Развитию российской науки будет способствовать увеличение финансирования (56 %) и повышение уровня компетентности ученых (34 %) [2].

Важное место в повышении финансовой обеспеченности и уровня компетенции научных работников занимает проектная деятельность. Проект – готовая модель, реализация которой позволит улучшить жизнь, сделать ее более качественной. В настоящее время ведется много споров о том, что является научным знанием, научным исследованием, научным проектом. В научном познании необходимо придерживаться строгих правил, которые определяют содержание научного исследования. Известный социолог и философ К. Р. Поппер в своей работе «Предположения и опровержения. Рост научного знания» выделяет три основных требования к научному знанию: 1) наличие «простой, новой, плодотворной и объединяющей идеи»; 2) требование, «чтобы новая теория была независимо проверяема»; 3) «теория должна выдерживать некоторые новые и строгие проверки» [5]. В соответствии со ст. 2 Федерально-

го закона «О науке и государственной научно-технической политике» научная деятельность – «деятельность, направленная на получение и применение новых знаний» [7]. Новое знание, безусловно, начинается с идеи что-то создать, усовершенствовать или проверить. Полученные результаты должны быть актуальными, иметь широкий спектр применения и возможность для их исследования. Новые теоретические постулаты проверяются путем сбора эмпирических данных. Это необходимо для понимания перспективности нового знания, его универсальности и других характеристик.

Первым условием эффективности проектной деятельности в научной сфере является **мотивация участников проектной деятельности**. О мотивах научного исследования Альберт Эйнштейн писал: *«Храм науки – строение многосложное. Различны пребывающие в нем люди и приведшие их туда духовные силы. Некоторые занимаются наукой с гордым чувством своего интеллектуального превосходства; для них наука является тем подходящим спортом, который должен им дать полноту жизни и удовлетворение честолюбия. Можно найти в храме и других: плоды своих мыслей они приносят здесь в жертву только в утилитарных целях. Если бы посланный богом ангел пришел в храм и изгнал из него тех, кто принадлежит к этим двум категориям, то храм катастрофически опустел бы. Все-таки кое-кто из людей как прошлого, так и нашего времени в нем бы остался (...)»* [11, с. 39]. Содержание мотивов может различаться. В идеале, конечно, речь идет о «чистых» параметрах: познавательном интересе к изучаемому предмету, поиске объективной информации, радости открытия, желании усовершенствовать вещи и идеи путем получения новых знаний и результатов. Потребность личности в самореализации тоже является одним из ведущих мотивов. Вместе с этим часто возникает желание прославиться как автор разработок, открытий. Социолог Франсуа де Сингли не видит в этом ничего удивительного: *«Желать славы – значит просто разрешить себе мечтать»* [цит. по: (3)]. Способность мечтать помогает личности в реализации задуманного, понять свою ценность, сделать жизнь более наполненной событиями. Зачастую причиной участия в проекте является материальная заинтересованность, что объясняется необходимостью удовлетворения базовых потребностей. Главное, чтобы материальный стимул не превратился в самоцель и не похоронил научную идею. Особую роль стоит отвести научным работникам, которые стремятся принять участие в проекте, рассчитывая на заведомо положительный результат, совместно с коллегами, которые уже добились значимых успехов, признания в конкретной области знаний. В данном случае, если, конечно, речь не идет о формальном участии, позитивное значение выражается в получении бесценного опыта менее опытным сотрудником.

Вторым условием является **организационная работа**. Большое значение имеет правильность распределения групповых ролей: лидер (как правило, он же является генератором идей), исполнители (в зависимости от задачи – методолог, организатор, критик, коммуникатор и др.), эксперты. Лидером обязательно должен быть талантливый ученый, эффективный и харизматичный менеджер, которому известно, как правильно организовать процесс работы: необходимые ресурсы, план, прогноз результатов, этапы, методы проверки правильности полученных данных, внедрение разработки в практическую деятельность. Под харизмой понимается «некое качество индивида, в силу которого он слышит одаренным сверхъестественными, сверхчеловеческими или, по крайней мере, особо исключительными, никому больше не доступными силами и способностями» [1, с. 279].

Руководитель проекта определяет размер (количество чел.) и состав рабочей группы в зависимости от имеющихся компетенций, а также с учетом когнитивных стилей (способов восприятия информации, мышления, принятия решений), которые потребуются в работе над проектом [9]. Положительный микроклимат в проектной коллективе и успех проекта в целом во многом зависят от сочетания полюсов когнитивных стилей членов коллектива. При подготовке научных проектов его участники могут обладать как аналитическим, так и синтетическим восприятием информации; как узким, так и широким диапазоном эквивалентности. «Аналитики», имеющие узкий диапазон эквивалентности, чаще испытывают страх, связан-

ный с неопределенностью, старательны, ориентированы на социальное одобрение. Напротив, у «синтетиков» преобладает эмоция гнева, это самодостаточные работники, которым не требуется внешнее одобрение.

Лидеры, как правило, свойственны следующие когнитивные стили: полнезависимость, сканирующий контроль, абстрактная концептуализация, высокая толерантность в условиях неопределенности. Полнезависимость проявляется в амбициозности, требовательности, самостоятельности, компетентности, креативности, критическом мышлении, высоких нравственных ориентирах, способности брать ответственность за принятые решения. Сканирующий контроль выражен в умении видеть «картинку» целиком, масштаб ситуации или проблемы, не останавливаясь подробно на деталях. Абстрактная концептуализация дает возможность руководителю адекватно оценивать уровень компетентности членов коллектива. Высокая толерантность позволяет легко принимать решения в условиях многозадачности и появления новых знаний, большого объема информации.

Для *исполнителей* характерны заострение, фокусирующий контроль, абстрактная концептуализация, рефлексивность, высокая толерантность в условиях неопределенности. Заострение связано с сохранением в памяти необходимого материала: происходит концентрация на деталях, подчеркиваются специфические особенности объекта. Фокусирующий контроль предполагает конкретную, фрагментарную направленность внимания, необходимую для выполнения точных заданий, расчетов. Абстрактная концептуализация в данном случае позволяет выявлять взаимозависимости, дифференцировать признаки изучаемых структур, сравнивать их с имеющимися теоретическими построениями. Рефлексивность помогает избежать возможных ошибок при принятии решений. Поиск и выбор правильной точки зрения на основе полученных новых данных связаны с высокой толерантностью в условиях неопределенности.

Эксперту прежде всего необходим гибкий познавательный контроль. Гибкий познавательный контроль – возможность избежать стереотипного мышления и действий, означает быструю переключаемость на другие задачи, стрессоустойчивость, терпение при выполнении сложной работы. Кроме того, его также отличают полнезависимость, рефлексивность, абстрактная концептуализация, о которых уже шла речь выше.

Третьим условием является *исполнение проекта*. На этом этапе большое значение имеют методы управления рабочей группой. Известный американский специалист по социальной психологии и менеджменту Дуглас Мак-Грегор в своей работе «Человеческая сторона предприятия» выделил несколько способов управления, которые можно применить и в проектной деятельности: теорию «Х», основанную на потребностях базового уровня, и теорию «У», основанную на потребностях высшего уровня [12]. Тип управления зависит от психологических особенностей участников проекта: инициативности или безынициативности, заинтересованности или незаинтересованности в постоянном контроле, способности или неспособности брать на себя ответственность за результаты. Приоритетной с точки зрения получения высоких результатов является теория «У», способ управления, который ориентируется на творческую поисковую деятельность, позволяет самостоятельно находить пути решения задач, исходя из имеющегося опыта и знаний, самоактуализироваться. Напротив, теория «Х» не позволяет добиться больших результатов, потому что рабочая группа инертна, постоянно ожидает от руководителя указаний, создания благоприятных условий, подробной детализации запланированной работы, поэтапного контроля. Следовательно, от человеческого фактора во многом зависит успех реализации проекта и получение качественных результатов.

Логика реализации научного проекта может строиться как в зависимости от эмпирического уровня научного познания к теоретическому, так и наоборот. В первом случае алгоритм исполнения проекта следующий: формулировка гипотезы исследования – сбор эмпирических данных – обработка полученной информации – описание, интерпретация и классификация данных – выводы, прогноз новых процессов и явлений. Изначально данный вид иссле-

дований связан с высоким уровнем неопределенности. На основе полученных практических данных производится выход на теоретические построения, делается вывод о дальнейшем развитии теории или подтверждении имеющихся теоретических постулатов. По такой схеме чаще осуществляются фундаментальные исследования. Во втором случае применяется несколько иной алгоритм: постановка проблемы – формулировка гипотезы исследования – изучение теории – сбор эмпирических данных – обработка полученной информации – описание, интерпретация и классификация данных – подготовка выводов и рекомендаций. На основании такой схемы в основном строятся прикладные исследования.

Стоит отметить, что социальное проектирование в отличие от технического или компьютерного имеет важную особенность: субъектом и объектом исследования являются люди. Проектирование требует не только знаний и навыков, теоретико-методологического обоснования, моделирования процессов, но и проведения научных испытаний. Экспертиза подобных проектов должна быть предельно точной и объективной.

Четвертым условием является *внедрение проекта*. Этап внедрения полученных результатов очень часто связан с отсутствием финансовых возможностей. Кроме того, важную роль играет проблема психологической неуверенности участников рабочих групп, связанная с неумением оценить возможные риски, правильно определить сроки реализации, экономическую и социальную эффективность на различных этапах и т. д.

Ресурсное обеспечение научных разработок осуществляют государство и бизнес. В России на науку тратится 1,1 % ВВП, в наукоориентированных странах (Швейцария, Израиль, Южная Корея и др.) – 2, 3, 4 % ВВП [10]. Негосударственные структуры зачастую более заинтересованы в прикладных исследованиях. Об этом говорит Президент Российской академии наук, академик А. М. Сергеев: «(...) Фундаментальную науку никакой бизнес финансировать не будет. Ведь в чём цель фундаментальных исследований? Открыть новую закономерность или увидеть новое явление. Но просто так запланировать открытие нельзя, это всегда шаг в неизведанное. Часто то, что задумывают и хотят получить учёные, не выполняется. Вот вы ставите эксперимент, нацелились на результат, а получили нечто совсем иное. И вы понимаете, что искать надо было в другом направлении. Хотя иногда и из отрицательного результата эксперимента рождается совсем неожиданное открытие. Поэтому вложения в фундаментальную науку высокорисковые, и позволить себе финансировать её может только государство. Бизнес даёт деньги, лишь когда существование явления уже доказано и ясно, как его применить. Это происходит после этапов фундаментальных и поисковых исследований: на первом вы доказали „теорему существования“ нового явления, а на втором – „теорему применимости“ его в практике. Тогда и должны появиться заинтересованные заказчики из бизнеса и профинансировать третий – прикладной, или ОКРовский – этап работ. Он низкорисковый, там уже 90 % того, что запланировано, выполняется (...)» [10].

К сожалению, до этапа внедрения доходит небольшая часть научных проектов. При этом данные по реализации научных проектов дифференцируются по регионам Российской Федерации. Рейтинг лидеров среди регионов России по внедрению научных разработок в 2018 г., по данным ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, выглядит следующим образом: Москва (реализовано 30,8 % технологических инновационных проектов), Мордовия (12,8 %), Санкт-Петербург (4,8 %), Ставропольский край (4,3 %), Республика Татарстан (2,3 %), Ростовская (3,7 %), Нижегородская (3,0 %), Московская (2,3 %), Новосибирская (2,2 %) и Свердловская (2,0 %) области [8]. Доля реализованных проектов могла бы быть и выше. Данный показатель свидетельствует об уровне подготовки в области инновационного менеджмента, государственной поддержке.

Таким образом, развитие научного потенциала государства, региона, отдельно взятой организационной структуры напрямую связано с необходимостью внедрения инновационных проектов, направленных на улучшение благосостояния населения. Научным проектом является модель, имеющая в своей основе актуальные новые знания. Основными условиями эффективной проектной деятельности являются: надлежащая мотивация участников,

правильно построенная организационная работа, своевременное исполнение этапов проекта, обязательное внедрение научных разработок в практическую деятельность. Сложности, возникающие при проектировании, связаны как с недофинансированием, так и с психологическими параметрами научного коллектива.

Библиографические ссылки

1. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии : в 4 т. / Макс Вебер ; [пер. с нем.] ; сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. Перевод изд.: Weber Max. *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie*. 5. revidierte Aufl. Besorgt von Johannes Winckelmann. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1972. Т. I. Социология. 445 с.
2. Год российской науки и технологий. Изобретение вакцин от коронавируса и военные разработки – главные достижения мировой и российской науки последних лет [Электронный ресурс]. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/god-rossiiskoi-nauki-i-tekhologii> (дата обращения: 17.02.2021).
3. Киселева К. Почему мы мечтаем о славе [Электронный ресурс]. *Psychologies*. URL: <https://www.psychologies.ru/articles/pochemu-my-mechtaem-o-slave/> (дата обращения: 15.02.2021).
4. Наука. Технологии. Инновации: 2021 : краткий статистический сборник / Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский, Е. И. Евневич и др. ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : НИУ ВШЭ, 2021. 92 с.
5. Popper K. R. *Conjectures and Refutations: The Growth of Scientific Knowledge*. 1963. Карл Раймунд Поппер. Предположения и опровержения. Рост научного знания [Электронный ресурс] ; пер. с англ.: А. Л. Никифоров, Г. А. Новичкова. М. : Центр гуманитарных технологий. 29.07.2010. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/4711/4722> (дата обращения: 15.02.2021).
6. О проведении в Российской Федерации Года науки и технологий [Электронный ресурс] : Указ Президента Российской Федерации от 25 декабря 2020 г. № 812. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
7. О науке и государственной научно-технической политике [Электронный ресурс] : федер. закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ (с изм. на 8 декабря 2020 г.). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
8. Фридлянова С. Ю. Реализация технологических инновационных проектов по разработкам научных организаций [Электронный ресурс]. Интернет-сайт ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/374999812.pdf> (дата обращения: 18.02.2021).
9. Холодная М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-е изд. СПб. : Питер, 2004. 384 с.
10. Черняк И. Будет нам наука. Президент РАН – о насущных проблемах и надеждах учёных [Электронный ресурс] // Еженедельник «Аргументы и Факты». № 51. 16.12.2020. URL: https://aif.ru/society/science/budet_nam_nauka_prezident_ran_o_nasushchnyh_problemah_i_nadezhdah_uchyonyh (дата обращения: 11.03.2021).
11. Эйнштейн А. Собрание научных трудов. Т. 4. Статьи, рецензии, письма. Эволюция физики. М. : Наука, 1967. 600 с.
12. McGregor D. *The human side of enterprise*. New York : McGraw-Hill, 1960. 246 p.

© Лимкина Н. А., 2021

УДК 159.92:331

МЕТОД ПРОЕКТОВ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ

Ю. А. Полещук¹, Т. Е. Черчес²

¹доцент, ²доцент, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка,

г. Минск, Республика Беларусь

E-mail: polishuk@tut.by

E-mail: tankor65@mail.ru

На основе анализа опыта реализации научно-исследовательских проектов в учебной деятельности студентов-психологов обосновывается эффективность метода проектов в повышении качества профессионального обучения студентов-психологов, предложены инструменты для оценки эффективности данного процесса.

Ключевые слова: научно-исследовательский проект, критерии качества профессионального обучения.

PROJECT METHOD AS A FACTOR IN IMPROVING THE QUALITY OF VOCATIONAL TRAINING OF PSYCHOLOGIST STUDENTS

Based on the analysis of the experience of the implementation of research projects in the training activities of psychologists, the effectiveness of the methods of projects in improving the quality of professional training of psychologist students is substantiated tools to assess the effectiveness of this process.

Keywords: research project, criteria for professional education.

Современное общество ставит перед профессиональным образованием задачу подготовки специалистов, способных к саморазвитию, владению различными профессиональными навыками и компетенциями, представлению о себе как о профессионале. Именно поэтому, сегодня особенно актуален вопрос о способах повышения эффективности учебного процесса, подготовки успешного выпускника с набором общих и профессиональных компетенций. Это задача относится, как к содержанию образования, так и используемых методов обучения. Наиболее приемлемым для решения актуальных психолого-педагогических задач является метод проектов.

Проектная деятельность студентов ориентирована на раскрытие личности студентов, развитие интереса к учебной деятельности, интеллектуальных, творческих способностей в процессе решению какой-либо проблемы.

У студентов Института психологии БГПУ, обучающихся на 3 курсе, в рамках практических занятий по дисциплине «Психологии труда» в течение семестра предусмотрена разработка научно-исследовательских проектов по актуальным проблемам психологии труда. Темы проектов являются практикоориентированными, например: «Особенности профессиональной готовности студентов-психологов на разных курсах обучения», «Личностные характеристики студентов с разным типом профессиональной идентичности», «Психологические факторы планирования карьеры у студентов на разных этапах обучения» и др. Тематика не только вызывает интерес у студентов, но способствует развитию профессиональной идентичности и профессиональной направленности.

Результатом проектной деятельности выступает как новое научное знание, так и умения проводить научные исследования и формулировать на их основе профессиональные рекомендации, адресованные различным заинтересованным субъектам. Тематика научно-исследовательских проектов обновляется каждый учебный год.

Работа над каждым проектом включает пять этапов:

1. Организационный этап, на котором студенты самостоятельно распределяются по подгруппам (от 1 до 3), определяются с темой исследования, оформляют паспорт проекта (цель, задачи, предполагаемы результат, методы и методики исследования, участники и т. д.).

2. Теоретический этап, в рамках которого студенты осуществляют теоретический анализ литературы по проблеме исследования.

3. Диагностический этап, проведение эмпирических исследования, обработка результатов, включая статистическую обработку, и интерпретация полученных результатов.

4. Презентация проекта в форме публичной защиты с использованием медиатехнологий.

В конце семестра группы авторов проекта представляют результаты своей работы на мероприятии, на которое приглашаются все заинтересованные лица. Как правило, это участники студенческих научных исследовательских лабораторий, преподаватели Института психологии. Поскольку в итоговом мероприятии участвуют все студенты, изучающие дисциплину «Психология труда», это позволяет провести конкурс, в котором группы соревнуются между собой.

5. Апробации и внедрение результатов (разработка рекомендаций, тренинговая программа и т. д.).

Остро встает вопрос об инструментарии для оценки качества профессионального обучения и роли в этом процессе метода проектов. Несомненно, важным для оценки является уровень профессионального мастерства, к которому относятся самостоятельность в принятии решений в профессиональной деятельности, творческие отношения к труду, способность внедрять инновационные технологии, способность к критическому самоанализу и самоконтролю. По нашему мнению, именно самооценка студентами такой инновационной формы обучения как метод проектов, позволяет развить у студентов навыки профессиональной рефлексии, а также выявить пути совершенствования применения этого метода в учебном процессе вуза.

Для эмпирического исследования восприятия студентами выполнения научно-исследовательских проектов авторами статьи была разработана анкета. В исследовании приняли участие 32 студента, обучающихся на 3 курсе по специальности «Психология».

Первый вопрос анкеты затрагивал отличия метода проектов от традиционного обучения. Студентам предлагалось оценить сущность и величину этих различий. Все студенты констатировали наличие различий. 53 % опрошенных оценили отличия метода проектов от традиционных методов обучения как высокое, 44 % – как среднее и только 3 % отметили как низкое. В процессе обучения студенты в основном занимаются по традиционной модели, поэтому интерес к освоению проектной деятельности закономерен.

В следующем вопросе студентам предлагалось оценить преимущества и недостатки данной технологии в рамках подготовки проектов. Все опрошенные констатировали наличие преимуществ. Так, 38 % отметили возможность проявления творчества в период работы над проектом. Также велика вероятность глубокого изучения материала – у 27 % респондентов. К преимуществам были отнесены работа в команде (19 %), практикоориентированная направленность и новый опыт (9 %). 13 % студентов характеризуют этот метод как высоконаучный.

Поскольку научно-исследовательские проекты в такой форме студенты ранее не выполняли, то кроме преимуществ они выделили и определенные недостатки. Самым существенным недостатком, отмеченным 40 % студентов, были большие временные затраты. Если проектировочный этап можно было осуществить в аудитории, то для сбора эмпирических данных необходимо было опросить определенное количество испытуемых (как правило,

порядка 30 человек). Полученные данные необходимо обработать, систематизировать, описать и интерпретировать. Поскольку на данном этапе обучения студенты еще не проводили обширных эмпирических исследований в рамках курсовых работ (по учебному плану этот вид деятельности запланирован на следующий семестр), подобный опыт потребовал значительного количества времени. По причине отсутствия навыка интерпретации полученных данных у опрошенных возникли определенные трудности, об этом упомянули 26 %. Часть студентов к трудностям работы отнесли несовершенство технической базы (15 %), недостаток времени (12 %), сложности поиска большой выборки испытуемых (2 %). Только 5 % опрошенных констатировали отсутствие недостатков.

В следующем вопросе студентам предлагалось определить целесообразность внедрения инновационных образовательных технологий в процесс подготовки психологов. Так, ответ «однозначно целесообразно» выбрали большинство респондентов (59 %). «В зависимости от вида технологии» – такое мнение озвучили 28 %, 13 % опрошенных затруднились с ответом. Среди последних были те студенты, у которых возникли определенные трудности в процессе подготовки проектов. Это может объясняться наличием трудностей при обучении в целом, а также индивидуальными особенностями личности.

Перспективным представляется выявление профессионально важные качества, формирующихся у студентов в процессе подготовки проектов по дисциплине «Психология труда». Студенты констатировали, что к таким качествам следует отнести ответственность (указали 24 % опрошенных), развитие лидерских качеств и навыков работы в команде (24 %), аналитическое мышление (22 %), целеустремленность (15 %), высокую мотивацию (7 %), креативность (7 %). Отмечалась и профессиональная рефлексия: студенты начинают задумываться: «Каким я буду психологом?», «Готов ли я к профессиональной деятельности?». Приведенные данные свидетельствуют о том, что студенты находятся на этапе интенсификации (по Э. Ф. Зееру), когда преобладает освоение научно-познавательной деятельности, происходит интенсивное личностное и интеллектуальное развитие [2].

Далее студентам предлагалось ответить на вопросы, связанные с наличием или отсутствием у них умений, необходимых для осуществления проектной деятельности. Был задан перечень умений, предполагающий один из трех вариантов ответа – владел ли студент этим умением ранее («Умел»), приобрел ли его в ходе работы над проектом («Научился»), или ему еще «Надо учиться». Полученные данные представлены в таблице.

Умения, необходимые для работы над научно-исследовательским проектом

Какие умения помогли в работе над проектом	Умел	Научился	Надо учиться
Умения выделять существенное, главное	75	19	6
Умение анализировать, сравнивать	47	53	0
Умение обобщать, делать выводы	47	44	9
Умение воображать, создавать, моделировать	47	34	19
Умение планировать и организовывать работу	34	22	44
Умение формулировать научную гипотезу и цель работы	40	20	40

Как видно из данных таблицы, у большинства студентов (75 %) на момент начала работы над научно-исследовательским проектом уже были сформированы умения выделять существенное, главное. В то же время 19 % отметили, что приобрели такие умения в ходе работы, а 6 % – что им еще необходимо учиться.

Относительно умения анализировать и сравнивать, студенческие ответы распределились довольно равномерно по факту наличия умения (47 %) и необходимости его приобретения (53 %). Это единственное умение, где отсутствует позиция «надо научиться».

Умение обобщать и делать выводы также выражено равномерно по двум показателям – 47 % отметили его наличие, 44 % – необходимость его приобретения. У 9 % опрошенных присутствует необходимость обучиться обобщению теоретических и эмпирических данных.

Также у 47 % опрошенных присутствует умение воображать, создавать, моделировать. Данное умение было сформировано в ходе работы у 34 %, о необходимости его приобретения заявили 19 % респондентов.

Наличие умения планировать и организовывать работу отметили 34 % студентов, 22 % приобрели его в ходе работы, а 44 % констатировали необходимость обучения в данном направлении. Подобный показатель может объясняться неготовностью студентов в полной мере брать на себя ответственность за организацию собственного труда. Проектная деятельность предполагает значительную самостоятельность на проектировочном этапе работы, отсутствие же подобного навыка приводит к определенным трудностям.

Умение формулировать научную гипотезу и цель работы отметили 40 % респондентов, оно было сформировано у 20 %, а на необходимость обучения указали 40 % студентов. Затруднения при формулировке научной гипотезы и определении цели эмпирического исследования могут быть связаны с отсутствием данных навыков, поскольку это первое большое эмпирическое исследование, которое проводят студенты за время обучения.

В то же время можно отметить определенный прогресс в приобретении умений и навыков научно-исследовательской работы, которую осуществляют студенты в рамках проектов, поскольку показатель «научился» варьирует от 20 до 50 процентов. Это служит хорошей основой для деятельности в рамках курсовой работы эмпирического характера, которую будут осуществлять студенты в следующем учебном семестре. Представляется весьма перспективным проследить, насколько легко студенты развивают умения и навыки, приобретенные в работе над проектом, осуществляя подготовку, написание и защиту курсовой работы.

Дальнейшее исследование предполагало определение характеристики каждого этапа исследования: студенты оценивали, какой этап работы был самым сложным, самым важным, самым интересным. Наиболее сложными студенты считают следующие этапы: обработка и интерпретация результатов (отметили 44 % испытуемых), проведение эмпирических исследований (38 %), обобщение и систематизация материала (31 %), выбор источников информации (31 %).

К наиболее важным этапам были отнесены следующие этапы: выбор темы проекта (указали 53 % опрошенных), формулировка гипотез и целей (47 %), выбор источников информации (41 %), обобщение и систематизация материала (47 %), защита проекта, выступление (47 %).

Среди самых интересных этапов были отмечены: поиск информации (47 %), проведение эмпирических исследований (38 %), оформление проекта (72 %), подготовка презентации (69 %).

Таким образом, все этапы проекта нашли оценку с точки зрения сложности, важности и значимости. Не были выделены легкие, незначимые, неинтересные этапы.

При работе над научно-исследовательским проектом часть студентов испытывали перегрузки и напряжение (отметили 11 %), тревожность (20 %), дефицит времени (24 %), сложности при интерпретации (3 %). В то же время респонденты ощутили радость творчества (19 %), а также интерес, связанный с открытием новых знаний (24 %).

В процессе подготовки и защиты научно-исследовательских проектов в рамках дисциплины «Психология труда» студенты приобрели возможность развить аналитическое мышление самостоятельно осуществить постановку задачи, подобрать адекватные методы для ее решения, оценить качество своей работы, развить навыки работы с научными текстами, реализовать стремление к самообразованию и лидерские качества, реализовать навыки работы в команде.

Проведенные нами исследования позволяют сделать вывод о возможности рассмотрения метода проектов как фактора повышения качества профессионального обучения студен-

тов-психологов. Студенты, вне зависимости от тематики проектов, получают компетенции, которым невозможно научить по инструкции в рамках традиционных форм обучения. Главным образом это навыки делегирования полномочий и совместной работы, навыки ведения переговоров и принятия решений. Все это способствует формированию своей будущей профессиональной карьеры, возможности адаптироваться к современным изменяющимся условиям рынка труда.

Библиографические ссылки

1. Менеджмент в организациях профессионального образования : учеб. пособие / коллектив авторов ; под ред. М. М. Бутаковой, В. И. Беляева. М. : КНОРУС, 2019. С. 38–46.
2. Зеер Э. Ф. Психология профессий. М. : Академ. проект, Фонд «Мир», 2006. 336 с.

© Полещук Ю. А., Т. Е. Черчес Т. Е., 2021

ПРОБЛЕМЫ ЛИЧНОСТНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

УДК 159.92

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПЕРИОД ЮНОСТИ И СРЕДНЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

И. Л. Кишея¹, А. В. Астрейко²

¹старший преподаватель, магистр психологических наук; ²студент,
Барановичский государственный университет,
г. Барановичи, Республика Беларусь

Статья посвящена изучению проблемы формирования этнической идентичности в условиях поликультурного мира. Обосновывается необходимость изучения этничности, связанная с выявлением особенностей этнической идентичности. Представлены результаты изучения особенностей проявления этнической идентичности в период юности и средней зрелости. Сопоставляется выраженность когнитивного и аффективного компонентов этнической идентичности, а также обций показатель идентичности.

Ключевые слова: идентичность, этническая идентичность, юношество, средняя зрелость, компоненты идентичности.

FEATURES OF THE MANIFESTATION OF ETHNIC IDENTITY IN THE PERIOD OF YOUTH AND MIDDLE ADULT

The article is devoted to the study of the problem of the formation of ethnic identity in a multicultural world. The necessity of studying ethnicity is substantiated, connected with the identification of the peculiarities of ethnic identity. The results of studying the characteristics of manifestation of ethnic identity in the period of adolescence and middle adulthood are presented. The severity of the cognitive and affective components of ethnic identity is compared, as well as the general indicator of identity.

Keywords: identity, ethnic identity, youth, middle adulthood, components of identity.

Сегодня происходит становление общего «взаимозависимого мира», в границах которого увеличиваются многообразные по своей природе и существу взаимоотношения между странами. Общество превращается в поликультурное, где каждое отдельно взятое этническое образование стремится сохранить присущую только ей самобытную культуру. Характер становления поликультурного общества детерминируют новые актуальные границы вопроса сбережения общенационального единства, как обязательного требования развития каждого гражданского общества и самореализации личности [3, с. 92–93]. В связи с чем, вопрос этнической идентификации в современном обществе приобретает особую остроту.

Этническую идентичность можно назвать «инструментом» или средством, с помощью которого человек, как часть этноса, определяет «свое» место в системе социокультурного пространства в целом, и выстраивает взаимодействие с другими этносами [6, с. 20]. В отношении понятия «этническая идентичность» ученые сходятся на определении ее, как составной части социальной идентичности, которая относится к осознанию принадлежности к определенной этнической общности. В ее структуре обычно выделяют два основных компо-

нента – когнитивный (знания, об особенностях собственной группы и осознание себя как ее члена) и аффективный (оценка качеств группы, отношение к членству в ней) [7].

Современная же концепция этничности обращает внимание на ее процессуальную природу, поскольку она формируется и существует в контексте социального опыта, с которым связаны люди [5, с. 239]. Этническая идентичность – это не только осознание, но и восприятие, понимание, оценивание, переживание своей принадлежности к этнической общности [4]. В связи с чем, не смотря на достаточное большое число исследований и публикаций посвященных проблематике этнической идентичности [2], можно констатировать, что современная психология продолжает испытывать необходимость изучения данного феномена.

Обозначенные выше аспекты актуализирует необходимость изучения этничности, связанные с выявлением особенностей этнической идентичности.

Важным моментом выступает изучение сформированности и особенностей проявления этнической идентичности у представителей современности. А это становится возможным посредством изучения актуальных проявлений когнитивного и аффективного компонентов этнической идентичности в разные возрастные периоды.

В связи с чем, приоритетной целью данного эмпирического изучения выступает выявление особенностей проявления этнической идентичности в период юности и средней взрослости.

Для достижения поставленной цели была использована методика Дж. Финни, которая измеряет выраженность этнической идентичности [1]. Исследование проходило на базе Барановичского государственного университета. Респондентами выступили 150 человек: 80 представителей юношеского возраста, и 70 представителей средней взрослости. Рассмотрим и проанализируем полученные результаты (результаты представлены в таблице).

**Особенности этнической идентичности в период юности и средней взрослости
(когнитивный, аффективный компонент, общий показатель)**

Когнитивный компонент		
	юношество	средняя взрослость
Высокий уровень	12,5 %	33,8 %
Средний уровень	76,25 %	55 %
Низкий уровень	10,25 %	10,2 %
Аффективный компонент		
	юношество	средняя взрослость
Высокий уровень	25 %	33,4 %
Средний уровень	62,5 %	64,6 %
Низкий уровень	12,5 %	у 2 %
Общий показатель выраженности этнической идентичности		
	юношество	средняя взрослость
Высокий уровень	26,25 %	36 %
Средний уровень	60 %	53,2 %
Низкий уровень	13,75	10,8

В целом можно констатировать, что как в период юности, так и период средней взрослости, имеет место быть сформированная, адекватная этническая идентичность. Можно предположить, что полученные результаты связаны с тем, что большинство представителей средней взрослости хорошо осознают свое этническое происхождение, часто задумываются о том, как этническая принадлежность влияет на их жизнь, чувствуют сильную связь со своим этносом, стараются узнать о своей этнической группе больше, чувствуют большую эмоциональную сопричастность со своим этносом. Для представителей юношеского возраста характерно «правильное» понимание, что значит для них этническая принадлежность, наблюдается интерес к социальным группам, в которых включены представители их этнической группы, а также определенное желание расширять запас знаний о этносе и быть эмоционально причастным к нему. Также выявленные особенности могут быть связанные с тем,

что представители средней взрослости четко чувствуют свою связь со своей этнической группой, гордятся ей, и выражают мнение о том, что этнокультурное воспитание молодежи поможет обществу выйти из социального кризиса.

Таким образом, в рамках теоретического анализа очерчены основные актуальные моменты, связанные с необходимостью изучения этнической идентичности в современном мире. В рамках проведенного эмпирического исследования выявлены особенности проявления этнической идентичности в период юности и средней взрослости, которые зафиксированы в среднем (с тенденцией к высокому) уровне выраженности когнитивного и аффективного компонентов этнической идентичности, а также общего показателя идентичности. В целом следует отметить, что проблема исследования этнической идентичности требует дальнейшего, углубленного изучения, а так же увеличения выборки.

Библиографические ссылки

1. Дмитриева Н. В. Диагностика идентичности. Новокузнецк : КузГПА, 2012. 134 с.
2. Дробижева Л. М. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра. М. : Рос. полит. энцикл., 2013. 485 с.
3. Кишея И. Л. Динамический аспект категориального контента представлений о патриотизме у учащейся молодежи // Науч. тр. Республ. ин-та высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки : сб. науч. ст. В 2 ч. / М. И. Демчук (гл. ред) и др. Минск : РИВШ, 2016. Ч. 2. С. 92–100.
4. Ковалева Н. И. Этническая идентичность как проблема социализации детей-мигрантов в образовательной среде // Молодой ученый. 2016. № 9. С.1027–1029. URL: <https://moluch.ru/archive/113/29080/> (дата обращения: 25.03.2021).
5. Мартынова Е. П. Этническая идентичность у обских угров: этнокультурные ценности и прагматизм // Этнокультурная идентичность: феноменология и вариативность в контекстах истории XIX–XXI веков : материалы XIX Междунар. Санкт-Петербур. этнографических чтений. СПб. : Российский этнографический музей, 2020. С. 239–242.
6. Меренков А. В., Скрыбина К. Ю., Антонова Н. Л. Этническая идентичность: представления жителей крупного города о русском этносе // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2020. Т. 4, № 1. С. 20–23.
7. Стефаненко Т. Г. Этническая психология и общество. М. : Старый Сад, 1997. 104 с.

© Кишея И. Л., Астрейко А. В., 2021

УДК 159.923.2

ЛИЧНОСТЬ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ: УСЛОВИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Е. И. Кулько

*старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин,
Белорусская государственная сельскохозяйственная академия,
г. Горки, Республика Беларусь
E-mail: Kulko1612@yandex.ru*

Охарактеризованы особенности функционирования личности в системе новых социальных отношений. Проанализированы проблемы, с которыми сталкивается человек при построении новой эффективной поведенческой стратегии в информационном обществе.

Ключевые слова: информационная культура, поведенческая стратегия, информационное общество, система социальных отношений, социальная адаптация.

PERSONALITI IN THE INFORMATION SOCIETY: CONDITIONS FOR EFFECTIVE INTEGRATION

The article describes the features of the functioning of the individual in the system of new social relations. The problems that a person faces when building a new effective behavioral strategy in the information society are analyzed.

Keywords: information culture, behavioral strategy, information society, system of social relations, social adaptation.

Изменения, происходящие в обществе усложняют нормальное функционирование личности в системе социальных отношений. Прежние нормы, ценности, правила были сформированы с целью их функционирования в достаточно стабильной и прогнозируемой социальной среде. На сегодняшний день подобные проявления становятся неприемлемыми в силу своей низкой эффективности, в результате чего у индивидов возникает потребность в анализе существующих схем поведения, их преобразовании и формировании успешных стратегий социального поведения в современном, постоянно изменяющемся, мире.

Ситуация усложняется многочисленными факторами, которые сопряжены с качественными изменениями, происходящими не только в обществе, но и в мировоззрении, убеждениях личности. Объемы информации, обрушивающиеся сегодня на человека независимо от его пожеланий, заставляют индивида проявлять качества, которые прежде были востребованы в меньшей степени либо не были востребованы вовсе. Появление этих качеств становится необходимым для повышения собственной социальной защищенности путем формирования адекватных моделей поведения [1, с. 3].

Выработка тактик поведения и последующая их реализация в новых и изменяющихся условиях предполагает предварительную верификацию и анализ индивидом поступающей извне информации с целью последующего ее преобразования в знаниевые формы, которые в дальнейшем используются в качестве основы для принятия решений, моделирования и реализации алгоритмов поведения. Поскольку информация, отмеченная выше, является весьма разнородной, целесообразно определить факторы, которые являются необходимыми и имеют первостепенное значение при формировании индивидом личной поведенческой стратегии. Таким образом, можно подвергнуть получаемую информацию ранжированию по степени влияния на следующие приоритетные позиции:

- самоопределение и социальная идентификация индивида;
- социальная адаптация и самореализация;
- компетентность и компетенция;
- мотивация.

В результате анализа данных позиций индивид формирует собственные мировоззренческие убеждения и предпосылки уникальной стратегии поведения. Однако это лишь первые шаги, определяющие общую направленность выработки поведенческих стратегий. Далее индивид осуществляет тематический анализ информации и преобразовывает ее в знание, которое непосредственно включается в построение стратегий поведения и последующую их реализацию. Однако существование разнообразных знаниевых форм предполагает различную степень их влияния при выработке и осуществлении стратегий. Вследствие этого явное знание, неявное, формальное, функциональное используются индивидом смешанно и неравномерно. Тем не менее, подобное их использование способствует принятию значимых для личности решений и, как следствие, формированию эффективной, по ее мнению, поведенческой стратегии.

Осуществление жизнедеятельности, построение поведенческих стратегий в определенной социокультурной среде в значительной мере реализуются посредством усвоения и успешного применения индивидом широкого спектра разнообразной информации. Но поток информации сегодня чрезмерно велик, и это затрудняет качественную ориентацию в нем значительной части населения, вследствие чего множество людей обнаруживает собственное неумение справляться с большими информационными [3, с. 25]. В основе этой неспособности лежит низкая информационная культура отдельного человека и, как следствие, отсутствие способностей и мотивации к адекватному, качественному формированию собственного круга информационных потребностей. Кроме того, низкая информационная культура затрудняет формирование грамотных информационных запросов для их (потребностей) удовлетворения с целью использования информации для последующего построения поведенческих схем.

Современные реалии предъявляют строгие требования к информационной культуре личности. Важно отметить, что при определении содержания понятия «информационная культура» не стоит ограничиваться стереотипным восприятием данного феномена как навыка работы с информационными компьютерными технологиями (ИКТ), так как такая характеристика, как компьютерная грамотность, не исчерпывает его полностью. Информационная культура личности представляет собой целостную систему взаимопроникающих качеств личности, которые способствуют ее эффективной интеграции и функционированию в информационном обществе. И сегодня для успешного функционирования в системе социальных отношений, построения эффективных поведенческих стратегий индивиду необходимо обладать определенным базовым уровнем инфокультуры. Следует отметить, что наиболее существенными инфосоциальными качествами личности, составляющими ее информационную культуру, являются следующие: самоощущение в формирующемся информационном обществе; информационное ориентирование, в частности, на рынке труда; информационная компетентность в профессии; информационная стрессоустойчивость; поведенческие установки, роли в связи с характером использования информационных технологий; активность применения ИКТ и работе, учебе, быту; инфокоммуникабельность (соотношение традиционных и инновационных способов, видов коммуникаций); самооценка уровня компьютерной грамотности; структура информационных потребностей информационная избирательность (критичность) [3, с. 6].

Тем не менее, хотя обладание вышеперечисленными качествами и является значимым и определяющим результатом функционирования личности в социуме, на сегодняшний день наблюдается отсутствие мотивации к формированию информационной культуры у консервативно настроенной части населения. При этом необходимо отметить, что внешнее содействие в повышении уровня информационной культуры со стороны государства, работо-

дателя и т. п. является ситуативным и «симптоматическим». Ее качественное изменение с переходом на более высокий уровень есть результат активной позиции самого индивида.

Если же рассматривать информационную культуру как культуру потребления информации, то необходимо помнить, что информация остро необходима индивиду при любых видах деятельности, человек испытывает в ней потребность. Информация выступает основанием, на котором осуществляется целеполагание, выбор альтернатив, позволяющих адаптировать деятельность к требованиям объективных условий [2, с. 94]. Поэтому низкая инфокультура ведет не столько к отказу от получения информации, сколько к некорректной, неэффективной ее обработке, а в отдельных случаях даже к формированию и использованию инфологем, замещающих базовые факты вымышленными артефактами (ложными предположениями, аккуратно вписывающимися и картину мира субъекта, сконструированными с целью преднамеренного введения в заблуждение окружающих либо от недостаточного знания базового факта). Другими словами, неумение удовлетворить собственные информационные потребности порождает массивы ложной информации со всеми вытекающими отсюда трудностями по ее верификации для последующего использования при построении стратегий поведения. При этом любая качественная и высокоэффективная работа с информацией предполагает самостоятельность мышления, которое является едва ли не сущностным основанием по отношению к адаптационным способностям индивида.

Итак, при попытке построения новой эффективной поведенческой стратегии в информационном обществе человек сталкивается с целым рядом трудностей. Это обусловлено чередой фактов, среди которых обнаруживается низкий уровень информационной культуры и, как следствие, несамостоятельность мышления и низкие адаптационные способности. Следовательно, построение успешных стратегий поведения неизбежно базируется на необходимости выработки самостоятельного мышления и повышения уровня информационной культуры личности. Низкая социальная активность индивида, в свою очередь, ведет к низкому уровню информационной культуры, что является одной из причин невысокой эффективности ряда поведенческих стратегий.

Библиографические ссылки

1. Коган В. З., Уханов В. А. Человек: информация, потребность, деятельность. Новосиб. электротехн. ин-т связи им. Н. Д. Псурцева. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1991. 191 с.
2. Сафиуллина З. А. Информация: ценность и оценка : науч.-практ. пособие. М. : Либерия-Бибинформ, 2006. 224 с.
3. Тычкова Т. В. Информационная культура как условие социализации личности в современном российском обществе [Российская академия предпринимательства] : автореф. дис. ... канд. соц. наук. Краснодар, 2009. 23 с.

© Кулько Е. И., 2021

УДК 159.922

СОЦИАЛЬНЫЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ СТУДЕНТОВ УЧРЕЖДЕНИЯ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ю. Г. Суровцева¹, Н. В. Лукьянченко²

¹аспирант, ²доцент,
Сибирский государственный университет науки и технологий
имени академика М. Ф. Решетнева,
г. Красноярск, Российская Федерация

Обосновывается необходимость исследования социальных идентификаций современного человека, методически построенных на его собственном идентификационном самоопределении. Приводятся данные такого исследования, проведённого со студентами колледжа. Описываются выявленные в исследовании феномены, характеризующие сложную картину выбора и характеристики студентами ингрупп (Мы) и аутгрупп (Они).

Ключевые слова: идентификация, студенты, ингруппы, аутгруппы.

SOCIAL IDENTIFICATIONS OF STUDENTS OF SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION INSTITUTIONS

The article substantiates the need to study social identifications of a modern person, methodically built on his own identification self-determination. Provides data from such a study conducted with college students. The phenomena identified in the study are described that characterize a complex picture of the choice and characteristics of in-groups (We) and out-groups (They) by students.

Keywords: identification, students, ingroup, outgroup.

Авторы выражают благодарность Павлу Владимировичу Клачкову, директору Красноярского филиала федерального государственного образовательного бюджетного учреждения высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» за предоставление безупречных организационных условий для проведения исследования.

В современном мире, ведущими характеристиками которого, по определению М. С. Гусельцевой являются «... транзитивность, транспарентность, гетерогенность и гетерохронность, подвижность и проницаемость границ, противоречия глобализации» [1], проблемы взаимодействия личности и общества во многом определяются тем, как выстраиваются социальные идентификации человека. Самоопределение человека в его идентификациях – пусть построения личностно-социальной идентичности [2], а динамический их баланс характеризует состояние общества. Неслучайно столь активно обсуждаются вопросы формирования идентичности молодого поколения.

В исследованиях, посвящённых проблемам идентичности, как справедливо указывает А. А. Ильин, смешиваются понятия идентификации и идентичности, и сложные идентификационные процессы зачастую сводятся к локальным идентификациям [2]. Определённую тенденциозность в понимание идентификационных процессов привнесла теория социальной категоризации, в которой «свой–чужой» рассматривается как основная детерминанта отношений человека с миром [5; 6]. Можно говорить о том, что назрела необходимость исследова-

ния идентификаций личности, исходящих из видения самого человека, а не внешне заданных определителей идентичности [3].

С этой целью мы разработали анкету с вопросами о субъективно воспринимаемых ин-группах: какие Мы есть у человека в когнитивном (мы думаем), аффективном (мы чувствуем) и конативном (мы делаем) аспектах и какие качества эти Мы характеризуют. Аналогичным образом выстраивались вопросы о субъективно воспринимаемых аутгруппах: какие Они существуют для человека в когнитивном (они думают), аффективном (они чувствуют) и конативном (они делают) аспектах и какие качества эти Они характеризуют.

Пилотажное исследование, проведённое на разновозрастной выборке, выявило интересные феномены: идентификации в разных аспектах социальных диспозиций (аффективный, когнитивный и конативный) имеют разную степень широты: от диады до широко обобщённых; у большинства респондентов идентификации в разных компонентах диспозиций разные; с изменением идентификации меняются и приписываемые им характеристики [4].

В данной статье приводятся результаты исследования на моновыборке. Респонденты – учащиеся первого курса Красноярского финансового колледжа возрасте 19–20 лет (N = 54). Особенностью выборки является то, что она преимущественно женская (только пятеро респондентов мужского пола), но это репрезентативно составу учащихся учреждения.

В табл. 1 отражены данные по идентификационным ин-группа в когнитивном, аффективном и конативном аспектах.

Таблица 1

Процентное соотношение идентификационных ин-групп разного типа в когнитивном аспекте

Мы думаем			
Типы групп	микрогруппа	средняя	большая
Доля, %	43	45	12
Группы	Семья, Я и родители, только Я, Я и романтический партнёр, Я и сиблинг, Я и друг/ подруга, Я и тот, с кем комфортно во всех пониманиях	Друзья/ подруги, одноклассники, коллеги, группа/ команда, родные, знакомые, студент	Преподаватели, все/ люди, молодое поколение, славяне/ русские, студенты, социологи философы

Таблица 2

Процентное соотношение идентификационных ин-групп разного типа в аффективном аспекте

Мы чувствуем			
Типы групп	микрогруппа	средняя	большая
Доля, %	43	40	17
Группы	Семья, только Я, родители, Я и романтический партнёр, Я и сиблинг, Я и друг/ подруга, Я и тот, с кем комфортно во всех пониманиях	Друзья, родные одноклассники, коллеги, знакомые, команда	Люди/ народ/ общество, женщины/ девушки, круг людей, которых что-то объединяет, ученые, студенты, молодёжь, славяне/ русские живые организмы

Таблица 3

Процентное соотношение идентификационных ин-групп разного типа в конативном аспекте

Мы делаем			
Типы групп	микрогруппа	средняя	большая
Доля, %	40,4	50,3	9,3
Группы	Семья, родители, Я и сиблинг, Я и друг/ подруга, Я и романтический партнёр, Я и супруг	Друзья, компания, одноклассники, коллеги, знакомые, близкие, партнёры	Общество, студенты, славяне/ русские, окружающие, правительство

Как видим, большую часть групп, с которыми респонденты идентифицируют своё Мы, составляют микрогруппы (диады, триады, по большей части семейные, дружеские и романтические) и средние группы (родственные, дружеские, учебные) приблизительно в равном соотношении. Большие группы составляют сравнительно небольшую часть в общем числе групп идентификации (их определителями являются возрастной, этнический признак, род занятий, либо они носят предельно широкий характер: общество, люди в целом, либо даже живые организмы).

В табл. 4 отражены данные респондентами идентификационным группам характеристики.

Таблица 4

Характеристики идентификационных ингрупп

Когнитивный аспект идентификации (мы думаем)	
МГ	Любовь, доброта, внимательность, взаимопонимание, поддержка, верность, отзывчивость, ответственность, единство целей, добропорядочность, опыт, ум, взаимопомощь, страх, добрый взгляд в будущее, милые, защита единомыслие, доверие
СГ	Верность, упорство, доброта, теплые, домашние, любящие,, сплоченность, хорошие, доброжелательность, заботливые, веселые, сосредоточенные, уверенность, взаимопомощь, равнодушие, схожесть, взаимопонимание, вежливость, опрятные, справедливые, сплоченность, общая смекалка, знающие, умные, сотрудничество
БГ	Дисциплинированность, ответственность самоуверенность, доброта, честность, думаем о будущем страны, уважение, ответственность, компетентность
Аффективный аспект идентификации (мы чувствуем)	
МГ	Верность, ответственность, целеустремленность, обман, поддержка, взаимопонимание, теплота семейного очага, понимание, важный для меня, прямолинейность, чувствительность, тоскливость, лучшие, рассудительность, забавность, работоспособность, открытость, душевность, любовь, опыт, дружелюбие, внимательность, сопереживание, уверенные, поддержка, любовь, надежность навыки, забота, забота, уважение.
СГ	Честность, взаимопомощь, чувственность, привязанность, близкие, жизнерадостность, сила, веселье, поддержка, любовь, искренность, грусть, обида, доброта, любимые, ум, ответственность, открытость, энергичность, опора, независимость, слушающие, открытость, красота, сотрудничество, чуткость, интересы, взаимопонимание
БГ	Уважительность, искренность, одиночество, сопереживание, сила, потребность во внимании, порядочность, верность, беззащитность будущее, сила, усталость, сочувствие, проблемность, слабость, ответственность, доброта, честность, любовь
Конативный аспект идентификации (мы делаем)	
МГ	Поддержка, сострадание, дружелюбие, сплоченность, взаимопонимание, дружба, веселье, устойчивость, взаимопонимание, доброта, любезность, упорство, системность, уверенность, непоседы, доверие, верность, взаимовыручка, уважение, внимательность, ответственность, любовь, забота, поддержка, смелость
СГ	Любовь, верность, дружелюбные, доброта, веселье, сплоченность, отзывчивость, понимание, поддержка, интересность, жизнерадостность, уважение, настойчивость, наитие, открытость, целенаправленность, взаимопомощь, организованность, оптимизм, самоотдача, общительность, коллективизм, доброжелательность, определенность, лёгкость, уверенность, ответственность, толерантность, внимательность, любовь, уверенность, честность, стремление, счастливые, доверие, удовольствие
БГ	Готовность работать, взаимопонимание, доброта, сила, сплоченность, ответственность перед поставленной целью, правильный подход к проблеме, целеустремленность, доброта, честность, поддержка

В табл. 5, 6, 7 представлены данные по идентификационным аутгруппам.

Таблица 5

Процентное соотношение идентификационных аутгрупп разного типа в когнитивном аспекте

Типы групп	Они думают		
	микрогруппа	средняя	большая
Доля, %	12	36	52
Группы	Семья, родители, соперники в споре, кто-то неподалеку	Друзья/ подруги, родственники, одноклассники, коллеги, компания, соседи	Преподаватели, люди, окружающие, посторонние, прохожие читатели, люди из телекоммуникации

Таблица 6

Процентное соотношение идентификационных аутгрупп разного типа в аффективном аспекте

Они чувствуют			
Типы групп	микрогруппа	средняя	большая
Доля, %	26	30	44
Группы	Семья, родители, друг, сиблинги, животные	Друзья, Родственники, одногруппники, коллеги, соседи	Преподаватели, люди/ общество, студенты, знакомые, незнакомые, прохожие, окружающие люди, люди из других городов, дети, социально неблагополучные, враги, чужие, животные

Таблица 7

Процентное соотношение идентификационных аутгрупп разного типа в аффективном аспекте

Они делают			
Типы групп	микрогруппа	средняя	большая
Доля, %	19	26	55
Группы	Семья, родители, брат, подруга	Друзья, коллеги, одногруппники, родные, соседи	Преподаватели, политики, власть, люди, знакомые, прохожие, рабочие, чужие

В перечне определённых респондентами аутгрупп (Они) половину составляют большие группы. Значительно меньше (около трети) – средние группы, и меньше всего микрогрупп.

В табл. 8 отражены данные респондентами аутгруппам характеристики.

Таблица 8

Характеристики идентификационных аутгрупп

	Когнитивный аспект идентификации (они думают)
МГ	ответственные, близкие, верные, любящие
СГ	умные, верные, открытые, красивые, работоспособные, любящие, понимающие, интересные объективные, уверенные в себе, смелые, добрые, работоспособные, трудолюбивые, пунктуальные, поддерживающие, дружелюбные, добрые, сплоченные
БГ	угрюмость, собранность, думают, что все легко дается, ответственность, не всегда готовые прийти на помощь, увлеченность, заботливость, осуждающие, любопытные, странность, безразличие, равнодушные, честные, вежливые, заботливые, организованные целенаправленные, знающие, злобные, хорошие, умные, черствые, неосведомленные, ненавидящие многое, возможно сплоченные/ дружные, не понимают, безразличные
	Аффективный аспект идентификации (они чувствуют)
МГ	доброта, любовь, верность, понимание, забота, гордость, беспокойность, искренность, тревожность
СГ	поддерживающие ответственные, умные, сопереживают, заботливые, уважаемые, хорошие, интересные, обиженные, одерживают победу, общие взгляды на жизнь, жизнерадостность, всегда приходят, чтобы поддержать рассеянные, ответственные, контактные
БГ	Безразличие, вежливость, терпеливость, подозрительность, порядочность, ответственность, опрятность, чувствительность, импульсивность, эмоциональность, близкая энергетическая предрасположенность к окружающему миру, невинность, беспомощность, дружелюбие, толерантность, общий интерес, беспомощность, безнадежность, сложность жизни, злые, успешность, прогресс, нововведения, чувствуют, когда у нас что-то болит, живые
	Конативный аспект идентификации (они делают)
МГ	поддержка, теплые, милые, доброта
СГ	поддержка, активность, веселье, делают жизнь более яркой, ум, упорство, ответственность, взаимопомощь, жесткость, работоспособность, доброта, увлеченность, целеустремленность
БГ	поддержка, теплые, милый, доброта, помощь, доброта, поддержка, активность, веселье, делают жизнь более яркой, ум, упорство, ответственность, взаимопомощь, жесткость, работоспособность, увлеченность, целеустремленность, управление, контроль, заинтересованность, дают знания, уверенность, общие цели, уважение трудолюбивые, усталость, трудолюбие, интересность, стремление к лучшему, интеллигентность, справедливые, радостные, злые, хорошие

Если обобщить выше приведённые данные, то можно выделить следующее.

Определяя как ин группы (Кто Мы), так и аугруппы (Кто Они), респонденты перечисляют группы разного размера, что подтверждает результаты пилотажного исследования. В перечислении ин групп большую часть составляют микро- и средние группы, только малую часть большие. В перечислении аугрупп самая большая представленность у больших групп, минимальная – у микрогрупп. Одни и те же группы могут быть для респондентов одновременно и ин группой, и аугруппой. В качествах, приписываемых идентификационным группам, большую часть составляют характеристики отношений, в меньшей степени представлены эмоциональные и инструментальные характеристики. Один из самых интересных феноменов – то, что аугруппам приписываются не только и не столько обесценивающие их, но и в не меньшей степени – положительные качества. Эти характеристики свидетельствуют о том, что группы, которые респонденты квалифицируют как Они, воспринимаются не только в противостоянии, но и как своего рода «зеркало», поддерживающие иные или даже образец, к которому можно/ нужно стремиться.

Библиографические ссылки

1. Гусельцева М. С. Идентичность в транзитивном обществе: трансформация ценностей [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 54. С. 5. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.03.2021).
2. Ильин В. А. «Казус реципрокности» и другие «неудобства с идентичностью» // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12, № 1. С. 222–235. Doi: 10.17759/sps.2021120114.
3. Лукьянченко Н. В. Социально-психологические аспекты исследования идентичности // Психология в системе социально-производственных отношений : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (20 апреля 2018 г., Красноярск) / СибГУ им. М. Ф. Решетнева. Красноярск, 2018. С. 34–38.
4. Лукьянченко Н. В., Суровцева Ю. Г. Идентификационный аспект социальных диспозиций личности // Психология в системе социально-производственных отношений : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (20 апреля 2019 г., Красноярск) / СибГУ им. М. Ф. Решетнева. Красноярск, 2019. С. 14–17.
5. Tajfel H. Social identity and intergroup relations. Cambridge : Cambridge University Press, 1982. 546 p.
6. Turner J. Social Categorization and the Self-concept: A social cognitive theory of group behavior // Advances in group processes. London, 1985. Vol. 2. P. 77–121.

© Суровцева Ю. Г., Лукьянченко Н. В., 2021

УДК 159.9

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ: ТОП-10 КАЧЕСТВ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В СОЦИАЛЬНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ*

О. И. Титова¹, Ю. В. Головкова²

¹доцент, Сибирский юридический институт МВД России,
Красноярский государственный педагогический университет
имени В. П. Астафьева,
г. Красноярск, Российская Федерация

²магистрант, Красноярский государственный педагогический
университет имени В. П. Астафьева,
г. Красноярск, Российская Федерация
E-mail: 944058@mail.ru

Выявлено, что гендерная принадлежность субъекта взаимодействия влияет на эмоциональную окраску взаимоотношений с ним. Гендерные стереотипы про мужчин и женщин во взаимодействии характеризуются разными наборами личностных черт. Положительных качеств в оценках взаимодействия с мужчинами больше, чем в оценках взаимодействия респондентов с женщинами. С ростом маскулинности и фемининности респондентов наблюдаются изменения в их гендерных стереотипах о взаимодействии, имеющие разнонаправленный характер.

Ключевые слова: гендер, гендерные стереотипы, социальное взаимодействие, социальная идентичность, межгрупповое взаимодействие, маскулинность, фемининность.

GENDER STEREOTYPES: TOP-10 QUALITIES OF MEN AND WOMEN IN SOCIAL INTERACTION

It is shown that the gender of the subject of interaction influences the emotional coloring of the relationship with him. Gender stereotypes about men and women in interaction are characterized by different sets of personality traits. There are more positive qualities in the assessments of interaction with men than in the assessments of the respondents' interaction with women. With the growth of masculinity and femininity of the respondents, there are changes in their gender stereotypes about interaction, which have a multidirectional nature.

Keywords: gender, gender stereotypes, social interaction, social identity, intergroup interaction, masculinity, femininity.

Мы живем в XXI веке – это время реализации потенциала, новых возможностей и технологий, прогрессирующего сознания и неограниченного выбора. Но несмотря на внешний прогресс, в сознании людей по-прежнему существует множество «стереотипов», слагающихся не один десяток лет. Особенно стоит выделить гендерные стереотипы, являющиеся разнообразностью социальных стереотипов, складывающихся в процессе общественной коммуникации и передающиеся индивидом в процессе социализации. Они также играют важную роль в поддержании гендерной стратификации как вертикальной (мужчина «выше» на социальной лестнице, женщина – «ниже»), а не как горизонтальной (на основе гендерного равенства) [1].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00757.

Гендерные стереотипы – это сложившиеся устойчивые и распространенные представления, касающиеся особенностей поведения, внешности, самопредставления и стремлений в зависимости от пола. Стереотипы связаны с поддержанием функционирования гендерных ролей, будучи порожденными их особенностями, но и влияющими на их воспроизведение у последующих поколений [5].

В сфере социально-производственных отношений гендерные стереотипы дают о себе знать при проведении экспертного оценивания в рамках оценки персонала организации, они отражаются в представлениях работников по поводу личностных качеств коллег мужского и женского пола, особенно работающих в других подразделениях, задают определенный перечень ожиданий в отношении деловых и личностных качеств работников – мужчин и женщин, обуславливая характер межгруппового взаимодействия в организации в целом и внутригрупповых отношений в рабочих коллективах, проектных командах.

Целью данного этапа эмпирического исследования являлось проведение сравнительного анализа характеристик социального взаимодействия с мужчинами и женщинами. В основу положена гипотеза о том, что выраженность и амбивалентность гендерных стереотипов варьируется в зависимости от уровня маскулинности и фемининности респондентов.

Для изучения гендерных стереотипов была применена методика, в основе которой лежит принцип оценки социальных стереотипов на основе семантического дифференциала, предложенный в работах Д. Пибоди и его коллег [4], реализованный Г. У. Кцоевой (Солдатовой) в изучении этнических стереотипов [2], нами ранее – в изучении гендерных стереотипов в отношениях конкуренции и партнерства [6]. Метод заключается в том, что одно и то же поведение человека может интерпретироваться, восприниматься как проявление положительного, так и отрицательного качества личности при наличии у респондента сформированного стереотипа относительно той или иной социальной группы.

Коэффициент амбивалентности показывает, насколько контрастны, противоречивы оценки взаимодействия с мужчинами и женщинами. Высокие коэффициенты амбивалентности (высокая неопределенность) возможны в случае низкой поляризации оценок противоположных качеств каждой пары, когда не выявляется четкое предпочтение позитивного или негативного полюса оценки. Низкий коэффициент амбивалентности (высокая определенность стереотипа), наоборот, соответствует несомненной поляризации качеств [3]. Коэффициент выраженности – показатель, отражающий силу стереотипного эффекта и его позитивную или негативную направленность в восприятии участников взаимодействия, относящихся к разным гендерным группам.

Анализировалось 15 пар качеств, одно из которых выражает позитивное отношение к объекту оценки, а другое – негативное отношение к объекту оценки, далее в таблице они отмечены соответствующими знаками: «+» и «-» (см. табл.1). Выраженность каждого качества оценивалась по 4-балльной шкале: 0 – качество отсутствует; 1 – качество выражено слабо; 2 – качество выражено средне; 3 – качество выражено в полной мере. Полученные оценки подвергались математической обработке для определения коэффициентов амбивалентности и выраженности. Математико-статистическая обработка данных проводилась с применением t-критерия Стьюдента для парных выборок. При проведении статистического анализа использовалась программа MS Excel.

В исследовании приняли участие 70 человек (57,2 % женщин и 42,8 % мужчин), в возрасте от 21 до 70 лет, из них более половины в возрасте от 21 до 30 лет (52,8 %). Сферы деятельности были разные, но в выборке преобладали респонденты, чья работа связана с людьми – 55,7 %.

На основе ранжирования среднегрупповых баллов по каждому качеству были составлены психологические портреты мужчин и женщин как участников социального взаимодействия. Далее представим те качества, которые оказались наиболее выраженными и вошли в десятку лидеров и качества, оказавшиеся в конце рейтинга, оцененные респондентами как мало свойственные мужчинам и женщинам в социальном взаимодействии (см. табл. 1).

Так, респонденты считают, что мужчинам в социальном взаимодействии свойственны такие качества как склонность к риску, стремление к доминированию, упрямство, кроме того, он обладает чувством собственного достоинства и прямолинеен. В то время как женщины во взаимодействии хитры, постоянно сравнивают себя с другими, гибкие и могут приспособиться к любой ситуации. Анализ данных показал, что мужчины и женщины во взаимодействии характеризуются разными личностными чертами: в десятке лидеров рейтинга качеств не выявлено общих черт, которые указывали бы на сходство их поведения в социальном взаимодействии.

Таблица 1

Оценки личностных качеств, проявляемых в отношениях мужчин и женщин

Ранг	Оценка личностных качеств мужчин	Средний балл	Разница рангов	Оценка личностных качеств женщин	Средний балл
1	Склонность к риску (+)	2,64	29*	Хитрость (-)	2,51
2	Стремление к доминированию (+)	2,57	21*	Сравнивает себя с другими (+)	2,47
3	Упрямство (-)	2,45	8	Умеет приспосабливаться (-)	2,4
4	Обладает чувством собственного достоинства (+)	2,44	4	Гибкий (+)	2,4
5	Прямолинейность (+)	2,4	24*	Энергичность (+)	2,38
6	Смелость (+)	2,38	16	Находчивость (+)	2,35
7	Настойчивость (+)	2,38	7	Лезет в чужие дела (-)	2,35
8	Стремление все «подмять под себя» (-)	2,31	13	Обладает чувством собственного достоинства (+)	2,35
9	Грубость (-)	2,2	19	Завистливость (-)	2,34
10	Энергичность (+)	2,2	5	Интересуется другими (+)	2,3
...	
26	Сравнивает себя с другими (+)	1,71	24*	Безрассудство (-)	1,88
27	Завистливость (-)	1,68	18	Пунктуальность (+)	1,84
28	Гибкий (+)	1,64	24*	Грубость (-)	1,74
29	Лезет в чужие дела (-)	1,61	22*	Прямолинейность (+)	1,71
30	Услужливый (-)	1,6	6	Склонность к риску (+)	1,5

Примечание. * – качества, по которым мужчины и женщины оцениваются наиболее контрастно (разница по рейтингу выраженности).

Что касается характеристики качества (положительное или отрицательное) исходя из таблицы видно, что во взаимодействии с мужчинами чаще всего встречаются качества с положительной окраской. Взаимодействие с женщинами несколько чаще, чем взаимодействие с мужчинами характеризуется через призму негативно окрашенных качеств.

В примерно одинаковой степени для мужчин и женщин свойственна готовность помочь, далее идут: инициативность, ведет себя как «выскочка», непоседливость, педантичность, обладает чувством собственного достоинства.

Наиболее высокая разница в проявляемых мужчинами и женщинами качеств (т. е. у представителей одной гендерной группы данные качества находятся среди лидеров по выраженности, в то время как у второй – в конце рейтинга) наблюдается по прямолинейности, хитрости, склонности сравнивать себя с другими, гибкости и склонности к риску. Обратим внимание на наиболее контрастные характеристики в восприятии мужчин и женщин как субъектов социального взаимодействия:

- мужчин как партнеров во взаимодействии воспринимают склонными к риску, стремящимися к доминированию, прямолинейными, смелыми и грубыми;
- женщин как партнеров во взаимодействии воспринимают хитрыми, сравнивающими себя с другими, умеющими приспособляться, гибкими, лезущими в чужие дела, завистливыми.

Для проверки гипотезы о взаимосвязи степени сформированности стереотипов и их эмоциональной окраски (положительная или отрицательная) с уровнем маскулинности и фемининности респондентов проведен корреляционный анализ (см. данные в табл. 2).

Таблица 2

Взаимосвязь между коэффициентами амбивалентности, выраженности гендерных стереотипов и маскулинностью, фемининностью респондентов

	Коэффициент амбивалентности (мужчины)	Коэффициент амбивалентности (женщины)	Коэффициент выраженности (мужчины)	Коэффициент выраженности (женщины)
Фемининность	0,02	0,15	-0,09	0,006
Маскулинность	-0,18	-0,24*	0,4*	-0,21

По результатам корреляционного анализа выявлено, что с ростом маскулинности респондента усиливается сформированность у него стереотипов в отношении мужчин ($r = 0,4$), если его стереотипы имеют положительную смысловую окраску, то есть мужчина воспринимается во взаимодействии как обладатель преимущественно положительных черт. Если же мужчина во взаимодействии воспринимается более через призму отрицательных качеств, то с ростом маскулинности респондента снижается стереотипный эффект и мера негативизма в оценках тоже снижается, то есть мужчина воспринимается более положительно.

В отношении восприятия женщин как субъектов социального взаимодействия также наблюдается связь с ростом маскулинности респондента, но она менее выраженная и обратная по своей сути. С ростом маскулинности уменьшается амбивалентность, то есть противоречивость в оценке женщин во взаимодействии – она становятся более конкретными – или положительно, или отрицательно окрашенными. Также с ростом маскулинности респондента снижается выраженность стереотипного эффекта, если его стереотип женщины во взаимодействии положительно окрашенный, и увеличивается выраженность стереотипного эффекта, если стереотип отрицательно окрашенный.

Отметим, что во взаимодействии с мужчинами несколько чаще встречаются качества с положительной оценкой по сравнению с оценками взаимодействия с женщинами (среднегрупповые оценки 32,34 и 32,01 соответственно). Это же подтверждается и в отношении отрицательных качеств – их меньше отмечают при оценивании взаимодействия с мужчинами (мужчины – 29,1 балла, женщины – 32,01 балла).

Таблица 3

Взаимосвязь маскулинности и фемининности и показателей суммарных значений положительных и отрицательных характеристик в оценке мужчин и женщин

	Маскулинность	Фемининность
Положительные качества мужчин	0,22*	0,14
Положительные качества женщин	-0,19	0,33*
Отрицательные качества мужчин	-0,21	0,22*
Отрицательные качества женщин	-0,006	0,33*
Разница положительных и отрицательных качеств мужчины	0,38*	-0,10
Разница положительных и отрицательных качеств женщины	-0,18	-0,01

С ростом маскулинности респондентов в их гендерных стереотипах: 1) увеличивается доля и выраженность положительных качеств в оценке взаимодействия с мужчинами; 2) снижается – в оценке взаимодействия с женщинами, также уменьшается доля и выраженность отрицательно окрашенных качеств, отмечаемых во взаимодействии с мужчинами; 3) растет перевес положительных качеств над отрицательными в оценке взаимодействия мужчин.

С ростом фемининности респондентов в их гендерных стереотипах: 1) возрастает доля и выраженность положительных качеств, отмечаемых во взаимодействии с женщинами;

2) в отличие от закономерностей, проявление которых связано с ростом маскулинности, не происходит уменьшения отрицательных качеств, а наоборот, наблюдается увеличение доли и выраженности отрицательных качеств, отмечаемых в оценке взаимодействия как с мужчинами, так и женщинами.

Обобщая результаты исследования, сделаем следующие выводы.

Выявлено, что гендерная принадлежность объекта по взаимодействию влияет на отношение респондентов к ним и определяет эмоциональную окраску этих отношений. Гендерные стереотипы про мужчин указывают на проявление ими во взаимодействии склонности к риску, стремления к доминированию, упрямства, чувства собственного достоинства и прямолинейности; про женщин – хитрости, стремления сравнивать себя с другими, гибкости, способности приспособиться к любой ситуации, энергичности.

Стереотипы мужчины и женщины во взаимодействии характеризуются разными наборами личностных черт. Положительных качеств в оценках взаимодействия с мужчинами больше, чем в оценках взаимодействия респондентов с женщинами.

С ростом маскулинности и фемининности респондентов наблюдаются изменения в их гендерных стереотипах о взаимодействии. При увеличении маскулинности респонденты оценивают взаимодействие мужчин более положительно, чем женщин; при увеличении фемининности – возрастают как положительные стереотипы о взаимодействии женщин, так и отрицательные стереотипы о взаимодействии женщин, а также – о взаимодействии мужчин.

Библиографические ссылки

1. Заблочкина В. С., Сорокина Н. Е. Гендерные стереотипы // Юный ученый. 2016. № 6. С. 122–125. URL: <http://yun.moluch.ru/archive/9/589/> (дата обращения: 14.01.2021).
2. Кцоева Г. У. Опыт эмпирического исследования этнических стереотипов // Психологический журнал. 1986. № 2. С. 41–50.
3. Митина О. В., Плужников И. В. Буриданов осел между молотом и наковальней: операционализация и способы измерения амбивалентности в науках о человеке и обществе (Часть 2) // Психологические исследования. 2017. Т. 10, № 52. С. 12. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 17.01.2021).
4. Пибоди Д., Шмелева А. Г., Андреева М. К. Психосемантический анализ стереотипов русского характера: кросскультурный аспект // Вопросы психологии, 1993. № 3. С. 101–109.
5. Психология и психотерапия. Гендерные стереотипы [Электронный ресурс]. URL: <https://psihomed.com/gendernyie-stereotipyi/> (дата обращения: 14.01.2021).
6. Титова О. И., Позняков В. П. Особенности отношений предпринимателей мужчин и женщин к конкуренции и партнерству в деловом взаимодействии // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 4. С. 5–17.

© Титова О. И., Головкова Ю. В., 2021

ПРОБЫ КАК СРЕДСТВО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ**О. Н. Финогенова¹, О. А. Коловская²**¹доцент, ²магистрант, Сибирский федеральный университет,
г. Красноярск, Российская Федерация

Исследование роли проб в процессах самоопределения студентов среднего профессионального образования реализовано на базе колледжа пищевой промышленности и колледжа социальных технологий. В пул аналитических данных включены особенности мотивационного профиля студентов, оцененного при помощи методики «Опросник мотивационной структуры личности» В. Э. Мильмана и данные о реализации студентами проб в разных областях деятельности. Целью исследования является установление роли проб в процессах самоопределения личности. Исследовательские вопросы: Какие возможности самоопределения в пробах существуют в жизни современной молодежи? Отличаются ли процессы самоопределения при наличии и отсутствии проб? Маршруты и места реализации проб. Возможности и условия профориентационной работы с использованием проб.

Ключевые слова: пробы, трудовые пробы, профессиональные пробы, самоопределение, профориентация, среднее профессиональное образование, мотивация.

TESTS AS SELF-DETERMINATION MEANS OF YOUNG PEOPLE

Research done on college student samples. The study role of samples in the self-determination processes students of secondary vocational education was implemented on the basis of the College of Food Industry and the College of Social Technologies. The pool of analytical data includes the features of the motivational profile of students, evaluated using the method "Questionnaire motivational structure personality" by V. E. Milman and data on the implementation of samples by students in different fields of activity. The aim of the study is to establish the role of samples in the processes of self-determination of the individual. Research questions: What opportunities for self-determination in tests exist in the life of modern youth? Are the processes of self-determination different in the presence and absence of samples? Routes and places where samples are sold. What are opportunities and conditions career guidance work with the use of samples.

Keywords: tests, labor tests, professional tests, self-determination, career guidance, secondary vocational education, motivation, youth.

Пробы – это реализация субъектом краткосрочных продуктивных форм деятельности в реальных (не игровых) социокультурных ситуациях. Пробы от деятельности отличает фрагментарность первых, условная степень их включенности в ведущие виды деятельности, сниженная степень ответственности. Пробы объединяет с ведущими видами деятельности: предметность, осмысленность, активность, мотивированность.

Для профориентационной работы тема деятельностной апробации ключевых личностных детерминант самоопределения – склонностей и способностей, – является одной из приоритетных. Например, Концепция развития системы сопровождения профессионального самоопределения детей и молодежи Санкт-Петербурга «Наша новая профориентация» [3] в качестве одного из трех методических модулей предполагает использование сетевых профессиональных проб. Некоторые региональные модели профориентации (модель Вологодской области) также рассматривают профессиональные пробы как основной профориентационный метод [4].

Целью данной работы является анализ возможностей самоопределения молодежи, которые могут быть реализованы в пробах. Связь самоопределения и проб вытекает из идей деятельностного подхода. А. Н. Леонтьев подчеркивал роль деятельности в ориентации субъекта в мире (и в самоопределении субъекта): «Деятельность есть молярная, не аддитивная единица жизни телесного, материального субъекта, это единица жизни, опосредованной психическим отражением, реальная функция которого состоит в том, что оно ориентирует субъекта в предметном мире» [1].

В педагогических и психологических исследованиях представлены такие типы проб как: жизненные, трудовые, профессиональные, социальные, пробы сил. В данном исследовании заложен максимально широкий диапазон областей реализации проб: пробы социальных действий – организация мероприятий, руководство сверстниками; профессиональные пробы; пробы действий в социальных сетях; реализация продуктивных действий в области информационных технологий; пробы ручного труда, обозначенные как «крафт»; пробы продуктивных действий в области живописи и прикладного искусства; артистические и так далее (13 возможных областей).

Для изучения того, какие пробы совершают молодые люди, разработан опросник «Пробы», содержащий два блока вопросов. Первый блок – оценка по трехбалльной шкале (0 – нет, 1 – редко, 2 – часто) каждого вида деятельности под общим вопросом «Что вы уже делали самостоятельно?» Второй блок содержит открытые вопросы. Например «Если делали что-то авторское в области информационных технологий, компьютерных средств – что именно?».

В первую очередь следовало выяснить, какие существуют возможности для совершения авторских действий в социальной ситуации молодых людей на границе второго и третьего десятилетия XXI века.

Анализ ответов на вопрос «что вы уже делали самостоятельно». Чаще всего студенты готовили пищу (большинство респондентов обучаются в техникуме пищевой промышленности); изготавливали что-то своими руками; делали ремонт жилых помещений. Выражены гендерные различия областей, в которых совершаются пробы: юноши значительно опережают девушек по пробам в сфере цифровых технологий – применению компьютерных технологий, сервисов; девушки значительно чаще пробовали себя в выступлениях на сцене.

При анализе социальных «мест», в которых происходят пробы, лидируют две социальные области – семья и школа. Самые многочисленные пробы – приготовление пищи, ремонт жилых помещений и рукоделие – совершаются в семье.

Школа как территория проб. Несмотря на пессимистические оценки школы как института социализации, подавляющее большинство проб, описанных в ответах молодежи, происходит в стенах школы или профессионального образовательного учреждения: социальные пробы лидерства – работать старостой группы, волонтерство; коммуникативные пробы – организовывать мероприятия; творческие пробы в кружках; сценические пробы; собственно профессиональные пробы и т. д.

Оценка влияния проб на самоопределение молодежи производилась путем сравнения мотивов-отношений к жизненным принципам, учебе, работе.

На рис. 2 можно видеть сравнение мотивов студентов, которые осуществляли пробы («с пробами») и не осуществляли проб («без проб»). Диагностика мотивов произведена при помощи опросника Мотивационной структуры личности Э. Мильмана [2]. Опросник содержит 14 утверждений, в каждом 8 вариантов ответов, соответствующих восьми мотивам. Мотивы понимаются как приоритетные для личности ценности: прагматический – поддержание жизнеобеспечения, комфорт, социальный статус, общение, общая активность, творческая активность, общественная полезность.

Мотивы студентов с пробами и без проб (рис. 1) имеют сходные профили, структура мотивов близка. Различия усредненных мотивационных профилей «пробовавших» и «неопытных» – только количественные. То есть реализация проб связана с мотивами субъекта не столько смысловой, сколько энергетической связью. Смыслы, иерархия ценностей,

приоритеты у молодых людей одинаковы. И пробующие и не пробующие студенты наиболее высоко оценивают возможности материальной обеспеченности (прагматический мотив), но в той же степени ценят возможность творческой самореализации. И те и другие менее всего ценят возможность реализации действий на благо общества. Нет различий в их высоких оценках значимости комфорта.

Но тот факт, что по всем мотивам существует различие уровня мотивации в пользу студентов, имеющих опыт проб, свидетельствует о том, что пробы связаны с насыщением действий энергией. Направленность связи неизвестна – либо молодежь, более энергичная изначально, реализует любую возможность действия и пробует себя при любой возможности. Либо те, кто пробовал себя, в процессе и результате проб приобретает мотивацию и энергию мотивов, выражающуюся в положительной оценке всех аспектов действительности и желании действовать во всех сферах. Первое предположение вызывает аналогию с экономическим законом Парето, согласно которому 20 % населения сосредотачивают в своих руках 80 % экономических ресурсов. Согласно данным исследований о внешкольной занятости детей [5], похожее распределение существует для школьников, одни и те же ребята посещают большую часть кружков и мероприятий.

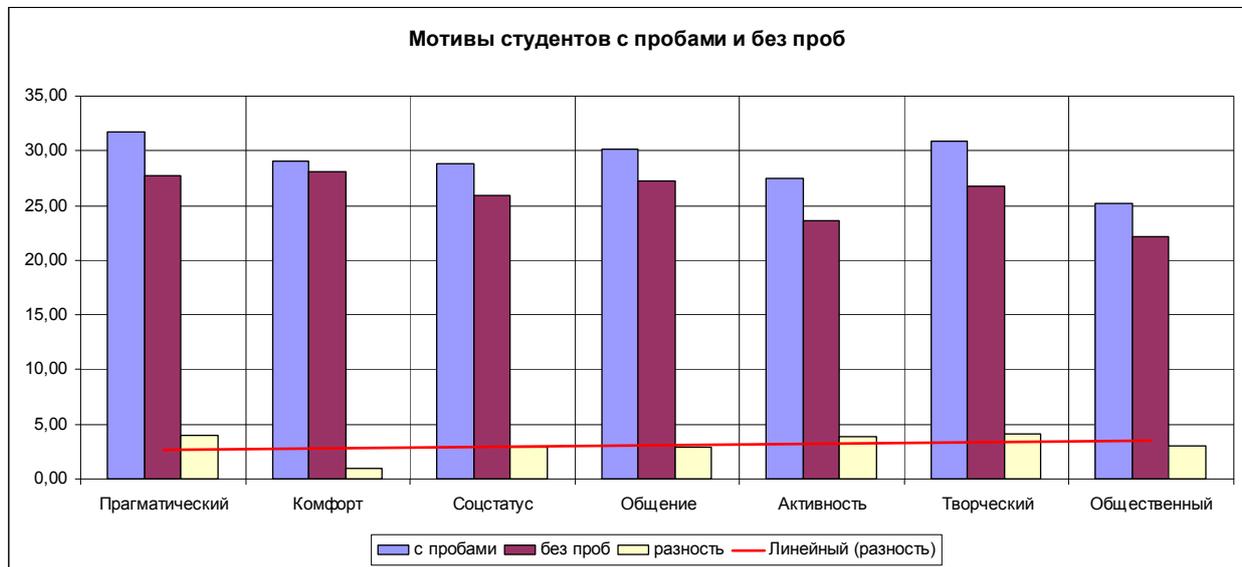

Рис. 1. Сравнение мотивов студентов, осуществлявших и не осуществлявших пробы

Более подробный анализ демонстрирует различия так называемых «реальных» мотивов. При помощи опросника В. Э. Мильмана можно диагностировать мотивы, разделенные не только по направленности, но и по модусу (общежитейские и учебные) и области реализации – например, мотивы идеальные и реальные. Идеальные мотивы характеризуют общие представления субъекта о ценностях и приоритетах, «реальные» же мотивы представляют собой оценки того, что есть в реальной жизни и деятельности субъекта – в том числе, его работы и учебы.

Больше всего выражены различия для так называемых «реальных» мотивов – то есть оценки того, что студент уже имеет в жизни и учебе. По данным, представленным в табл. 1, можно отметить большую разницу в прагматическом мотиве реальной учебной деятельности студентов. Студенты, которые пробовали себя, извлекают из учебы значительно больше, чем их «неопытные» товарищи. Более всего в своей учебе студенты с пробами оценивают возможность получения дохода (Учебный Реальный С пробами – прагматический мотив). Наименее выражены различия мотива комфорта, его равно ценят и опытные и неопытные студенты.

Основной вопрос исследования – пути профессионализации, социальные дороги, следуя которым молодой человек приходит в профессию. Для ответа на этот вопрос мы проанализировали способ получения тех профессий, где трудились студенты.

Таблица 1

Мотивы (среднеарифметическое) студентов, осуществлявших и не осуществлявших пробы, оцененные по шкале 0–12

	Прагм.	Комф.	Статус.	Общ.	Актив.	Творч.	Соц. юдаго
ОЖ Ид с пробами	8,50	7,50	6,65	8,12	7,25	7,45	6,82
ОЖ Ид без проб	8,10	7,26	5,49	7,46	6,26	6,40	6,12
ОЖ Р с пробами	7,08	8,30	7,71	7,27	7,25	7,79	5,83
ОЖ Р без проб	5,91	7,90	6,48	6,59	5,99	6,75	5,15
Уч Ид с пробами	7,20	6,35	6,62	7,93	7,21	8,50	6,98
Уч Ид без проб	6,59	6,30	5,99	7,31	6,57	7,39	6,41
Уч Р с пробами	8,92	6,88	8,22	6,82	5,82	7,09	4,87
Уч. Р без проб	7,12	6,59	6,99	5,91	4,82	6,18	4,19

На вопрос «Где, в каком качестве (кем) вы работали, подрабатывали?» дали ответы почти половина опрошенных – 317 из 687 (47 %). Перечень работ – профессиональных постов, на которых трудились студенты, охватывает более семи десятков профессий, включая как необычные – «Бустер, я играю в игры за других людей повышаю их характеристики и получаю за это деньги», так и ожидаемые – официант, расклейщик листовок, продавец.

Произведен частотный анализ по критерию «Способ трудоустройства» – по тому, как человек получил место работы. Результаты представлены в табл. 2. Напротив каждой группы рабочих мест представлена доля студентов в этой группе. Многие респонденты работали в нескольких местах, поэтому сумма долей не равна 100 %.

Таблица 2

Произведен частотный анализ по критерию «Способ трудоустройства»

Профессиональные посты	Доля студентов (%)
Востребованные, легкодоступные (продавец, официант)	63
Краткосрочные (промоутер)	42
Профессия по специальности обучения	31
Трудовые отряды	8
Специальные умения, навыки	6
Волонтерство	4
Сфера IT	2,5
Свой бизнес	1

Выделены основные способы вхождения в профессию: 1) реализация специальных способностей – артистических, художественных, технических – в профессиональной деятельности (например, спортсмены могут работать в качестве тренера, художники – делать компьютерный дизайн); 2) легкодоступные профессии, приобретение которых описывается метафорой накатанной колеи (это распространенные и востребованные работы, где всегда требуются рабочие руки, попасть на эту работу просто, не требуется специального профессионального образования); 3) работа в пространстве Интернет; 4) работа, соответствующая самоопределению оптанта – соответствующая специальности, по которой он приобретает профессиональное образование и собственный бизнес.

Наиболее часто студенты работают в легкодоступных (неквалифицированных, ни слишком высокооплачиваемых, востребованных) местах работы.

На втором месте – профессия, соответствующая самоопределению (профессиональному образованию).

Сравнительно редко (6 %) студенты работают по специальности, соответствующей их специальным способностям, которые подростки приобретают в кружках и секциях дополнительного образования (спортивных, музыкальных, художественных и т. д.). Интернет дает работу только 2,5 процентам студентов.

Анализ путей, по которым молодежь приходит в профессию, можно обобщить в двух тезисах:

Во-первых, в реальной ситуации велика доля ситуативных детерминант выбора профессии – ее доступности, легкости трудоустройства, расположения места работы рядом в местом жительства оптанта и т. д.

Во-вторых, в ситуации желаемой следует подчеркнуть важность профориентационной работы – помощи молодому человеку в выборе профессии, соответствующей его смыслам и ценностям.

Заключение. Выявлены значительные различия мотивов студентов, осуществлявших и не осуществлявших пробы: более высокий уровень всех мотивов, значительно более высокая оценка студентами в пробах своего обучения, умение студентов с пробами видеть возможности в разных областях жизни, их способность видеть, ценить и получать материальное вознаграждение, в структуре и уровне мотивов студентов, осуществляющих пробы в разных областях деятельности, существенных различий не выявлено (важно реализовывать пробы, но не так важно – в чем именно), основной площадкой реализации проб во всех областях являются семья и образовательные учреждения, выявлены задачи профессиональной ориентации молодежи, смысловая ориентация оптанта, навигация, направление оптанта в пробы, соответствующие его ценностно-смысловым ориентирам, осмысление проб, проектирование деятельностной профессиональной траектории.

Библиографические ссылки

1. Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. М. : Смысл, 2005.
2. Мильман В. Э. Мотивация творчества и роста: структура, диагностика, развитие: теорет., эксперим. и прикладное исслед. диалектики созидания и потребления. М. : ООО «Мирей и Ко», 2005. 165 с.
3. Наша новая профориентация. Серия «Развитие системы сопровождения профессионального самоопределения детей и молодежи Санкт-Петербурга. Методическая поддержка» СПб., 2020.
4. Профориентация в современной России: точки доступа и точки напряжения [Электронный ресурс]. URL: https://firo.ranepa.ru/files/docs/sergeev_proforient_v_sovrem_rossii.pdf (дата обращения: 03.11.2020).
5. Собкин В. С., Калашникова Е. А. Подросток в системе дополнительного образования: социально-психологические аспекты // Психолого-педагогический поиск. 2016. № 2 (38). С. 43–68.

УДК 316.64

АНАЛИЗ ФАКТОРОВ, ОКАЗЫВАЮЩИХ ВЛИЯНИЕ НА КАРЬЕРНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ

О. А. Берзина

*аспирант, Сибирский государственный университет науки
и технологий имени академика М. Ф. Решетнева,
г. Красноярск, Российская Федерация*

Представлен аналитический обзор зарубежных и отечественных исследовательских работ по проблеме карьерного самоопределения; выявлены детерминанты, оказывающие влияние на карьерное и профессиональное самоопределение молодых людей.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, карьера, карьерное самоопределение, профессиональный выбор, молодежь.

ANALYSIS OF FACTORS AFFECTING YOUNG PEOPLE'S CAREER SELF- DETERMINATION

The article presents an analytical review of foreign and domestic research works on the problem of career self-determination; identified the determinants that influence the career and professional self-determination of young people.

Keywords: professional self-determination, career, career self-determination, professional choice, youth.

В современной действительности молодым людям достаточно рано приходится задумываться о решении задач, связанных с профессиональным самоопределением, прохождением профессионального отбора и выбором профессии. От этих выборов в значительной степени зависит построение жизненных планов на будущее, в частности, определяется вариативность образования и происходит выбор жизненных условий, социальных ролей и положения в обществе, которые в дальнейшем предопределяют личностное развитие человека.

Дж. Гринхауса, автор одной из самых известных в зарубежном научном сообществе работ по карьерному самоопределению, выделяет 7 групп его детерминант. *Стратегии карьеры.* Здесь рассматривается две стратегии карьеры: первая направлена на улучшение умений и навыков, на повышение компетентности сотрудника. Вторая описывает поведение сотрудника, при котором он показывает свой конформизм по отношению к начальнику. *Межличностные отношения* рассматриваются с точки зрения двух подходов социального капитала и наставничества. *Семейные отношения*, в данной группе факторов Г. Гринхаус рассматривает такие критерии, как родительский и семейный статус, а также конфликт между профессиональной и личной сферами. Во многих исследованиях отмечается, что семейные отношения носят негативное влияние на субъективный успех. *Инвестиции в человеческий капитал.* Рассматривается три показателя человеческого капитала: профессиональный опыт, приостановки профессиональной деятельности и образование. *Мотивационные факторы.* *Организационные характеристики:* число сотрудников в организации, сфера деятельности организации, соответствие работы личности человека, внутренняя политика компании, касающаяся продвижения по службе, и организационный успех. *Характеристики личности* [12].

В теории отечественного исследователя Е. Г. Молл выделяются следующие факторы карьерного самоопределения: ситуативные, организационные, социальные, также индивидуальные [9]. Е. А. Могилевкин разделяет все факторы на две большие группы: «психологические» и «непсихологические». К непсихологическим детерминантам автор относит: экономические, правовые, маркетинговые, образовательные, социально-демографические, медицинские, протекционистские. К психологическим факторам автор причисляет следующие детерминанты: организационно-психологические; социально-психологические; личностные [8]. Тихомандрицкая О. А. и Рикель А. М., для создания авторской модели проанализировали множество концепций и выделили наиболее любопытные и существенные, по их мнению, компоненты каждой группы факторов, разделяя их на три группы [11]. Лушников Д. А., Шаповалов А. В. предлагают несколько другой подход: внутренние факторы они относят к личностному карьерному потенциалу, а внешние детерминанты рассматривают на микро-, мезо-, макроуровнях [5]. Богатырева О. О. в своей статье указывает на зависимость карьеры, как от внешних, так и от внутренних факторов, которые непосредственно связаны с личностными и организационными составляющими [3].

Кричевский Р. Л., известный отечественный социальный психолог, предлагает следующие группы факторов, которые определяют карьерные предпочтения молодежи: престиж профессии в обществе, текущая конъюнктура на рынке труда; социально-экономический статус семьи; родительские установки; ограничения на занятия той или иной профессиональной деятельностью; личностные особенности [6].

Митина Л. М. разделяет факторы на *интрапсихологические* (внутренние условия), *интерпсихологические* (внешние условия) и *интер-интрапсихологические* факторы (внешне-внутренние условия). В первую группу факторов входят такие параметры как: внутренняя детерминация жизнедеятельности, включающая в себя развитие интегральных характеристик личности (направленность, компетентность, гибкость) и актуализацию рефлексивного ресурса. Ко второй группе факторов (внешние условия) автор относит внешнюю детерминацию, которая описывает представление о результате карьерного продвижения, например, позитивная динамика карьерного роста, должностные позиции, статус, высокие размеры доходов и др., а также предлагающая новые системные средства и подходы достижения такого результата. И третья группа, выделяемая автором, определяется внедрением инновационной психологической технологии профессионально-карьерного развития личности в систему непрерывного образования (школа, вуз, институт повышения квалификации, внутрифирменное обучение и др.) [10].

А. А. Коваленко проанализировала зарубежные исследования факторов профессионального выбора молодежи. Результаты выглядят следующим образом.

Индия. Первое место среди основных детерминант молодые люди этого государства соотносят с семьей, второе место связывают с учителями, затем идут друзья, потом СМИ и самое последнее место в рейтинге занимают профориентационные услуги. При этом среди факторов оказывающих влияние на выбор будущей специальности выпускниками медицинских ВУЗов указывается финансовый элемент (48 % отмечают, что предполагаемый доход содействовал выбору той или иной профессии), обосновывают свой выбор специальности престижностью (46 %), а 45,2 % указывают в качестве основного параметра удовлетворенность этой профессией.

Китай. В ответах данной категории, наиболее часто, отмечают такие причины выбора профессии, как: прошлый опыт работы по выбранной специальности (53 %), 22 % указывают на хорошую успеваемость в школе и заинтересованность в определенной области знаний, 19 % связывают свой выбор с настоянием родителей; на влияние друзей и профориентационных услуг при профессиональном выборе указывает небольшое количество респондентов.

Эфиопия. На профессиональный выбор опрошенных молодых людей этой страны влияют внешние факторы, которые чаще всего связаны с политической и экономической ситуацией в регионе, влияние ключевых лиц в выборе карьеры индивида и мнение сверстни-

ков также имеет не маловажное значение при профессиональном самоопределении. Важным фактором является поддержка и поощрение со стороны родителей.

Кения. По мнению опрошенных, выбор профессии осуществляется под влиянием родителей, друзей и советников. Важно отметить, что проживающие в сельской местности обращаются за советом в основном к родителям. 60 % респондентов считают, что выбор профессии зависит от способности применять знания и навыки, полученные во время учебы. Одним из влиятельных факторов является престижность профессии, так считают 55,6 % респондентов. Опрошенные также указывают на тот факт, что совпадение личного интереса с выбором профессии приводит к удовлетворенности работой. Религия также фигурирует в качестве одного из факторов, который определяет выбор религиозной молодежи своей будущей профессии.

Южная Африка. Опрос студентов о факторах, повлиявших на выбор карьеры среди африканских студентов показывает, что наибольшее влияние здесь оказывают такие факторы, как зарплата, гарантии занятости и доступность работы. Причем, фактор «хорошие деньги или выгода» был указан как самый главный, и отмечался он студентами в 7 раз чаще, чем любой другой. Также исследование показали, что профориентационные услуги оказывает самое минимальное влияние на выбор молодежи.

Кувейт (Ближний восток). В 2011 году в рамках изучения факторов обусловивших выбор студентами-медиками будущей профессии проводилось исследование, которое выявило следующее: на первом месте упоминались причины: 45,8 % – «увидеть отличные результаты излечения пациентов», 40,3 %, – «желание работать по наиболее сложной специальности», «престиж специальности», а также «социальное обеспечение» – 30,6 %.

Иордания. В исследовании, которое было проведено на 1 место опрошенные поставили «интеллектуальное содержание специальности» (84 %), с «личными умениями и навыками» связали свой выбор 64 % респондентов, при этом для 59 % наиболее важным фактором является «престижность профессии» и «прогнозируемый доход» важен для 58 % опрошенных.

Франция. Исследования, проводимые с целью выявления факторов, влияющих на выбор будущей специальности среди студентов медицинских университетов показывают следующие результаты: первично выделяется заинтересованностью медициной, далее отмечается возможность вести частную практику, а также иметь контакт с пациентами.

Испания. Исследование с целью выявления детерминант выбора карьеры в условиях экономического кризиса, проводилось среди выпускников учебных заведений. Полученные данные выявили, что ключевую роль здесь имеет перспектива вероятного трудоустройства. Затем студенты отмечали в качестве ключевых факторов такие, как «престижность», «возможность роста в профессии», а также «доходность» [7].

На базе Красноярского техникума промышленного сервиса и Красноярского строительного техникума нами было проведено исследование представлений студентов, получающих среднее профессиональное образование, о карьере и её факторах (N = 42).

На вопрос о том, *что будет способствовать успешной карьере*, поступили такие ответы: мотивационно-волевые качества (трудолюбие, работоспособность, целеустремленность), обучаемость (наличие когнитивной компетентности и стремления её развивать), взаимодействие с окружающими (нетворкинг, возможность получать поддержку и строить продуктивные отношения), финансовый фактор, удачный контекст (выбора профессии, её востребованности, места, на которое попал).

Ответы на противоположный вопрос, *что может препятствовать успешной карьере*: мотивационные характеристики работающего (плохая мотивация, «пофигизм», отсутствие стремления и т. п.), плохие отношения, низкую функциональность, малосильность работника, некомпетентность, идентифицируемую с низким образовательным уровнем, слабую мобилизованность усилий (неуверенность, несобранность, недисциплинированность и т. п.), проблемы со временем [2].

В рамках проекта «Исследование карьерных ориентаций и их социально-психологических детерминант у студентов Института социального инжиниринга СибГУ»

проводилось исследование, направленное на выявление характера связи карьерных ориентаций студентов гуманитарного профиля с личностными характеристиками. Было выявлено, что выраженность большинства карьерных ориентаций, предполагающих социальную активность, связана с осмысленностью жизни. А важные для специалистов гуманитарного профиля ориентации на профессиональную компетентность и служение связаны с выраженностью самоинтереса [1; 4].

Подводя итог выше сказанному можно сделать следующие выводы:

подходы зарубежных и российских психологов не имеют существенных различий в плане принципа группировки и отражают общую тенденцию к выделению таких групп, как личностные (индивидуальные), организационные, социальные группы факторов;

исследование факторов, влияющих на выбор карьеры молодежи за рубежом показал, что в разных странах особенности влияния факторов на выбор карьеры различны и зависят как от внешних, так и от внутренних условий: политических, социальных, организационных, индивидуально-личностных [7];

следует отметить, что участвовавшие в исследовании отмечают низкий процент влияния профориентационных услуг на выбор специальности. При этом важно указать, что во всех странах опрошенные указывают на достаточно большое влияние на их профессиональный выбор со стороны родителей, учителей и друзей.

В нашем исследовании, проведенном с учащимися среднего профессионального образования, выявилось, что карьера для них является значимым аспектом профессиональной деятельности, а её качество определяется не внешне заданными ориентирами статусов и должностей, а субъективными критериями, тем насколько работа является мотивирующей, интересной, способствующей вовлечённости, размером её финансовой отдачи и комфортностью условий. Следует отметить выраженную значимость для респондентов профессионального образования и заинтересованность в дополнительном обучении. Во многом образованность идентифицируется с успешной карьерой [13].

В заключение хочется отметить, что проблема карьеры в настоящее время приобретает новое звучание. Мир профессий очень быстро трансформируется. Меняется как содержание профессиональной деятельности, так и системы отношений, в которые включаются профессионалы. Вместе с изменением общественных настроений меняются приоритеты, на которые ориентируются в этих отношениях субъекты трудового процесса. Аналитики говорят о сложностях самоопределения в условиях высокой неопределённости и о том, что образование, ориентированное на будущее, должно строиться с учётом этих реалий. Но важным при этом является понимание, что для работников является внутренним основанием в выстраивании своего профессионального пути [13].

Библиографические ссылки

1. Аниканова К. Д., Лукьянченко Н. В., Панова К. Н., Аликин И. А. Связь карьерных ориентаций с самоотношением и психологическим благополучием у студентов гуманитарных специальностей // Психология в системе социально-производственных отношений : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (17 апреля 2020 г., Красноярск) / СибГУ им. М. Ф. Решетнева. Красноярск, 2020. С. 177–181.

2. Берзина О. А., Лукьянченко Н. В. Представление о карьере студентов, получающих среднее профессиональное образование // Психология в системе социально-производственных отношений : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (17 апреля 2020 г., Красноярск) / СибГУ им. М. Ф. Решетнева. Красноярск, 2020. С. 123–128.

3. Богатырева О. О. Психологические предпосылки карьерного роста // Вопросы психологии. 2008. № 3. С. 92–98.

4. Ельфанова Ю. Д., Лукьянченко Н. В., Сидорова А. П., Аликин И. А. Типологические особенности карьерных ориентаций студентов, обучающихся по гуманитарным специальностям

стям // Психология в системе социально-производственных отношений : материалы III Международ. науч.-практ. конф. (17 апреля 2020 г., Красноярск) / СибГУ им. М. Ф. Решетнева. Красноярск, 2020. С. 161–165.

5. Коваленко А. А. Анализ факторов, влияющих на выбор профессии молодежи : междунар. аспект // Наука и современность. 2013. № 26-1. С. 119–123.

6. Кричевский Р. Л. Психология лидерства : учеб. пособие. М. : Статут, 2007.

7. Лушников Д. А., Шаповалов А. В. Социальные детерминанты карьерного процесса // Вестник Сев.-Кавказ. гос. техн. ун-та. 2009. № 1(18). С. 180–184.

8. Могилевкин Е. А. Карьерный рост: диагностика, технологии, тренинг. СПб. : Речь, 2007.

9. Молл Е. Г. Управление карьерой менеджера [Электронный ресурс]. СПб. : Питер, 2011. 352 с. ISBN 978-5-459-01024-4. URL: <https://ibooks.ru/bookshelf/25888/reading> (дата обращения: 22.03.2021).

10. Личностно-профессиональное и карьерное развитие: актуальные исследования и форсайт-проекты [Электронный ресурс] : сб. ст. / под ред. Л. М. Митиной. М. : Перо, 2018. 367 с. ISBN 978-5-00122-440-2 (дата обращения: 03.11.2020).

11. Тихомандрицкая О. А., Рикель А. М. Социально-психологические факторы успешности карьеры [Электронный ресурс] // Психологические исследования : электрон. науч. журн. 2010. № 2(10). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 22.03.2021).

12. Greenhaus J. H. Career dynamics // Borman W. C., Ilgen D. R., Klimoski R. J. (Eds.). Handbook of Psychology. Hoboken, NJ : Wiley, 2003. P. 519–540.

13. Lukyanchenko N.V., Berzina O. A. Understanding The Career Of Students Receiving Secondary Vocational Education // ICEST 2020 International Conference on Economic and Social Trends for Sustainability of Modern Society. The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (EpSBS). Vol. 90. P. 1410–1418.

© Берзина О. А., 2021

УДК 159.9:796.01

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У ЮНИОРОК, ЗАНИМАЮЩИХСЯ БОКСОМ

Р. С. Волков

*аспирант, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
г. Москва, Российская Федерация*

Личностная и социальная идентичность является важными детерминантами поведения человека. В спорте высших достижений понимание механизмов работы данных детерминант особенно важно. В текущем исследовании изучаются особенности организационной идентичности (ОИ) у юниорок разного уровня подготовки, занимающихся боксом, по трём компонентам (когнитивному, аффективному и поведенческому).

Ключевые слова: личностная идентичность, социальная идентичность, организационная идентичность, юниорки, спортивная деятельность.

FEATURES OF THE ORGANIZATIONAL IDENTITY OF JUNIOR WOMEN ENGAGED IN BOXING

Personal and social identity is an important determinant of human behavior. In high-performance sports, understanding how these determinants work is particularly important. The current study examines the features of organizational identity (OI) in juniors of different levels of training engaged in boxing in three components (cognitive, affective and behavioral).

Keywords: personal identity, social identity, organizational identity, juniors, sports activities.

Актуальность представленного исследования обусловлена социальными, психологическими, политическими, экономическими проблемами, с которыми столкнулось спортивное сообщество на современном этапе своего развития. В науке такие этапы принято называть переходными или кризисными. Подробный анализ психологических детерминант кризисов, несомненно, может способствовать более эффективному решению возникающих проблем [3]. При этом, на наш взгляд, особого внимания требует разработка вопроса развития идентичности спортсменов в процессе становления их профессиональной карьеры.

Существуют разные теоретико-методологические основания для изучения идентичности [2]. Так, можно выделить уровни идентичности – личностный и социальный [5; 6], каждый из которых может быть разделен на компоненты: когнитивный, аффективный, поведенческий [1; 4]. Отметим, что несмотря на то, что в последнее время психология спорта получила новый виток развития, социально-психологическая её составляющая остается все еще малоизученной. В своей спортивной деятельности спортсмены проходят через ряд достижений, например, получают очередной спортивный разряда или попадают в национальную сборную, и данный процесс сопровождается изменением их идентичности на различных уровнях (личностном, социальном, организационном). **Целью нашего исследования** стало выявление особенностей организационной идентичности (ОИ) у юниорок, занимающихся боксом. Было выдвинуто предположение, что компоненты (когнитивный, аффективный, поведенческий) ОИ у юниорок, занимающихся боксом, статистически различаются в зависимости от уровня их спортивных достижений.

Исследование проходило в феврале 2020 г. на Чемпионате России по боксу среди юниорок в г. Королёве. Исследование носило пилотажный характер. Всего в опросе участво-

вали 40 спортсменок, из них 20 – КМС и 20 имеют 1 разряд, в возрасте 17–18 лет. Спортсменки были разделены на две группы в зависимости от результатов соревнований. 1 группа – успешные спортсменки (УС), вышедшие в финал соревнований, 2 группа – неуспешные спортсменки (НС), выбывшие из соревнований до полуфинала. В исследовании применялся опросник А. В. Сидоренкова на организационную идентичность [4]. В качестве организации участники исследования должны были рассматривать Федерацию бокса России. В итоге результаты двух групп спортсменок подвергались сравнительному анализу с помощью *критерия Манна-Уитни*.

Результаты:

1. Сравнение когнитивного компонента: $M1 = 15,00 \pm 3,32$; $M2 = 13,75 \pm 1,94$; $U_{э.к.} = 110,50$; $p = 0,014$, 1 группа (УС) статистически значимо отличается от 2 группы (НС) по когнитивному компоненту ОИ.

2. Сравнение аффективного компонента: $M1 = 16,45 \pm 2,04$; $M2 = 15,95 \pm 1,93$; $U_{э.а.} = 152,50$; $p = 0,18$, 1 группа (УС) статистически значимо не отличаются от 2 группы (НС) по аффективному компоненту ОИ.

3. Сравнение поведенческого компонента: $M1 = 6,2 \pm 3,1$; $M2 = 6,2 \pm 1,88$; $U_{э.п.} = 195,50$; $p = 0,904$, 1 группа (УП) статистически значимо не отличаются от 2 группы (НС) по поведенческому компоненту ОИ.

Выводы: в результате исследования была достигнута поставленная цель. Выявленные особенности ОИ помогли установить статистически достоверные различия у спортсменок 1 и 2 группы по когнитивному компоненту (представления о Федерации бокса России). Это означает, что успешные спортсменки на более осознанном уровне определяют себя членами Федерации бокса России, чем неуспешные спортсменки. Различия по аффективному и поведенческому компоненту не были установлены.

Библиографические ссылки

1. Бернс, Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М. : Прогресс, 1986.
2. Злоказов К. В. Вопросы развития идентичности в работах последователей Эриксона // Педагогическое образование в России, 2015. № 9. С. 155–161.
3. Колесник И. С. Структура и содержание системы подготовки боксеров высокой спортивной квалификации 15–17 лет : дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.04 Набережные Челны, 2011. 468 с.
4. Разработка инструментария изучения идентификации работников в организации / А. В. Сидоренков, О. Ю. Шипитько, Д. Е. Штильников, В. А. Штроо // Организационная психология, 2019. Т. 9, № 3. С. 74–102.
5. Симонова О. А. К формированию социологии идентичности // Социологический журнал, 2008. № 3. С. 45–61.
6. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 2000.

© Волков Р. С., 2021

УДК 159.9.07

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ ПРИЗЫВНИКОВ К УСЛОВИЯМ ПРОХОЖДЕНИЯ СРОЧНОЙ СЛУЖБЫ

Л. А. Гончарук¹, И. Л. Кишея²

¹студент, ²старший преподаватель,
Барановичский государственный университет,
г. Барановичи, Республика Беларусь

Рассматриваются психологические особенности адаптации призывников к условиям прохождения срочной службы. Приведены результаты исследования уровня социально-психологической адаптации военнослужащих.

Ключевые слова: молодое пополнение, адаптация, воинская служба, социально-психологическая адаптация.

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF THE ADAPTATION OF PRIZIVNIKI TO THE CONDITIONS OF MILITARY SERVICE

The article deals with the psychological features of the adaptation of conscripts to the conditions of military service. The results of the study of the level of socio-psychological adaptation of military personnel are presented.

Keywords: young recruitment, adaptation, military service, social and psychological adaptation.

Адаптация молодого пополнения к условиям прохождения срочной службы обусловлена особыми обстоятельствами внешнего и внутреннего характера [4, с. 24].

Внешние обстоятельства и факторы, влияющие на процесс профессиональной адаптации специалиста, включают в себя:

- особенности целей, организации, содержания, технологий, средств военной профессиональной деятельности;
- своеобразие социальных и других условий, в которых осуществляется военная профессиональная деятельность.

Внутренние обстоятельства и факторы профессиональной адаптации специалиста – это уровень его адаптационного потенциала, степень развитости и адаптивности, как качеств личности и организма, адекватность мотивации военной профессиональной адаптации её требованиям [6, с. 82].

В адаптации молодого пополнения базовую, определяющую роль играют внешние обстоятельства, предметные области и сферы профессиональной адаптации человека. Именно они выступают своеобразным профессиональным полем, в которое попадает специалист.

Адаптация молодого пополнения осуществляется в основных предметных областях его профессионального взаимодействия со средой: профессионально-деятельностной, организационно-нормативной, социально-профессиональной, социально-психологической, социальной области [3, с. 93].

Каждая из этих предметных областей воинской адаптации военнослужащего предполагает наличие определённого уровня его подготовленности, адаптационного потенциала. Адаптация к профессионально-деятельностным и организационно-нормативным обстоятельствам осуществляется как процесс овладения их требованиями [2, с. 29].

Социально-психологическая адаптация молодого пополнения существенно влияет на успешность профессионально-деятельностной адаптации и в целом профессиональной адаптации специалиста [5, с. 68].

Успешность профессиональной адаптации военнослужащего в воинском коллективе в первую очередь зависит от его личностных и других психологических особенностей [1, с. 80].

Уровень и характер самооценки, как сложное системное психическое образование личности, является важным индивидуально-личностным параметром, который оказывает влияние на процесс профессиональной адаптации [1, с. 33]. В профессиональной адаптации военнослужащих наибольшее значение имеет адекватная самооценка личности.

При выборе стратегии адаптации человек оценивает:

- требования, предъявляемые к нему со стороны профессиональной среды;
- собственный индивидуальный ресурс профессионального развития в плане возможности изменения профессиональной среды или изменения себя как профессионала;
- цену усилий (физические и психологические затраты) при выборе стратегии изменения профессиональной среды или самокоррекции себя как профессионала.

Таким образом, под адаптацией обычно понимается система мер и мероприятий, которые способствуют профессиональному становлению военнослужащего и формируют у него соответствующие профессиональные качества, а также помогают в освоении военнослужащим элементов организационной культуры и принятии нового социального статуса. Профессиональная адаптация включает самоидентификацию с новой ролью, статусной характеристикой и принятие культуры и ценностей профессиональной среды.

Особенностью адаптации военнослужащих является получение специальности, экстремального и неординарного характера, не всегда связанного с добровольным выбором и предыдущими знаниями.

Таким образом, целью исследования, является изучения особенностей социально-психологической адаптации военнослужащих срочной службы.

В исследовании приняли участие 100 военнослужащих срочной службы в возрасте 18–27 лет. При определении уровня адаптивности мы использовали методику диагностики социально-психологической адаптации (К. Роджерса и Р. Даймонда). В опроснике содержится 101 высказывание о человеке, его образе жизни: переживаниях, мыслях, привычках, стиле поведения. Их всегда можно соотнести с нашим собственным образом жизни. Каждое высказывание испытуемые оценивают по семибальной шкале.

Рассмотрим полученные результаты.

Анализ результатов показал, что подавляющее большинство военнослужащих, – 52 % имеют низкий уровень социально-психологической адаптации. Для таких испытуемых характерна низкая степень принятия других людей, неудовлетворенность своими отношениями с окружающими, низкий эмоциональный комфорт, внутренняя напряженность, неприятие себя, возможны внутриличностные конфликты.

У 32 % испытуемых выявлен средний уровень социально-психологической адаптации, то есть для этих испытуемых характерна умеренная адаптированность, приспособленность к социальному окружению, умеренная выраженность принятия окружающих и самих себя.

Для 16 % испытуемых характерен высокий уровень социально-психологической адаптации, что свидетельствует о высокой степени приспособленности к социальной среде, удовлетворенности своим положением в обществе и отношениями с окружающими людьми, о высоком эмоциональном комфорте, принятии себя, отсутствии внутриличностных проблем.

Анализируя показатели социально-психологической адаптации личности, можно отметить, что для большинства испытуемых характерны показатели по всем шкалам в пределах нормы. Исключение составляет лишь шкала «самоприятие» – по данной шкале для половины испытуемых характерны показатели ниже нормы.

Таким образом, анализ полученных в ходе первичной обработки данных показывает, что большинство военнослужащих имеют низкий и средний уровень выраженности показателей социально-психологической адаптации.

В ходе анализа распределения испытуемых по низкому и высокому уровням исследуемых показателей было выявлено, что большинство военнослужащих, имеют низкий уровень адаптивности и эмоционального комфорта и средний уровень эмоционального дискомфорта, неприятия себя и неприятия других. Небольшое число испытуемых характеризуются низким уровнем выраженности эскапизма и доминирования и высоким уровнем лживости, внутреннего контроля и ведомости.

В целом, данная проблематика является весьма актуальной, и требует расширения используемого диагностического инструментария и уточнения полученных первичных данных.

Библиографические ссылки

1. Адаптация военнослужащих молодого пополнения 1 курса к новым социальным условиям. Минск : Изд. центр БГУ, 2013. 43 с.
2. Андреева Д. А. О понятии адаптация. Исследование адаптации военнослужащих молодого пополнения к условиям учебы в вузе. М. : Наука, 2013. 327 с.
3. Березин Ф. Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л. : Наука, 1988. 267 с.
4. Бородина А. В. Направления развития социальной активности молодежи в условиях современного общества // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 3. С. 15.
5. Браун Т. П. Адаптация военнослужащих молодого пополнения к обучению в вузе в условиях оптимизации образовательной среды. СПб., 2017. 21 с.
6. Головей Л. А. Различия в восприятии повседневных стрессоров у жителей Архангельска и СПб. // Экология человека. 2018. № 12. С. 32–38.

© Гончарук Л. А., Кишея И. Л., 2021

УДК 159.92

РОЛЬ ПСИХОЛОГА В ОПТИМИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНОГО КОНТАКТА С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ В СИТУАЦИИ ДОПРОСА

Л. С. Захарова¹, Н. В. Лукьянченко²

¹аспирант, ²доцент,

Сибирский государственный университет науки и технологий
имени академика М. Ф. Решетнева,
г. Красноярск, Российская Федерация

Специалисты, анализирующие проблемы включения психологов в следственные действия с участием несовершеннолетних, констатируют, что перед ними стоит сложная задача совмещения функций защиты законных прав и интересов несовершеннолетнего и содействия следствию в получении необходимой информации. В первую очередь это предполагает формирование продуктивного контакта с допрашиваемым несовершеннолетним. Преодоление характерных для ситуации допроса факторов коммуникативной зажатости требует особой профессиональной компетентности, включающей инструментальную оснащённость, понимание социально-психологических механизмов взаимодействия и целесообразную гибкость в их использовании. Описываются выработанные на основе анализа практики участия в следственных действиях приёмы и обеспечивающие их действенность социально-психологические механизмы, использование которых оптимизирует коммуникативный контакт с несовершеннолетними в ситуации допроса.

Ключевые слова: допрос, коммуникативный контакт, психолог, несовершеннолетние, социально-психологические механизмы, психологические приёмы.

THE ROLE OF A PSYCHOLOGIST IN OPTIMIZING COMMUNICATIVE CONTACT WITH A MINOR IN A SITUATION OF INTERROGATION

Experts analyzing the problems of the participation of psychologists in investigative actions with the participation of minors, state that they face the difficult task of combining the functions of protecting the legal rights and interests of a minor and assisting the investigation in obtaining the necessary information. First of all, this presupposes the formation of a productive contact with the interrogated minor. Overcoming the factors of communicative constriction characteristic of the interrogation situation requires special professional competence, including instrumental equipment, an understanding of the socio-psychological mechanisms of interaction and appropriate flexibility in their use. The article describes the methods developed on the basis of the analysis of the practice of participation in investigative actions and the socio-psychological mechanisms ensuring their effectiveness, the use of which optimizes communicative contact with minors in a situation of interrogation.

Keywords: interrogation, communicative contact, psychologist, minors, socio-psychological mechanisms, psychological techniques.

По словам Имре Кертэса, обеспеченная знанием психологических механизмов и закономерностей целесообразная маневренность следственных действий, в первую очередь в ситуации допроса, может в значительной мере оптимизировать процесс получения судебных доказательств [4]. Допрос, как указывают Ю. М. Антонян, М. И. Еникеев, В. Е. Эминов, «является наиболее психологизированным следственным действием» [2].

Но базовой психологической компетентности оказывается недостаточно, когда участниками следственных действий становятся несовершеннолетние. Возрастные особенности

психической организации обуславливают специфику восприятия несовершеннолетними значимых для следствия событий и самой ситуации допроса. Необходимость особой компетентности обусловила то, что к следственным действиям стали привлекать специалистов психолого-педагогического профиля.

Следует отметить, что их роль в следственных действиях, и в ситуациях допроса в частности, по своим характеристикам далеко не априорна. В научно-методической литературе обсуждаются проблемы: каких именно профессионалов приглашать, педагогов или психологов, в какой мере учитывать их теоретическую подготовку или серьёзный практический опыт [3; 7]. Поскольку более глубокое понимание возрастных и личностных особенностей несовершеннолетних предписывается психологической профессии, а в отношении несовершеннолетних жертв преступлений против половой неприкосновенности обязательность участия при проведении допроса именно психолога закреплена законом (Федеральный закон № 432-ФЗ, ст. 191 УПК РФ, ч. 4), в дальнейшем мы будем говорить о деятельности психологов.

Можно отметить определённую проблемность в понимании содержательного аспекта участия психологов в следственных действиях. Предполагается, что в ситуации допроса они реализует две функции: содействия следствию и защиты законных прав и интересов несовершеннолетнего [3; 9]. Каким образом можно продуктивно совместить эти функции и в каких конкретно формах возможна их реализация? В соответствии с запросами практики видение ответов на эти вопросы всё более смещается от первоначального тяготения к исключительно функции защиты детской психики и консультативного взаимодействия со следователем к более активному вкладу в получение необходимой следствию информации, не теряя исходных требований [3; 5; 13].

Это обусловлено тем, что эффективности допроса несовершеннолетних препятствуют множественные психологические факторы, осложняющие установление продуктивного контакта с допрашиваемым. Негативные факторы связаны как с ситуациями, относительно которых несовершеннолетний должен дать показания, так и с ситуацией допроса.

Одним из самых весомых факторов, препятствующих продуктивности допроса, является коммуникативная зажатость или, если употреблять универсальный термин Э. Гросса и Г. Стоуна, «смущение» (embarrassment) [14]. Этот фактор обусловлен несоответствием атрибутов ситуации имеющимся у несовершеннолетнего устойчивым предрасположенностям в части пространственных характеристик, предметного наполнения, одежды участников взаимодействия и алгоритмов действий [14]. Из этого вытекает, что обеспечение продуктивности взаимодействия с несовершеннолетними требует понимания как возрастных особенностей, так и социально-психологических закономерностей [1].

Неслучайно в публикациях, посвящённых проблемам участия психологов в следственных действиях, определяется, что первостепенной задачей, стоящей перед ними, является формирование продуктивного контакта с допрашиваемым [9; 11], и вместе с тем по данным опроса следователей эта задача решается привлечёнными специалистами крайне слабо [9].

Ю. М. Антонян, М. И. Еникеев, В. Е. Эминов в отношении участия специалиста указывают, что это должно быть «лицо, способствующее установлению коммуникативного контакта» [2, с. 131], потому что: «Установление коммуникативного контакта – исходное условие проведения допроса» [2, с. 131] и «...подразумевает систему приемов оптимизации отношений между общающимися лицами» [2, с. 131]. Роль психолога «обусловлена возможностью использования различных приемов, которые есть на его вооружении как лица, обладающего специальными знаниями», пишут И. А. Фомина и Е. В. Горбачёва, призывая при этом «всячески избегать формализма», сводящего потенциал психологической работы к «базальному присутствию на допросе» [13, с. 96].

На основе социально-психологического анализа участия в допросах в качестве приглашённого специалиста-психолога нами была выработана система психологических механизмов и основывающихся на их действии приёмов фасилитации продуктивного контакта с несовершеннолетними в ситуации допроса. Это механизмы: баланса инициатив, управления

вниманием, нейтрализации межгрупповых границ. Каждый из них может использоваться самостоятельно или в совокупности с другими механизмами.

Действие механизма баланса инициатив основывается на обратной пропорциональной взаимосвязи активности участников взаимодействия: чем пассивнее один из партнёров, тем более активно проявляется другой, и наоборот [15]. В соответствии с этим коммуникативная активность несовершеннолетнего допрашиваемого может стимулироваться пристроенной, вплоть до ведомого, позицией психолога.

Действенность механизма управления вниманием опирается на значимость внимания в определении психоэмоциональной окраски происходящего. То, на чём оно фокусируется, во многом определяет характер восприятия всей ситуации. Перенос фокуса внимания с вызывающих напряжение и сопротивление аспектов взаимодействия на что-либо приятное, привычно комфортное или интересное нейтрализует блокирующее коммуникативное напряжение.

Действие нейтрализации межгрупповых границ основывается на положении Б. Ф. Поршнева о том, что именно субъективно воспринимаемая принадлежность к разным группам формирует так называемые «фильтры недоверия» [10]. Для их преодоления необходимо найти нечто общее, сместив положение взаимодействующих на шкале «свой-чужие» в благоприятную сторону.

Конкретными приёмами преодоления блокирующего коммуникативного напряжения несовершеннолетнего могут являться следующие: использование психологом в своём внешнем оформлении ярких, интересных деталей (на них фокусируется внимание, они придают ситуации большей привлекательности, а как следствие и большего доверия, их хочется трогать, что задействует тактильно-кинестетический канал взаимодействия и фасилитирует активность несовершеннолетнего); приём с условным названием «Салон красоты», когда девочку просят сделать что-то интересное оформительское для психолога (задействование механизма «баланс инициатив»); приём с условным названием «Попить чайку», заключающийся в том, что психолог берёт тайм-аут, часто даже в начале процесса взаимодействия с тем, чтобы совершить какие-либо «необходимые» действия, понятные несовершеннолетнему в своей обыденности, например, полить растения или действительно выпить чаю (управление вниманием и нейтрализация межгрупповых границ); приём с условным названием «Компетенция» заключается в том, что в контексте беседы психолог находит возможность для вопросов, на которые несовершеннолетний может толково, с пониманием дела ответить и поделиться своей осведомлённостью с искренне заинтересованным слушателем (баланс инициатив, управление вниманием); приём с условным названием «У меня такое было!» заключается в том, что в общую беседу встраивается рассказ, интересный случай с достаточно распространённым сюжетом, задействующим желание поделиться чем-то аналогичным (управление вниманием, нейтрализация межгрупповых границ); приём с условным названием «Нехорошее слово» заключается в том, что психолог вызывается произнести слово, табуирование которого у несовершеннолетнего блокирует рассказывание об обстоятельствах расследуемого дела; приём с условным названием «Домик», когда имеющиеся в наличии предметы используются для символического создания ограниченного, комфортного ребёнку пространства [10].

Библиографические ссылки

1. Аксенова Л. Ю. Тактические и психологические аспекты допроса // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. Т. 24, № 1(76). С. 111–117. Doi: 10.24411/1999-6241-2019-11016.
2. Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступника и расследования преступлений. М. : Юристъ, 1996. 336 с.
3. Елагина Е. В., Григорян Г. С. Криминалистические и процессуальные аспекты привлечения педагога и психолога к производству следственных действий с участием несовершеннолетних // КриминалистЪ. 2010. № 2 (7). С. 66–70.

4. Кертэс И. Тактика и психологические основы допроса. М. : Книга по требованию, 2012. 166 с.
5. Лифанова М. В. Участие педагога и психолога в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого // Эксперт-криминалист. 2011. № 3. С. 18–19.
6. Лукьянченко Н. В. Возможности прикладной социальной психологии в оптимизации работы служб сопровождения (на примере взаимодействия с родителями детей, имеющих особенности развития) // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6, № 2. С. 117–131.
7. Марковичева Е. В., Татьяна Л. Г. Проблемы участия педагога и психолога в уголовном процессе // Вестник Удмурт. ун-та. 2017. Т. 27, № 2. С. 133–138.
8. Осорина М. В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб. : Питер, 2016. 304 с.
9. Петровская М. С. Роль педагога и психолога при производстве следственных действий по делам с участием несовершеннолетних и пути ее активизации // Вестник СамГУ. 2015. № 11 (133). С. 255–261.
10. Поршнева Б. Ф. Социальная психология и история. М. : Букинист, 1979. 155 с.
11. Психолог – помощник следователя. Работа психолога на следственных действиях с детьми, пострадавшими от сексуального насилия и иных действий сексуального характера. Психологическая реабилитация потерпевших несовершеннолетних и членов их семей : метод. пособие / Е. В. Копосова [и др.]. СПб. : Лема, 2015. 150 с.
12. Ромек В. Г. Поведенческая психотерапия. М. : Академия, 2002. 192 с.
13. Фомина И. А., Горбачева Е. В. Отдельные аспекты участия педагога и психолога в тактике допроса несовершеннолетнего // Сибирский юридический вестник. 2018. № 3 (82). С. 94–99.
14. Gross E., Stone G. P. Embarrassment and the analysis of role requirements // American Journal of Sociology. 1964. Vol. 70, No. 1. P. 1–15.
15. Popovic M. Bowen Family Systems Theory: A Practice-Oriented Approach // Marriage and Family Therapy. 2018. No. 12. P. 44–393. Doi: 10.1891/9780826161253.0003.

© Захарова Л. С., Лукьянченко Н. В., 2021

УДК 159.923:316.6

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В ИСКУССТВЕ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ

В. Н. Кивайко

*доцент, Институт государственной службы
Академии управления при Президенте Республики Беларусь,
г. Минск, Республика Беларусь
E-mail: k.v.n60@mail.ru*

Дается системный анализ психологических приемов и методов воздействия в системе управления и принятия управленческих решений.

Ключевые слова: психологическое воздействие, решение, искусство управления, методы воздействия, профессионализм.

PSYCHOLOGICAL IMPACT IN THE ART OF PERSONNEL MANAGEMENT

The article deals with system analysis of methods and types of influence in the field of management and administrative decisions

Keywords: psychological influence, decision, ethics of management, methods of influence, professional skills.

Психологическое воздействие представляет собой особый вид деятельности руководителя, а искусство управления зависит от многих факторов: от положения дел в управляемой сфере, от состояния трудового коллектива, от кадрового обеспечения и т. д. Кроме того, управление предъявляет особые требования к личностным качествам, умственным способностям руководителя, умениям прогнозировать и анализировать складывающиеся управленческие ситуации.

Искусство – высшая степень умения, мастерства в любой сфере человеческой деятельности, но искусство человеческого общения – это особо сложная и ответственная сфера бытия.

Искусство управления обязательно имеет в основе талант, оригинальность, самобытность личности. Но любое воздействие одного человека на другого должно осуществляться с гуманной целью, с полным пониманием силы умения за свои действия перед обществом и персоналом, которым ты управляешь. Экспериментировать над людьми ради любопытства, особенно неподготовленными, категорически запрещено.

Отдавая должное актуальности, важности и силе психологического воздействия в управлении, следует объективно признать, что любой метод требует десятка советов – как практически применять эти методы в жизни, как подчинить эмоции разуму и правильно использовать приобретённые теоретические знания.

Сложны как сами методы управления, так и их практическая реализация.

Методы искусства управления универсальны, т. е. пригодны для применения в различных ситуациях, от публичного выступления до уровня межличностных отношений.

Во многих сферах человеческой деятельности мастерски отработаны приёмы воздействия на оппонента: в педагогике, криминалистике, медицине и конечно же в управлении.

Общим для любых методов воздействия является необходимость тщательной подготовки управляющего воздействия: определение цели, изучение психологических особенностей оппонента, его интеллектуальный облик и другие важные и второстепенные факторы [4].

Важное условие воздействия на личность является создание благоприятной психологической атмосферы. Методы подавления младшего старшего, основанные на грубости, применении насилия, не приведут к постановочной цели.

Методологической основой успешных воздействий является продуманный в деталях логический план ведения разговора.

Одними из основных методов воздействия являются:

Метод Сократа. Этот метод используется, когда аудитория враждебно настроена к оратору. Оратор не спешит с чёткой формулировкой своего тезиса и приводит к нему оппонента медленно, построив логическую цепочку рассуждений. Оппонент, подготовленный к спору, и настроенный весьма осторожно, соглашаясь в начале диалога с очевидными мыслями Сократа, успокаивался, его возбуждение падало, как и способность спорить с очевидными на первый взгляд истинами.

Метод трёх раундов. В первой части диалога вы коротко излагаете суть проблемы или ситуации, соглашаясь с доводами вашего, скажем, руководителя и вызывая у него положительные реакции. Во втором раунде вы даёте несколько альтернативных вариантов решения проблемы, упомянув в том числе и свой, желанный. И в третьем раунде, когда сам оппонент поймёт, что навязчиво упомянутый вами вариант лучший, нужно согласиться с ним.

Метод Штирлица. Суть этого метода: во время частного разговора или на совещании нужно ненавязчиво, как бы вскользь, среди других вариантов решения упомянуть свой и немедленно «забыть» его. Ваш начальник сразу оценит разумность вашей мысли (если она таковой является) и потом, продумав её, значительно расширив, выдаст как свою. Человеку свойственно больше доверять идеям, родившимся в собственной голове, чем чужим.

Метод «лягушка в сметане». Смысл метода состоит в категорической рекомендации никогда, ни при каких, даже самых сложных, безвыходных (на первый взгляд) ситуациях не опускать руки, нужно искать решение проблемы, обдумывать различные варианты и быть уверенным, что выход будет найден.

Метод «S». Метод установления аттракции между людьми, основанный на влечении между мужчиной и женщиной. Интуитивно, неосознанно, его применяют и знают все крупные государственные деятели, актёры.

Каждая женщина охотнее выполнит задание, просьбу воспитанного, корректного начальника.

Ещё одним методом воздействия является информационное воздействие. Управленческая информация имеет ряд особенностей:

- она должна обрабатываться в сжатые сроки;
- информация подвергается неоднократной обработке;
- исходные результаты хранятся длительное время;
- оптимальный способ хранения информации – создание баз данных [1].

Эффективное управление невозможно без достоверной, объективной информации, и фактической властью обладает тот, кто хорошо информирован.

Восприятие подчинёнными внешних воздействий зависит от различий их психологических структур. Разные люди (и даже один человек в разное время) могут реагировать по-разному на одинаковые воздействия. Руководитель, отдавая распоряжения сотруднику, рассчитывает, что оно будет выполнено к определённому сроку и с определённым результатом. Если же его не удовлетворяет деятельность подчинённого по какому-либо из контролируемых параметров, он может посчитать того бездельником или неспособным работником. Подчинённый, в свою очередь, может представить в оправдание объективные объяснения. Мнение руководителя при этом может оказаться ошибочным, оправдание подчинённого – несерьёзным: первый избрал способ воздействия, не соответствующий ожиданиям и особенностям второго, который, в свою очередь, использовал в качестве средства психологической защиты все приёмы с целью избежать ущерба для чувства собственного достоинства и самоуважения.

Важно подчеркнуть, что это не способы достижения желаемой цели, а способы организации частичного и временного душевного равновесия с тем, чтобы собрать силы для реального преодоления возникших трудностей, т. е. разрешения конфликта соответствующими поступками. В этом случае люди по-разному реагируют на свои внутренние трудности. Одни, отрицая их существование, подавляют склонности, которые доставляют им неудобства, и отвергают некоторые свои желания как нереальные и невозможные. Приспособление в этом случае достигается за счёт изменения восприятия. Сначала, человек отрицает то, что не желательно, но постепенно может привыкнуть к такой ориентации, действительно забыть болезненные сигналы и действовать так, как если бы их не существовало. Другие люди преодолевают конфликты, пытаясь манипулировать беспокоящими их объектами, стремясь овладеть событиями и изменить их в нужном направлении. Третьи находят выход в самооправдании и снисхождении к своим побуждениям, а четвёртые прибегают к различным формам самообмана. Личностям с особенно жёсткой системой принципов поведения было бы особенно трудно и подчас невозможно действовать в разнообразной и изменчивой среде, если бы защитные механизмы не оберегали их психику.

К механизмам психологической защиты относят обычно отрицание, вытеснение, проекцию, идентификацию, рационализацию, включение, замещение, отчуждение и другие.

Будучи существом социальным, сознательным и самостоятельным, человек способен разрешать внутренние и внешние конфликты, бороться с тревогой и напряжением не только автоматически (бессознательно), но и руководствуясь специально сформулированной программой.

В защитных процессах участвуют все психические функции, но каждый раз одна из них может доминировать и брать на себя основную часть работы по преобразованию травмирующей информации. Это могут быть восприятие, внимание, память, воображение, мышление, эмоции [2].

Таким образом, забывается не само событие (действие, переживание, ситуация), а только его причина, первооснова. Забыв истинный мотив, человек заменяет его ложным, скрывая настоящий и от себя, и от окружающих. Ошибки припоминания, как следствие вытеснения, возникают из-за внутреннего протеста, изменяющего ход мыслей. Вытеснение считается самым эффективным защитным механизмом, поскольку оно способно справиться с такими мощными инстинктивными импульсами, с которыми не справляются другие формы защиты. Однако вытеснение требует постоянного расхода энергии, и эти затраты вызывают торможение других видов жизненной и профессиональной активности.

Самым простым и довольно часто встречающимся видом переноса является вымещение – подмена объектов изливания накопившейся негативной энергии «танатоса» в виде агрессии, обиды [3].

Например, если субъект или объект, с которым связывали удовлетворение ваших потребностей и желаний, является недоступным для вас, то вы переносите все ваши чувства и возможности удовлетворения потребностей на другого человека, при этом надо знать, что:

- понимание одного человека другим не бывает полным, всецело достоверным;
- самооценка человека всегда субъективна;
- содержание управленческой информации (постановления, приказы, распоряжения, инструкции) имеет объективную тенденцию к изменению смысла в процессе движения по ступеням иерархической лестницы;
- сохранение личного статуса, личностной состоятельности, собственного достоинства человека является ведущим мотивом социального поведения членов коллектива;
- при высоком уровне стимулов к работе или высоких требованиях среды к человеку нехватка каких-либо способностей для успешного осуществления конкретной деятельности возмещается другими способностями или навыками и умением работать.

Таковы некоторые особенности, определяющие характер межличностных взаимоотношений в процессе управления.

Таким образом, защитные механизмы играют, конечно, дезадаптивную роль, так как по своей природе они искажают восприятие реальности, но они могут рассматриваться и как адаптивные, охраняющие не только самоуважение человека, но помогающие ему справляться с жизненными трудностями. Они часто подсказывают возможные решения проблем, а также дают передышку и убежище от неприятностей, избежать которых у человека нет реальной возможности. В управленческой деятельности необходимо обеспечить организацию такого рода воздействий, которые способствовали бы всестороннему развитию личности, т. е. формированию у нее высоких нравственных качеств, творческого сознания и самосознания, стремления к постоянному совершенствованию навыков и умений, созданию благоприятной психологической атмосферы в коллективе.

Библиографические ссылки

1. Кремень М. А. Психология и управление : сб. науч. тр. АУ при Президенте РБ. Вып. 1. Минск, 2001. С. 368–382.
2. Менеджмент : теория и практика в России : учебник / под ред. А. Г. Поршнева, М. Л. Разу, А. В. Тихомировой. М. : ИД ФБК-ПРЕСС, 2003.
3. Основы психологии и педагогики : практикум для студентов всех специальностей и всех форм обучения / И. Г. Шупейко, А. Ю. Борбот, Е. М. Доморацкая, Д. А. Пархоменко. Минск : БГУИР, 2008.
4. От отрицания до сновидений: так работает психологическая защита [Электронный ресурс] // Элитариум URL: http://www.elitarium.ru/2007/07/16/priemy_psikhologicheskoy_zashhity.html (дата обращения: 21.10.2020).

© Кивайко В. Н., 2021

УДК 159.9

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ЛИЧНОСТИ ЛАНДШАФТНОГО АРХИТЕКТОРА В КОНТЕКСТЕ ЕЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРОДУКТИВНОСТИ

Н. А. Красноперова¹, В. Е. Чех²

¹доцент, ²студент, Сибирский государственный университет
науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева,
г. Красноярск, Российская Федерация
E-mail: krasnoperovanina@inbox.ru ,
E-mail: chekh.vika.chekh@mail.ru

В профессиональной деятельности ландшафтного архитектора особое значение приобретает не только владение разнообразными универсальными, общепрофессиональными и профессиональными компетенциями, но и наличие определенных личностных качеств. Студенту как будущему профессионалу в этой сфере особенно важно знать о психологических требованиях данной профессии, развивать соответствующие личностные качества. Такая постановка вопроса требует анализа соответствия личностных качеств студента выбранной им профессии, обеспечивая тем самым формирование у него такого отношения к своей будущей профессиональной деятельности, которое бы определило его ценностные ориентиры на личностное саморазвитие и самосовершенствование.

Ключевые слова: студент, ландшафтный архитектор, дизайнер, городская среда, компетенции, классификация профессий, акцентуация.

PSYCHOLOGICAL REQUIREMENTS FOR THE PERSONALITY OF A LANDSCAPE ARCHITECT IN THE CONTEXT OF ITS PROFESSIONAL PRODUCTIVITY

In the professional activity of a landscape architect, not only the possession of a variety of universal, general professional and professional competencies, but also the presence of certain personal qualities, acquires particular importance. It is especially important for a student as a future professional in this field to know about the psychological requirements of this profession, to develop the appropriate personal qualities. This formulation of the question requires an analysis of the correspondence of the student's personal qualities to the profession he has chosen, thereby ensuring the formation of such an attitude towards his future professional activity that would determine his value guidelines for personal self-development and self-improvement.

Keywords: student, landscape architect, designer, urban environment, competencies, classification of professions, accentuation.

Одним из национальных приоритетов России является развитие жилья и городской среды. В Указе Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» отражены механизмы развития комфортной городской среды и комплексного развития городов, что поможет повысить качество жизни людей, сделать удобными их привычные маршруты и места отдыха.

Значимым направлением развития современной городской среды является грамотная модификация ландшафта для единения людей с природой, для прогулок и отдыха в свободное время во дворах или городских парках. Это предусматривает Федеральный проект «Городская среда», направленный на благоустройство, как общих придомовых территорий,

так и мест массового отдыха, создание парковых зон, озеленение дворов, установку детских и спортивных площадок и т. д. Главная цель проекта – повысить качество городской среды, сделать парки современными, красивыми и комфортными, поскольку это повышает настроение, работоспособность и самочувствие наряду с удовлетворённостью качеством жизни и окружающего пространства [3].

Большую значимость в контексте вышеизложенного приобретает ландшафтная архитектура: целое искусство, которое включает в себя зеленые насаждения и строительные объекты, соединяющиеся в одну целостную композицию и отражающие видение архитектора. Невозможно переоценить значимость данного направления в современном обществе, потому что ландшафтная архитектура – это основа естественной среды обитания человека, в которую должна «встраиваться» вся необходимая инфраструктура. Важной задачей является сохранение естественных, культурных ландшафтов на различных территориях, не только в населенных пунктах, но и на нетронутых человеком пространствах. Ландшафтные архитекторы со своей безграничной фантазией помогают внести в нашу жизнь новые краски, улучшить настроение и общее эмоциональное состояние путем естественной природной красоты – ландшафтотерапии.

Ландшафтная архитектура как специальность является в настоящее время актуальной и востребованной. Специалисты в этой области проектируют красивейшие парки в городе, определяют виды растительности, которые необходимо высаживать на той или иной территории, разрабатывают планы по озеленению территории жилых комплексов. В общем и целом, ландшафтный архитектор работает над всеми типами сооружений и внешнего пространства, как небольшого, так и более масштабного, городского, пригородного и даже сельского. Для того, чтобы стать успешным в этой области, необходимо иметь предрасположенность к такой тонкой и ответственной работе. К любой профессии существуют определенные требования и ландшафтная архитектура не исключение.

Опираясь на вышеизложенное, определим основные задачи данной исследовательской работы: проанализировать ФГОС 3++ по направлению подготовки 35.03.10 Ландшафтная архитектура, профессиональный стандарт, требования к личностным качествам специалиста; обозначить тему акцентуации и соответствия профессии разным типам акцентуаций личности; провести диагностическое исследование среди студентов 1 курса данного направления обучения.

Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования (ФГОС 3++) по направлению подготовки 35.03.10 Ландшафтная архитектура (уровень высшего образования – бакалавриат), утвержденный приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 01.08.2017 № 736, устанавливает ряд универсальных и общепрофессиональных компетенций, необходимых современному ландшафтному архитектору [1]. Бакалавр должен:

- обладать системным и критическим мышлением, чтобы осуществлять поиск, критический анализ и синтез информации, применять системный подход для решения поставленных задач (УК-1);
- разрабатывать и реализовывать проекты, чтобы определять круг задач в рамках поставленной цели и выбирать оптимальные способы их решения, исходя из действующих правовых норм, имеющихся ресурсов и ограничений (УК-2);
- уметь работать в команде и проявлять лидерство, чтобы осуществлять социальное взаимодействие и реализовывать свою роль в команде (УК-3);
- выстраивать коммуникации, чтобы осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах на государственном языке Российской Федерации и иностранном(ых) языке(ах) (УК-4);
- осуществлять межкультурное взаимодействие, чтобы воспринимать межкультурное разнообразие общества в социально-историческом, этическом и философском контекстах (УК-5);

– заниматься самоорганизацией и саморазвитием (в том числе здоровьесбережением), чтобы управлять своим временем, выстраивать и реализовывать траекторию саморазвития на основе принципов образования в течение всей жизни (УК-6); поддерживать должный уровень физической подготовленности для обеспечения полноценной социальной и профессиональной деятельности (УК-7);

– соблюдать безопасность жизнедеятельности, чтобы создавать и поддерживать безопасные условия жизнедеятельности, в том числе при возникновении чрезвычайных ситуаций (УК-8).

Установленные в образовательном стандарте общепрофессиональные компетенции направлены на развитие способностей решать типовые задачи профессиональной деятельности, использовать нормативные правовые акты, создавать и поддерживать безопасные условия, реализовывать современные технологии, участвовать в проведении экспериментальных исследований, использовать базовые знания экономики.

Профессиональный стандарт «Ландшафтный архитектор» [2] отражает трудовые функции и их описание (функциональная карта вида профессиональной деятельности), трудовые действия, необходимые умения и знания. Одной из значимых трудовых функций является руководство работниками ландшафтно-архитектурного подразделения организации, требующее знаний и умений формировать психологический климат в трудовом коллективе, владения принципами и методами управления, а, следовательно, и определенных личностных качеств, способствующих эффективному взаимодействию с людьми.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что требований к ландшафтному архитектору очень много и это лишь маленькая часть всего того, что ждет выпускников вузов. Достичь успеха в этой области может не каждый, даже овладев всеми возможными навыками и соблюдая все требования. Ландшафтный архитектор должен не только уметь владеть программами, уметь анализировать информацию, но и должен обладать определенными личностными качествами.

Требования к личностным качествам специалиста той или иной области отражены в разных классификациях. Наиболее популярной и распространенной в практической психологии и педагогике является классификация профессий, разработанная Е. А. Климовым [4]. В основу классификации профессий положен критерий «объекта труда», т. е. того, на что или на кого направлена активная, преобразующая деятельность человека-профессионала. Выделяются пять основных объектов профессиональной деятельности человека (природа, техника, человек, знаковая система и художественный образ) и, соответственно, пять профессиональных сфер: «человек–природа», «человек–техника», «человек–человек», «человек–знак» и «человек–художественный образ».

Однако современные профессии сложны и многофункциональны. Не всегда ту или иную профессию можно отнести к той или иной группе профессий по классификации Е. А. Климова. Есть профессии, которые являются смежными и находятся «на стыке» различных профессиональных областей. Профессии дизайнерской направленности, в том числе, ландшафтную архитектуру, можно отнести к категории смежных, находящихся на пересечении различных профессиональных сфер. Так, дизайнер (ландшафтный архитектор) должен обладать интуицией, способностью к вероятностному мышлению, умением строить прогноз относительно роста и развития живых объектов природы, способностью проявлять инициативу и самостоятельность, а также заботливость и высокую работоспособность, что соответствует сфере профессий «человек–природа»; иметь одаренность, знания, опыт и навыки, соответствующие профессиональной сфере «человек–художественный образ». Кроме того, он должен хорошо знать компьютер и его возможности, а также иметь технические знания (сфера «человек–техника»). И, безусловно, он должен уметь общаться с клиентами, а, следовательно, должен быть оснащен навыками и умениями, обеспечивающими успех в профессиональной области «человек–человек» [5]. Успех в таких профессиях связан с наличием у работника разносторонней одаренности. Ландшафтному архитектору важно обладать

определенными ярко выраженными чертами характера, составляющими ядро, стержень личности.

В соответствии с концепцией «акцентуированных личностей» Карла Леонгарда, выдающегося немецкого психиатра и психолога, личности со значительной выраженностью основных черт характера названы акцентуированными. Эти черты определяют ее развитие, процессы адаптации, психическое здоровье. Это случай «заострения», предельной выраженности определенных, присущих каждому человеку особенностей. По К. Леонгарду, в акцентуированных личностях потенциально заложены как возможности социально положительных достижений, так и социально отрицательный заряд. Наиболее существенный вклад в разработку данного вопроса был внесен А. Е. Личко, видным российским психиатром, одним из основоположников отечественной подростковой психиатрии, автором типологии акцентуированных личностей, который каждый тип охарактеризовал с точки зрения определенных черт характера и склада ума, способности к определенной деятельности, профессиональных возможностей, содержания увлечений.

Акцентуация – это находящаяся в пределах нормы особенность характера, высокая выраженность отдельных черт и их сочетаний, представляющая крайний вариант нормы; чрезмерная интенсивность (или усиление) индивидуальных черт характера человека, которая подчеркивает своеобразие реакций человека на воздействующие факторы или конкретную ситуацию. В зависимости от уровня выраженности выделяют две степени акцентуации характера: явную и скрытую. Явная акцентуация относится к крайним вариантам нормы, отличается постоянством черт определенного типа характера. При скрытой акцентуации черты определенного типа характера выражены слабо или не проявляются совсем, однако могут ярко проявиться под влиянием специфических ситуаций [6].

Люди с конкретными чертами и конкретными типами акцентуаций могут иметь все шансы на успех в области ландшафтной архитектуры. В экспериментальном исследовании участвовали студенты 1 курса СибГУ им. М. Ф. Решетнева, обучающиеся по специальности «Ландшафтная архитектура» (27 человек). Была проведена диагностика типов акцентуаций с использованием личностного опросника Г. Шмишека, состоящего из 88 вопросов, на которые требуется ответить «да» или «нет». Данный опросник позволяет определить следующие типы акцентуаций характера: демонстративный, педантичный, «застревающий», возбудимый, гипертимический, дистимический тревожно-боязливый, циклотимический, аффектно-экзальтированный, эмотивный. Вместе с тем, в опроснике выделены привлекательные и отрицательные черты каждого типа акцентуаций, наиболее благоприятные и конфликтные ситуации для них.

Также была осуществлена оценка степени соответствия профессии разным типам акцентуаций личности по методике И. Л. Соломина [7], в соответствии с которой в зависимости от выявленного типа акцентуации можно рекомендовать или не рекомендовать для профессионального обучения и деятельности данную профессию. Архитектор, согласно методике И. Л. Соломина, относится к типу профессий «человек-искусство», классу творческих, рекомендуется людям с демонстративным, педантичным и гипертимным типом акцентуаций. Данная профессия противопоказана людям с дистимическим и возбудимым типом акцентуации характера вследствие повышенной вероятности затруднений в процессе обучения и профессиональной деятельности. Остальные вполне могут выбрать данную профессию, особенно, при наличии интересов или других соответствующих этой профессии способностей.

В итоге были получены следующие данные: демонстративный тип акцентуации характера выявлен у 18 % респондентов, гипертимный – у 11 %, педантичный – не выявлен. Однако тенденция к данным типам акцентуации значительно выше: демонстративный – 33 %, гипертимный – 25 %, педантичный – 14 %. Можно заключить, что большинству студентов рекомендована специальность ландшафтная архитектура.

Студентов с дистимическим типом акцентуации характера не выявлено, с возбудимым – только 3 %. Тенденция к развитию данных типов акцентуации наблюдается у 18 и 22 %

студентов соответственно. Противопоказания к работе в этой сфере имеют незначительное количество опрошенных. Сомнения вызывают те студенты, которые находятся сейчас в категории потенциального развития тенденции.

Интерес представляет группа обучающихся, для которых выбранная профессия вполне может стать успешной, если проявятся интерес или соответствующие этой профессии способности. Это респонденты с застревающим (7 %), тревожно-боязливым (14 %) и эмотивным (11 %) типом акцентуации характера. Тенденции к развитию данных типов акцентуации наблюдаются у 33, 11 и 51 % студентов соответственно.

Представленное исследование ни в коей мере не претендует на исключительность и абсолютную точность, поскольку погрешность может заключаться в ответах самих испытуемых, отражающих насколько адекватна их оценка предложенных утверждений в личностном опроснике Шмишека. Однако с большой вероятностью можно предположить, что большинство обучающихся по направлению подготовки «Ландшафтная архитектура» вполне соотносят свой выбор будущей профессиональной деятельности со своими существующими на данный момент времени способностями и потребностями; другая часть обучающихся может доработать свои потенциальные способности в процессе обучения и быть достаточно успешными в будущей профессии; незначительное количество обучающихся может ожидать разочарование в выбранной профессии из-за недостаточно представленных способностей и отсутствия особого интереса. Тем не менее, хочется пожелать всем обучающимся будущим ландшафтными архитекторам успехов в освоении этой очень интересной профессиональной деятельности и дальнейшей реализации в этой области.

Библиографические ссылки

1. ФГОС специальности 35.03.10 «Ландшафтная архитектура» [Электронный ресурс]. URL: <https://classinform.ru/fgos/35.03.10-landshaftnaia-arhitektura.html> (дата обращения: 03.11.2020).
2. Об утверждении профессионального стандарта «Ландшафтный архитектор» [Электронный ресурс] : приказ Минтруда РФ от 29.01.2019 № 48н (Зарегистрировано в Минюсте РФ 26.02.2019 № 53896). URL: <https://minjust.consultant.ru/documents/42122> (дата обращения: 03.11.2020).
3. Городская среда [Электронный ресурс]. URL: <https://fb.ru/article/444172/gorodskaya-sreda---eto-chto-takoe-osnovnyie-ponyatiya-i-opredelenie> (дата обращения: 03.11.2020).
4. Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 4-е изд. стереотип. М. : Академия, 2010. 304 с.
5. Красноперова Н. А. Психологическое обеспечение профессиональной деятельности : учеб. пособие / СибГТУ. Красноярск, 2013. 105 с.
6. Общая психология и психология личности / под ред. А. А. Реана. М. : АСТ : АСТ МОСКВА ; СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2009. 639 с.
7. Соломин И. Л. Современные методы психологической экспресс-диагностики и профессионального консультирования. СПб. : Речь, 2006. 171 с.

© Красноперова Н. А., Чех В. Е., 2021

УДК 316.354; 316.344.8; 316.728

ВЛИЯНИЕ COVID-19 НА ИЗМЕНЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ ГОСТЕЙ И СПЕЦИАЛИСТОВ ПРЕДПРИЯТИЙ СПА-ИНДУСТРИИ

Е. А. Кудрявцева

*руководитель спа ООО «ОТЕЛЬ Менеджмент»,
аспирант, Российский государственный педагогический
университет имени А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: eakudryavtseva@yandex.ru*

Анализируются изменения характеристик особых контактных сервисов в области веллнесс. Уточняются основания требований клиентов спа-сервиса и делается вывод об изменении идентичности клиентов как пользователей различных сервисов в пост-COVID-19 период. На основании оценки смещения идентичности клиентов обсуждается вопрос о проблемах профессиональной и корпоративной идентичности сотрудников. Предложена модель формирования организационно-профессиональной идентичности сотрудников спа-предприятий.

Ключевые слова: лояльность клиентов, идентичность клиента, идентичность сотрудника, спа-предприятие, контактный персонал.

THE IMPACT OF COVID-19 ON CHANGING THE IDENTITY OF SPA GUESTS AND PROFESSIONALS

The paper analyzes changes in characteristics of special contact services in the wellness area. The reasons for the requirements of spa service customers are specified and a conclusion is made about the change in the identity of customers as users of various services in the post-COVID-19 period. Based on the assessment of customer identity bias, the issue of problems of professional and corporate identity of employees is discussed. The model of formation of organizational and professional identity of spa employees is proposed.

Keywords: customer loyalty, customer identity, employee identity, spa business, contact staff.

Пандемия COVID-19 оказала воздействие на восприятие людьми как непосредственных условий жизни (социальная дистанция, ограничение контактов, ограничение участия в мероприятиях), так и самих себя (социальных ролей, стиля жизни, ценностей и установок). Эти изменения наиболее заметны в зоне так называемых контактных сервисов – сфере предоставления и получения услуг, связанных с непосредственным контактом персонала и клиента, особенно в области веллнесс (красота, здоровье, здоровый образ жизни) [3]. Мы показываем, что область веллнесс является зоной быстрых изменений идентичности клиентов. Эти изменения необходимо поддерживать и развивать столь же стремительными изменениями идентичности персонала организаций, предоставляющих соответствующие услуги.

Идентичность клиента, его понимание себя через идентификацию с представителями тех или иных групп или носителями тех или иных ролей является основой его потребительского поведения [7]. В то же время контекст получения услуги существенно влияет на самоидентификацию потребителя, так как может актуализировать его ассоциации с новыми социальными ролями и сообществами [2]. Идентичность клиента, развиваемая через потребление конкретных услуг, оказывается под воздействием двух факторов: характеристик бренда, который потребляет клиент и характеристик персонала, непосредственно оказывающего услу-

гу. Наша основная гипотеза заключается в том, что идентичности клиентов и сотрудников тесно связаны друг с другом и изменения в структуре одной идентичности неизбежно приводят к изменениям другой. Эти изменения не заметны сразу, но трансформируются в значимое для организации поведение, позитивное и негативное (лояльность, текучесть как клиентов так и персонала).

Период пандемии привел к переосмыслению самоидентификации большинства людей, изменив систему ценностей в область приоритетов здоровья и семьи, что имеет не только позитивные результаты, но и негативные последствия [1]. В частности, снижается доверие и растет тревожность, актуализируются консервативные установки как на внутриличностном, так и на межличностном, групповом, межгрупповом и социальном уровнях. Такие изменения приводят к формированию новых конструкций структуры идентичности личности, что неизбежно проявляется в специфике ее выбора в разных социальных ситуациях, как в бытовых, так и в профессиональных. Для того чтобы проследить эти изменения, необходимо их наблюдать непосредственно, а не полагаться на отсроченное анкетирование [9].

После выхода из локдауна летом-осенью 2020 года компании, работающие в области веллнесс, в частности, спа-предприятия, столкнулись с новыми для себя клиентскими запросами и претензиями. Их анализ позволяет пролить свет на сдвиг идентичности клиентов, произошедший за этот период.

Прежде всего, люди, посещающие спа-предприятия, следуют общему мировому тренду: локализация затрат в области отдыха в зоне локальных путешествий (семейный и компанийский отдых) [14]. Не уезжая далеко, они, тем не менее, сохраняют идентичность «человека на отдыхе», воспроизводя типичные формы поведения, опыт которых получен в условиях курортного отеля, предполагающего большую свободу форм самовыражения. Происходит перенос идентичности в условия, в которых она не может быть реализована, так как спа-предприятие действует в системе жестких юридических, санитарных и организационных норм, близких к нормам медицинского учреждения.

Вторым направлением смещения идентичности клиентов является их все большая идентификация с героями веллнесс видео, объем потребления которого вырос в 2020 году в 5–6 раз [10]. Даже те клиенты, которые не имеют развернутого опыта курортного потребления, идентифицируют себя с активными пользователями спортивного оборудования, даже не имея реального опыта взаимодействия с ним. Это создает трудности при взаимодействии с такими клиентами, так как они не склонны воспринимать персонал в качестве специалистов, регулирующих поведение, скорее принимают их за обслуживающий персонал.

Третьим обстоятельством, несомненно, выступает самоидентификация клиента в качестве человека, адаптированного к новой реальности, ответственно относящегося к непосредственным формам взаимодействия и предпочитающим онлайн-сервисы [12].

Указанные изменения приводят к тому, что отдельные компоненты клиентской идентичности конфликтуют между собой, формируя новые вызовы персоналу спа-предприятия. Персонал (по мнению клиентов) должен быть одновременно строгим (в соблюдении правил и следовании нормам в отношениях с другими клиентами) и мягким (по отношению к слабостям конкретного клиента), профессиональным (мгновенно реагировать на нестандартные и экстремальные ситуации) и незаметным (не мешать клиенту развлекаться), ориентированным на мировые стандарты обслуживания (предупредительность, вежливость, уважение) и готовым к резкому сокращению психологической дистанции. Эти противоречивые требования, предъявляемые одновременно одними и теми же лицами, несомненно, свидетельствуют о кризисе их идентичности. Задачей специалистов спа-предприятия, следовательно, является помощь клиенту в структурировании и развитии его идентичности, что, в конечном итоге, должно привести к переменам и в образе жизни клиента в целом [11]. Эта задача оказывается не столь простой в исполнении, так как и в идентичности специалистов спа-предприятий возникает все больше проблем.

В первую очередь, сложности идентичности специалистов связаны с тем, что спа-индустрия является не до конца институализированной профессиональной областью, включая

в себя таких разных специалистов как медицинские специалисты, спортивные тренеры, спасатели, специалисты в области косметологии. Такое разнообразие приводит к тому, что профессиональная идентичность, сформированная у этих специалистов в процессе образования и подтвержденная разнообразным профессиональным опытом, вступает в противоречие с корпоративной идентичностью, основанной на единстве подходов к работе с клиентами и в команде коллег. Такое противоречие давно исследуется [5], однако, в условиях спа-предприятия оно институционально обострено. Следствием этого противоречия является построение разных по структуре, направленности и содержанию отношений между специалистом и клиентом, так как каждый специалист формирует эти отношения исходя из привычной ему роли. Клиент ставится в ситуацию приписывания ему в рамках этих отношений набора ролей, которые сложно сочетаются друг с другом (гость, пациент, отдыхающий и т. п.). Нечеткость в ролевой ориентации со стороны персонала приводит к тому, что в конкретной ситуации клиент выбирает ту роль, которая ему ситуационно комфортна, что, в свою очередь, приводит к конфликтам: клиенты конфликтуют с другими клиентами, с сотрудниками, сотрудники конфликтуют между собой.

Мы исходим из того, что изменения социальных отношений под влиянием эпидемии COVID-19, приводит к изменениям в зоне отношений между клиентом и характеристиками сервиса. Еще недавно бренды воспринимались как своеобразные «точки сборки» потребительской идентичности, но в настоящее время такими «точками сборки» становятся системы коммуникации и области построения отношений, в которых ведущая роль принадлежит конкретным людям, как клиентам, так и конкретным сотрудникам. В связи с этим необходимо пересматривать концептуальные модели формирования идентичности сотрудников, прежде всего – корпоративной. Она не должна входить в противоречие с профессиональной [4], и может быть сформирована только во взаимодействии с клиентами, в поддержании их идентичности, совпадающей с характеристиками ценности бренда.

Развитие идентичности сотрудников спа-предприятий связано с преодолением нескольких барьеров. Эти барьеры сформированы, в том числе, фактом принадлежности предприятия к более масштабному сервису, к которым может относиться курорт, бизнес отель, медицинский центр. Каждый из перечисленных сервисов имеет свои инструменты поддержания собственной институционализации и формирует специфическую для себя идентичность сотрудников. Клиенты, пользующиеся услугами спа-предприятий, в свою очередь, лишены стартовой идентификационной однозначности, так как они постоянно находятся в зоне идентификационного выбора: процесс идентификации может быть основан как на характере получаемой услуги, так и на специфике условий ее предоставления. Таким образом, неопределенность клиентской идентичности возникает задолго до контакта клиента с конкретным сотрудником. Другим барьером выступают барьеры профессиональной идентичности дифференцированных профессиональных групп. Как показывают исследования, даже среди медиков разных специализаций имеются существенные различия структуры профессиональной идентичности [6]. Еще большие различия наблюдаются между специалистами, имеющими медицинскую, педагогическую и техническую подготовку, равно как и между специалистами, профессиональная деятельность которых обусловлена получением образования разных уровней подготовки.

В ситуации стресса и неопределенности идентичность сотрудника определяется его личным ролевым выбором, точно так же, как идентичность клиента, не имеющего четких ситуационных ориентиров. Как правило, только групповые действия в сложных ситуациях позволяют сотрудникам удержать корпоративную идентичность без конфликта с профессиональной. Практика показывает, что это случается в ситуации острого конфликта с клиентом, настаивающем на том варианте собственной идентичности, которая входит в противоречие с условиями реализации услуг в конкретном спа-предприятии. Так как в этих конфликтных ситуациях вследствие включения многих коллег действия сотрудников становятся максимально осознанными, мы полагаем, что различные индивидуальные и групповые практики развития осознанности могут стать не только основой преодоления рабочего стресса, но и

послужить базой формирования и развития идентичности сотрудников спа-предприятий. В этой связи мы предлагаем включить в систему управления персоналом этих предприятий программы развития осознанности, например – Mindfulness-Based Stress Reduction (MBSR) [8]. Подобная работа позволит осознанно и целенаправленно удерживать и развивать идентичность сотрудников, самостоятельно принявших решение о заключении трудовых отношений с организацией конкретной направленности. Кроме указанной программы компании должны развивать дистанционные технологии оказания услуг, в которые вовлекаются все сотрудники, а также постоянно практиковать семинары для сотрудников с описанием конкретных клиентских кейсов и обсуждением вопросов идентичности клиентов.

Так как до сих пор не устоялся конкретный сценарий выхода из пандемии COVID-19, при том, что аналитиками компании МакКинси предположили, что их может быть девять [13], можно считать, что у компаний, оказывающих услуги контактных форм сервиса, имеется достаточно времени для развития профессиональной идентичности своих сотрудников в соответствии с новыми запросами клиентов, обусловленных сдвигом их идентичности.

Библиографические ссылки

1. Нестик Т. А. Влияние пандемии Covid-19 на общество: социально-психологический анализ // Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5, № 2(18). С. 47–83.
2. Champniss G., Wilson H. N. and Macdonald E. K. Why Your Customers' Social Identities Matter [Электронный ресурс] // Harvard Business Review, 2015. 01. URL: <https://hbr.org/2015/01/why-your-customers-social-identities-matter> (01.04.2021).
3. Dunn H. L. High-Level Wellness. Arlington, VA: Beatty Press, 1961.
4. Hekman D. R., Bigley G. A., Steensma H. K., Hereford J. F. Combined Effects of Organizational and Professional Identification on the Reciprocity Dynamic for Professional Employees // Academy of Management Journal, 2009. Vol. 52, No. 3. P. 506–526.
5. Hekman D. R., Steensma H. K., Bigley G. A., Hereford J. F. Effects of Organizational and Professional Identification on the Relationship Between Administrators' Social Influence and Professional Employees' Adoption of New Work Behavior // Journal of Applied Psychology. 2009. 94(5). P. 1325–1335.
6. Hoff T. J. The social organization of physician-managers in a changing HMO // Work and Occupations, 1999. 26. P. 324–351.
7. Ilaw M. A. Who You Are Affects What You Buy: The Influence of Consumer Identity on Brand Preference // The Elon Journal of Undergraduate Research in Communications, 2014. Vol. 5, No. 2. P. 5–16.
8. Kabat-Zinn J. Full Catastrophe Living: Using the Wisdom of Your Body and Mind to Face Stress, Pain, and Illness. New York : Bantam. 2013.

© Кудрявцева Е. А., 2021

**ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В ОБРАЗОВАНИИ:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ****В. Э. Пахальян**

*научный редактор журнала «Психологическая наука и образование», профессор,
Московский государственный психолого-педагогический университет,
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: vicp2007@yandex.ru*

Представлен анализ методологических оснований экспертной деятельности как вида работы практического психолога. Обращается внимание на то, что решение задач качества такой работы педагога-психолога невозможно без решения фундаментальных проблем самой практической психологии: определения специфики содержания ее предмета, методов, критериев оценки эффективности процесса и результата. Подчеркивается неразрывная взаимосвязь вопросов методологии предметной области, подготовки специалиста-эксперта и его последующей эффективности. Делается вывод о том, что решение выделенных вопросов диктуется фактом вступления в силу стандартов профессиональной деятельности и возможного усугубления выделенных проблем в связи с необходимостью экспертной деятельности при решении кадровых вопросов.

Ключевые слова: практическая психология образования, экспертная деятельность, психологическая экспертиза.

**PSYCHOLOGICAL EXPERTISE IN EDUCATION:
METODOLOGICAL ASPECTS**

The analysis of the methodological foundations of expert activity as a type of work of a practical psychologist is presented. Attention is drawn to the fact that the solution of quality problems for such work of a teacher-psychologist is impossible without solving the fundamental problems of practical psychology itself: determining the specifics of the content of its subject, methods, criteria for assessing the effectiveness of the process and the result. The inextricable relationship between the issues of the methodology of the subject area, the training of a specialist-expert and his subsequent effectiveness is emphasized. It is concluded that the solution of the highlighted issues is dictated by the fact that the standards of professional activity have come into force and the possible aggravation of the highlighted problems due to the need for expert activity in solving personnel issues.

Keywords: practical psychology of education, expert activity, psychological expertise.

Отечественная практическая психология как никогда остро нуждается в решении методологических вопросов, так как концептуальная неопределенность – это отсутствие фундамента, на котором могут разрабатываться требования и к специалисту в этой области, и продуктам его деятельности, оцениваться профессионализм и качество работы [4]. Как следствие нерешенности, непроработанности методологических аспектов собственно практической психологии мы имеем факты появления и нормативного закрепления в различных документах, регулирующих деятельность практического психолога, положений, содержание которых выходит за пределы предметной области психологии [7]. Особенно ярко это заметно при сравнении разнообразных определений целей и задач практической психологии в целом и Службы практической психологии в системе образования РФ [4]. Как это ни странно может

показаться, но нынешняя ситуация обострилась в связи с введением в действие стандартов профессиональной деятельности в области практической психологии, содержание которых отличается от образовательных стандартов (ФГОС), положений Закона об образовании в РФ (ст. 42), что усугубляет ситуацию в целом и порождает неопределенность как в подготовке специалистов, так и в оценке их профессиональной деятельности.

В связи с этим основная цель данной публикации – попытаться продвинуться к разрешению обострившихся в практической психологии методологических проблем. В первую очередь для того, чтобы обозначить место и роль психологической экспертизы в практической психологии сферы образования.

Анализ публикаций последних лет, посвященных проблемам практической психологии, а также исследование опыта работы практических психологов в сфере образования, позволило уточнить содержание ключевых понятий этой деятельности:

1) **практическая психология** – одно из прикладных направлений деятельности профессионального психолога, цель которого – оказание непосредственной психологической помощи личности/группе в преодолении имеющихся трудностей на основе мобилизации ее внутренних ресурсов. Предметом работы практического психолога являются психологические феномены, имплицитно представленные в запросе обратившегося за такого рода помощью. Их выделение, определение своеобразия и возможностей актуализации обеспечивают взаимодействующим сторонам («практический психолог сферы образования» – «нуждающийся в психологических услугах»), как предотвращение тех или иных трудностей в развитии личности/группы, так и сохранение, поддержание и укрепление психологического здоровья, благополучия в отношениях с миром в целом и окружающими людьми, в частности;

2) своеобразие **предмета практической психологии в сфере образования** проявляется в том, что в фокусе работы специалиста здесь находятся те психологические ресурсы личности/группы, которые развиваются и проявляются тем или иным образом в условиях определенной образовательной среды. Состояние этих ресурсов характеризует в целом психологическое здоровье, психологическое благополучие личности/группы;

3) **практический психолог в сфере образования** (педагог-психолог) – это специалист, оказывающий непосредственную психологическую помощь личности/группе в конкретных условиях того или иного образовательного учреждения. В сфере его профессиональной ответственности находятся а) создание психологических условий, обеспечивающие конструктивные/психологически благоприятные отношения личности/группы с миром в целом и всеми участниками отношений в сфере образования; б) помощь участникам отношений в сфере образования, направленная на преодоление, предотвращение появления и нежелательно-го/деструктивного развития психологических трудностей в той или иной образовательной среде;

4) **психологическая служба (ПС) в сфере образования** – организационная структура, действующая в соответствии с требованиями статей ФЗ «Об образовании в РФ», стандарта профессиональной деятельности «Педагог-психолог (психолог в сфере образования)» и другими юридическими документами, регулирующими деятельность практического психолога в сфере образования (педагога-психолога) и обеспечивающая объединение учреждений и специалистов в деле оказания профессиональной помощи всем участникам отношений в сфере образования;

5) **ППМС центры** – учреждения системы образования РФ, призванные решать в первую очередь масштабные, комплексные задачи учреждений образования и субъектов образовательной среды. Их деятельность направлена на организационное, научно-методическое и практическое обеспечение решения актуальных для учреждений образования и участников отношений в сфере образования проблем. Качество оказываемых услуг здесь обеспечивается общим для разных специалистов пониманием содержания межпредметного поля, связывающего сотрудников разных смежных специальностей (психологических, педагогических, медицинских, социальной помощи и др.), целей и задач ППМС центров.

Сформулированное выше позволяет перейти к обсуждению проблемы места и роли экспертной функции практической психологии. Вопросы экспертизы сегодня как никогда актуальны [1–3; 5; 6, 8–12 и др.]. В полной мере это касается и профессиональной деятельности гуманитариев, среди которых особе место занимают работники учреждений образования. Поэтому Федеральный Закон «Об образовании в Российской Федерации» (№ 273 от 29.12.2012) определил механизмы и способов обеспечения гарантии качества системы образования, одним из которых является экспертиза (Статья 94. Педагогическая экспертиза) и оценке качества образования; Статья 95. Независимая оценка качества образования).

Но, к сожалению, до сих пор нет ни одного нормативного документа, определяющего цели, объект, предмет, требования к процессу психологической экспертизы в образовании, к эксперту, в том числе и к его подготовке. Так же, как и нет четкой и ясной научно-обоснованной концепции психологической экспертизы в сфере образования, где дано определение ее специфики, технологии применения, адекватных ее предмету требований к профессиональной подготовке специалистов, назначаемых экспертами и т. п.

В связи с этим важно в очередной раз выделить то специфическое, что отличает практическую деятельность психолога от других направлений психологии:

– *специалист этого профиля реализует свой профессиональный потенциал не в решении задач психологии (как области знания), а в решении конкретной практической задачи, сформулированной человеком/группой (заказчиком его услуг), нуждающимся в помощи практического психолога;*

– *здесь активность специалиста сфокусирована не на открытии/создании нового знания, механизма, а на непосредственной психологической помощи, на работе с психологическим содержанием запроса человека/группы, на практическом поиске и реализации в поведении, деятельности того, что позволит преодолеть имеющиеся у последнего психологические затруднения, найти и «запустить в действие» скрытые психологические ресурсы личности/ группы, предотвратить психологическое неблагополучие, укрепить психологическое здоровье и т. п.*

Качество профессиональной подготовки (и подготовленности) специалиста, актуализированное в его обращении к тем или иным внутренним ресурсам человека/ группы, отражается в характере и содержании взаимодействия с нуждающимся в помощи. Эффективность такой работы определяется степенью соответствия достигнутого результата содержанию запроса, цели и выделенным для решения задачам, сформулированным вместе с клиентом.

Подчеркнем, что специалист здесь реализует свою профессиональную компетентность в условиях тех ограничений, которые заданы спецификой сферы, в которой он ее осуществляет. Он не может игнорировать её требований, установленных там «границ», не учитывать реальные условия для проявления тех или иных возможностей самореализации человека и т. п. Результат работы практического психолога представляется:

- в достижении поставленной обеими сторонами цели;
- в качестве решения задач, сформулированных в запросе клиента/ группы;
- в характере изменений психологических ресурсов, обратившихся за помощью;
- в оперативности реализации поставленной клиентом/ группой задачи;
- в эффективности действий в процессе работы с клиентом/ группой и т. п.

В таком контексте мы можем определить ключевые для данной темы понятия:

– **психологическая экспертиза в сфере образовании** – особый вид профессиональной деятельности практического психолога, используемый при возникновении необходимости независимого анализа и оценки явлений, событий, которые могут оказать определенное влияние на психологическое благополучие (психологическое здоровье) развития личности/ группы в конкретных условиях их обучения и воспитания;

– **предмет психологической экспертизы в сфере образования** – психологические феномены, внутренние ресурсы личности/ группы, обеспечивающие состояние психологического благополучия (психологического здоровья), психологическую безопасность развития в конкретных условиях их обучения и воспитания;

– **цель психологической экспертизы в сфере образования** – дать ответ на поставленный заказчиком вопрос (решить поставленную им задачу), с позиций имеющегося у эксперта психологического знания и опыта экспертной деятельности в форме Заключения. Последнее построено на данных проведенного специалистом профессионального анализа явлений, событий, особенностей развития личности/ группы; выделенных им возможных причин фактического состояния психологического благополучия (психологического здоровья) личности/группы, факторов их развития в конкретных условиях их обучения и воспитания.

Итак, проведенный анализ позволяет констатировать следующее.

1. Имеющийся к настоящему времени в отечественной психологии потенциал дает возможность конструктивного диалога и решения назревших методологических задач практической психологии. В частности, определить специфичность содержания практической психологии, практической психологии в сфере образования, выделить место и роль психологической экспертизы.

2. Психологическую экспертизу в сфере образования необходимо рассматривать как отдельный вид профессиональной деятельности практического психолога, в качестве предмета которого выступают психологические феномены, внутренние ресурсы личности/ группы, обеспечивающие состояние психологического благополучия (психологического здоровья), психологическую безопасность развития в конкретных условиях обучения и воспитания.

4. Цель психологической экспертизы в сфере образования – решить поставленную заказчиком задачу, содержание которой не выходит за пределы предметной области практического психолога, используя имеющийся у эксперта уникальный профессиональный потенциал и опыт собственно экспертной деятельности.

5. Дальнейшая работа в направлении решения методологических проблем психологической экспертизы в сфере образования предполагает следующее:

- разработку методологических оснований выбора и создания методов работы,
- выделение критериев эффективности психологической экспертизы;
- определение требований к основному содержанию программ подготовки экспертов, к профессиональным методическим изданиям, необходимых для обучения, повышения квалификации и переподготовки в данном виде профессиональной деятельности практического психолога в сфере образования.

Библиографические ссылки

1. Баева И. А., Лактионова Е. Б. Экспертная оценка состояния образовательной среды на предмет комфортности и безопасности // Психологическая наука и образование. 2013. № 6. С. 5–13.

2. Баева И. А., Лактионова Е. Б. Психологическая экспертиза образовательной среды: методологические основания и эмпирические показатели // Человек и образование. 2016. № 3(48). С. 19–24.

3. Братченко С. Л. Мир экспертизы и его возможные координаты. // Экспертиза образовательных инноваций / под ред. Г. Н. Прозументовой. Томск : Том. гос. ун-т, 2007. С. 23–45.

4. Забродин Ю. М., Пахальян В. Э. Методологические проблемы практической психологии и вопросы обеспечения качества работы психолога образования // Вестник Моск. гос. областного ун-та. Серия: Психологические науки. 2020. № 4. С. 9–20. Doi: 10.18384/2310-7235-2020-4-9-20.

5. Иванченко Г. В. Леонтьев Д.А. Комплексная гуманитарная экспертиза. М. : Смысл, 2008.

6. Николс Т. Смерть экспертизы. М. : Эксмо, 2019.

7. Пахальян В. Э. Практическая психология в образовании: размывание предметной области и потеря предмета? [Электронный ресурс] // Психологическая газета. 27 февраля 2021 г. URL: <https://psy.su/feed/8896/> (дата обращения: 03.11.2020).

8. Психологическая экспертиза: современность и тенденции развития : монография / под науч. ред. О. А. Белобрыкиной, В. Л. Дресвянникова. Новосибирск : Изд-во ООО «Немо Пресс», 2016.

9. Сафуанов Ф. С. Гуманитарная экспертология: актуальные проблемы и перспективы // Экспертиза в современном мире: от знания к деятельности / под ред. Г. В. Иванченко, Д. А. Леонтьева. М. : Смысл, 2006. С. 51–62.

10. Тульчинский Г. Л. Гуманитарная экспертиза как социальная технология // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2008. № 4(16). С. 38–52.

11. Умняшова И. Б. Психолого-педагогическая экспертиза в системе образования: предмет и содержание [Электронный ресурс] // PEM: Psychology.Educology.Medicine. 2016. № 3. URL: pem.esrae.ru/13-156 (дата обращения: 03.08.2017).

12. Andronikof A., Fontan P. (2013) L'examen psychologique de l'enfant : pratique et déontologie Psychological assessment of children: Guidelines and ethics // Neuropsychiatrie de l'Enfance et de l'Adolescence. Doi: 10.1016/j.neurenf.2013.11.004.

© Пахальян В. Э., 2021

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ И ПРОИЗВОДНЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЛИЧНОСТИ

УДК 159.923

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ И НАПРАВЛЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ

Н. В. Азарёнок¹, М. А. Пономарева²

¹доцент, ²доцент, Институт государственной службы Академии управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь

Рассматривается психологическое благополучие личности как необходимое условие удовлетворенности профессиональной деятельностью и жизнью в целом. Показателями оптимального уровня психологического благополучия руководителя выступают такие характеристики, как позитивное самоотношение, уверенность в себе, эмоциональная устойчивость, стремление к сотрудничеству, эмпатия. В работе обоснована необходимость исследования направленности личности для выявления факторов повышения уровня психологического благополучия. Представлен анализ результатов эмпирического исследования направленности личности и предложено их оптимальное сочетание для управленческой деятельности.

Ключевые слова: психологическое благополучие; направленность личности; позитивное функционирование; саморазвитие; стремление к достижениям; самореализация; самоактуализация.

PSYCHOLOGICAL WELL-BEING AND ORIENTATION OF THE MANAGER'S PERSONALITY

In this article, the authors consider the psychological well-being of the individual as a necessary condition for satisfaction with professional activities and life in general. Indicators of the optimal level of psychological well-being of the manager are such characteristics as positive self-attitude, self-confidence, emotional stability, desire for cooperation, empathy. The paper substantiates the need to study the orientation of the individual to identify factors that increase the level of psychological well-being. The article presents an analysis of the results of an empirical study of personality orientation and suggests their optimal combination for managerial activities.

Keywords: psychological well-being; personality orientation; positive functioning; self-development; striving for achievements; self-realization; self-actualization.

Психологическое благополучие личности является необходимым условием удовлетворенности профессиональной деятельностью и жизнью в целом. Проблема исследования феномена психологического благополучия является одной из фундаментальных в психологии, философии, педагогике, медицине. В настоящее время существуют различные подходы к сущности понятия «психологическое благополучие». Его интерпретируют, как:

базовый субъективный конструкт, который отражает восприятие и оценку человеком своего функционирования с точки зрения вершины потенциальных возможностей человека (К. Рифф) [7];

позитивное функционирование человека, стремление к совершенствованию (А. Маслоу, К. Роджерс) [3; 6];

представление о гармоничном и полном бытии человека (Я. Павлоцкая) [4];

согласованность психических процессов и функций, гармонию личности, ощущение целостности, внутреннего равновесия (Л. В. Куликов) [2].

Несмотря на различия в трактовке данного феномена, большинство исследователей сходятся во мнении, что психологическое благополучие – это интегральное состояние личности, обусловленное физическими, психологическими, культурными, социальными и духовными факторами, которое проявляется в ощущении счастья, удовлетворения жизнью, высокой степени успешности, стремлении к достижениям, самореализации и самоактуализации личности [1].

Состояние психологического неблагополучия проявляется в эмоциональном напряжении, фрустрации, тревожности, которые препятствуют успешной профессиональной деятельности и блокируют личностное развитие. Как следствие, человек не испытывает чувство удовлетворенности своим трудом.

Психологическое благополучие личности руководителя отражается в отношении к себе и окружающим, к условиям профессиональной деятельности жизни, его активности и саморазвитии. Показателями оптимального уровня психологического благополучия выступают такие характеристики, как позитивное самоотношение, уверенность в себе, эмоциональная устойчивость, стремление к сотрудничеству, эмпатия.

Для оценки эффективности управленческой деятельности особую ценность приобретает направленность личности руководителя, которая позволяет выявить стремления человека, его интересы, идеалы, желания и цели [5].

Стабилизацию уровня психологического благополучия личности руководителя обеспечивает оптимальное сочетание видов направленности. Полагаем, что все виды направленности должны быть представлены в структуре личности определенным образом, при доминировании направленности на дело. Если преобладает направленность на общение, то ориентация на благоприятные отношения с коллективом могут выступать препятствием к реализации целей и задач организации. При высоком уровне направленности на себя, человек будет стремиться прежде всего добиться собственных личных целей, которые могут противоречить целям организации. Однако если направленность на общении выражена слабо, то возникают предпосылки для конфликтов и стресса. При низком уровне направленности на себя, человек не удовлетворяет собственные потребности, что может привести к эмоциональному выгоранию и профессиональной деформации.

Эмпирическое исследование направленности личности руководителя было проведено на базе Академии управления при Президенте Республики Беларусь в 2020 году. В качестве испытуемых выступили слушатели Института государственной службы в количестве 30 человек, из них 19 женщины и 11 мужчин, обучающихся на специальностях «Управление персоналом» (10 человек), «Кадровая политика в государственных органах и организациях» (20 человек).

Для выявления особенностей направленности личности была использована методика диагностики направленности личности Б. Басса (ориентационная анкета Басса). С помощью методики выявляются следующие виды направленности:

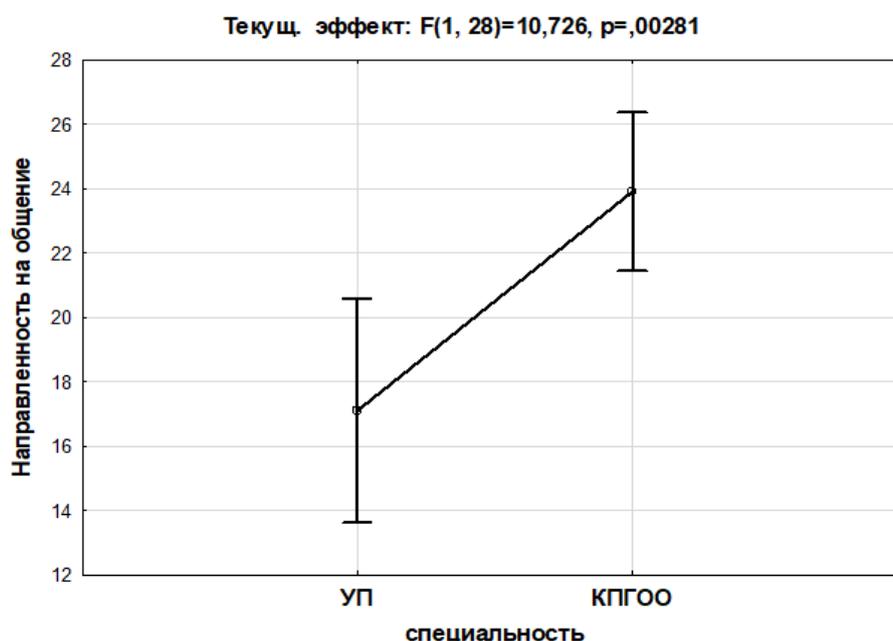
– направленность на себя (ННС) – ориентация на прямое вознаграждение и удовлетворение своих потребностей без учета работы и персонала, склонность к соперничеству, властьность. Такой вид направленности обуславливает раздражительность, агрессивность, тревожность, интровертированность;

– направленность на общение (ННО) – стремление при любых условиях поддерживать позитивные отношения с окружающими, потребность в привязанности, ориентация на сотрудничество, но часто в ущерб выполнению конкретных заданий. Проявляется зависимость от группы и ориентация на социальное одобрение;

– направленность на дело (ННД) – заинтересованность в достижении целей организации, решении актуальных организационных проблем; стремление качественно выполнять работу, ориентация на деловое сотрудничество, способность отстаивать в интересах дела собственное мнение.

Анализ данных описательной статистики позволяет сделать вывод, что наиболее ярко у респондентов выражена направленности на дело (среднее = 34,7), далее по значению идет ориентация на себя (среднее = 23,5), самое низкое значение имеет направленность на общение (среднее = 21,6).

Дальнейший детальный статистический анализ с применением однофакторного дисперсионного анализа позволил определить статистически значимые различия в выраженности направленности у представителей различных специальностей (см. рисунок).

Показатели дисперсионного анализа по шкале «Направленность на общение» для двух специальностей

Как следует из полученных данных, слушатели специальности «Кадровая политика в государственных органах и организациях» больше ориентированы на общение, стремление при любых условиях поддерживать отношения с людьми. Однако, к сожалению, ориентация на совместную деятельность часто оказывает негативное влияние на выполнение конкретных заданий или оказание искренней помощи людям. Таким образом, происходит ориентация на социальное одобрение. Во многом это объясняется объектами профессиональной деятельности слушателей указанной специальности. К таким объектам относят трудовые ресурсы государственных органов и организаций, а также процессы взаимодействия человека, общества и государства.

Статистический анализ данных позволил определить наличие прямой умеренной связи между направленностью на дело и стажем работы в организации ($r = 0,399$, при $p = 0,029$), стажем в должности ($r = 0,440$, при $p = 0,015$). Следовательно, чем дольше слушатели работают в организации и занимают руководящую должность, тем выше их заинтересованность в решении деловых проблем, выполнении работы как можно лучше, ориентации на деловое сотрудничество, способности отстаивать в интересах дела собственное мнение, которое полезно для достижения общей цели.

В соответствии со статистической обработкой полученных результатов на основе медианного критерия были выделены три группы показателей (низкий, средний и высокий) для каждого вида направленности:

1. Низкий уровень выраженности направленности $< \text{Median} - \text{Std.Dev.}$. Низкий уровень направленности для шкал «Направленность на себя» и «Направленность на общение» < 17 баллов; для шкалы «Направленность на дело» < 29 .

2. $\text{Median} - \text{Std.Dev.} \leq$ средний уровень направленности $\leq \text{Median} + \text{Std.Dev.}$. Соответственно, для шкал «Направленность на себя» и «Направленность на общение» средний уровень от 17 до 29 баллов; для шкалы «Направленность на дело» от 29 до 38 баллов.

3. Высокий уровень направленности $> \text{Median} + \text{Std.Dev.}$. Следовательно, высокий уровень направленности для шкал «Направленность на себя» и «Направленность на общение» < 30 баллов; для шкалы «Направленность на дело» < 39 .

Представленность уровней шкал направленности по половому признаку и по специальности показана в таблице.

Показатели уровней шкал направленности

Критерий	ННС низк., %	ННС средн., %	ННС высок., %	ННД низк., %	ННД средн., %	ННД высок., %	ННО низк., %	ННО средн., %	ННО высок., %
УП	10	17	6,5	3	17	13	17	16,5	0
КПГОО	3	57	6,5	3	57	7	10	46,5	10
общий показатель по специальностям	13	74	13	6	74	20	17	63	10
Мужчины	10	24	3	0	26,5	10	10	20	7
Женщины	3	50	10	7	46,5	10	17	43	3
общий показатель для выборки	13	74	13	7	73	20	27	63	10

Примечание. ННС – направленность на себя; ННД – направленность на дело; ННО – Направленность на общение.

Таким образом, психологическое благополучие личности является критерием оптимальности личностного и профессионального развития руководителя. Переживание удовлетворённости своим трудом, эмоциональный комфорт, саморазвитие и самореализация повышают эффективность управленческой деятельности и препятствует эмоциональному выгоранию. Стабилизацию уровня психологического благополучия руководителя обеспечивает представленность в структуре личности всех видов направленности (на себя, на дело, на общение), при доминировании направленности на дело.

Библиографические ссылки

1. Азарёнок Н. В., Бутько Т. О. Психологическое благополучие и ролевой конфликт женщин-предпринимателей // Психолого-экономические исследования. 2015. Т. 2 (8). № 1. С. 55–71.
2. Куликов Л. В. Психогигиена личности. Вопросы психологической устойчивости и психопрофилактики : учеб. пособие. СПб. : Питер, 2004. 464 с.
3. Масло А. Психология бытия : пер с англ. М. : Рефл-бук ; Киев : Ваклер, 1997. 304 с.
4. Павлоцкая Я. И. Психологическое благополучие и социально-психологические характеристики личности : монография. Волгоград, 2016. 168 с.
5. Пономарева М. А. Психологическая диагностика личности: теория и практика : учеб. пособие. Минск : Изд-во Гревцова, 2008. 240 с.
6. Роджерс К. Р. Становление личности: взгляд на психотерапию : пер. с англ. М. : ЭКСМО-пресс, 2001. 414 с.
7. Ryff C. D. Psychological well-being in adult life // Current Directions in Psychological Science. 1995. № 4. P. 99–104.

УДК 159.9.072

ПОТРЕБНОСТЬ В ДОСТИЖЕНИИ ЦЕЛИ КАК ФАКТОР ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ОСУЖДЕННЫХ-ИНВАЛИДОВ

Н. Н. Алигаева

*аспирант, Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского.
г. Калуга, Российская Федерация*

Данная статья посвящена изучению потребности в достижении цели и эмоциональных состояний, связанных с достижением/ не достижением цели и их тесной связи с таким понятием, как «психологическое благополучие». В теоретической части исследования было выявлено, что данный феномен характеризуется показателем позитивных эмоций. В результате эмпирического исследования было получено, что высокие показатели потребности в достижении цели в большей степени характерны для осужденных с инвалидностью и связаны с индексом позитивных эмоций: чем больше позитивных эмоций в своей жизни испытывают осужденные, тем большим психологическим благополучием они обладают.

Ключевые слова: психологическое благополучие, осужденные-инвалиды, деятельность, эмоции, потребность в достижении.

THE NEED FOR ACHIEVING THE GOAL AS A FACTOR OF THE PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF CONVICTED DISABLED PERSONS

This article is devoted to the study of the need to achieve a goal and emotional states associated with achieving/ not achieving a goal and their close relationship with such a concept as “psychological well-being”. In the theoretical part of the study, it was revealed that this phenomenon is characterized by an indicator of positive emotions. As a result of empirical research, it was found that high indicators of the need to achieve a goal are more characteristic of convicts with disabilities and are associated with the index of positive emotions: the more positive emotions convicts experience in their lives, the more psychological well-being they have.

Keywords: psychological well-being, disabled convicts, activity, emotions, need to achieve.

Во многих научных исследованиях прикладного характера значимую роль играет ориентация на формирование психически целостной и благополучной личности. При оказании психологической помощи необходимо помнить о критериальном подходе, который гласит о том, что отсутствие симптомов нарушений не свидетельствует о наличии психологического благополучия [1].

Начало исследованиям психологического благополучия было положено в работах Н. Брэдберна. Психологическое благополучие (psychological wellbeing), по его мнению, проявляется в соотношении комплекса позитивных и негативных эмоций, которые накапливаются в течение жизни человека.

В дальнейшем Э. Динер говорит о наличии у человека «субъективного благополучия», который является одним из составляющих психологического благополучия и состоит из трех основных компонентов: удовлетворенность жизнью, комплекса положительных эмоций и комплекса отрицательных эмоций [9].

Можно отметить, что значимым показателем является количество позитивных эмоций, а показателем удовлетворенности соотношение позитивных и негативных переживаний.

В настоящее время психологическое благополучие рассматривается с точки зрения двух основных подходов: гедонистического и эвдемонистического. Гедонистический подход

рассматривает психологическое благополучие как состояние психологического комфорта с преобладанием положительных эмоций. Эвдемонистический подход важнейшим условием психологического благополучия считает активность личности, постоянное саморазвитие, раскрытие своих возможностей и способностей.

В процессе отбывания наказания активность человека может проявляться как в успешном выполнении профессиональных (трудовых) обязанностей, так и в участии в различных спортивных и культурно-массовых мероприятиях.

Но, оценивая психологическое благополучие человека необходимо учитывать несколько важных моментов. Во-первых, внутренние условия, порождающие психологические проблемы человека (эмоциональные, коммуникативные, когнитивные). Во-вторых, влияние внешних социальных факторов, вызывающих снижение психологического благополучия.

К значимым показателям психологического благополучия относят также систему отношений личности к себе и миру, личностные качества, в том числе эмоциональную и волевую сферу личности, умение поддерживать ощущение субъективного благополучия, сохранять оптимальный фон функциональных состояний [4].

Основоположник исследования данного феномена К. Рифф выделила шесть основных компонентов психологического благополучия: самопринятие, позитивные отношения с окружающими, автономия, управление окружающей средой, цель в жизни, личностный рост [2].

Выше было указано, что одними из составляющих психологического благополучия являются позитивные эмоции. С. Л. Рубинштейн отмечал, что эмоции тесно связаны с деятельностью человека, в данном случае с деятельностью по достижению/не достижению цели [8]. Е. П. Ильин выделял эмоциональные состояния, которые связаны с данной деятельностью, и разделял их на 4 блока: удовлетворение (радость, счастье), состояние воодушевления/эйфории, переживание чувства гордости (удовлетворение от достигнутой цели), фрустрационные состояния (обида, разочарование, досада, гнев, уныние, печаль, отчаяние, иступление, тоска/ностальгия, горе, вина) [6].

Но любая деятельность по А. Н. Леонтьеву начинается с потребности, которая является важной составляющей мотивации человека [7]. Исход деятельности может быть положительным, тогда большинство людей испытывают, как правило, позитивные эмоции и их эмоциональное состояние характеризуется радостью, счастьем, гордостью, состоянием воодушевления и даже эйфории. Однако возможен и неблагоприятный результат деятельности, при котором люди испытывают совершенно разные эмоции в зависимости от индивидуально-психологических характеристик личности.

Исследование проводилось на базе ФКУ ИК-2 УФСИН России по Рязанской области. В основную выборку вошли 33 человека в возрасте от 22–65 лет, имеющих группу инвалидности и отбывающих наказание в исправительной колонии. В качестве контрольной группы выступали осужденные без инвалидности в возрасте от 25–53 лет и в количестве 70 человек. Использовались следующие эмпирические методики исследования: шкала дифференциальных эмоций К. Изарда [3], опросник потребности в достижении Ю. М. Орлова [5], тест фрустрационных реакций С. Розенцвейга [10]. Статистическая обработка данных производилась в программе Statistica 13.3 с использованием U-критерия Манна-Уитни и коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Рассмотрим полученные результаты. Повышенный уровень потребности в достижении цели более характерен для осужденных-инвалидов, но в целом их показатели находятся в пределах среднего и не достигают статистически значимых различий ($U = 910$; $p > 0,05$). Также отмечается прямая корреляционная связь между потребностью в достижении цели с одной стороны и I, интрапунитивными реакциями ($r = 0,45$; $p < 0,01$), ИПЭ – индексом позитивных эмоций ($r = 0,37$; $p < 0,05$), интересом ($r = 0,55$; $p < 0,01$) с другой стороны. Это свидетельствует о том, чем больше человек испытывает интерес и позитивные эмоции, тем больше у него сама потребность в достижении различных целей и меньше страха ($r = -0,48$; $p < 0,01$) перед трудностями. Но эти затруднения и фрустрирующие ситуации порождают самообвиняющую реакции.

При наличии интрапунитивной, самообвиняющей направленности реакций на фрустрирующую ситуацию (I) у осужденных с инвалидностью отмечаются высокие показатели по шкале «интерес» ($r = 0,47$; $p < 0,01$). Но чем выше интерес, тем выше показатели необходимо-упорствующего (N-P) типа реакции ($r = 0,44$; $p < 0,01$), при котором действия человека направлены на разрешении возникших препятствий. Данный тип тесно коррелирует с индексом позитивных эмоций ($r = 0,41$; $p < 0,01$) и со шкалой «стыд» ($r = 0,36$; $p < 0,05$).

В выборке осужденных без инвалидности потребность в достижении цели обратно коррелирует с уровнем полученного образования ($r = -0,29$; $p < 0,05$) и степенью социальной адаптивности ($r = -0,24$; $p < 0,05$): при наличии высокой потребности в достижении лица без инвалидности облают средним (или ниже среднего) образованием и средним (или ниже среднего) уровнем адаптации в обществе.

Интрапунитивная направленность реакции осужденных без инвалидности связана со шкалами «радость» ($r = 0,24$; $p < 0,05$) и «интерес» ($r = 0,27$; $p < 0,05$), последняя из которых коррелирует с препятственно-доминантным (O-D) типом реакции ($r = 0,29$; $p < 0,05$). Он проявляется как рассматривание возникшей ситуации как большого препятствия, а вызвавшего его субъекта как основного виновника, и связан с числом судимостей осужденного ($r = -0,24$; $p < 0,05$): чем меньше число судимостей у лица, тем в большей степени для него характерен данный тип реакции.

Мы предполагали, что высокий уровень потребности в достижении цели связан с низкими показателями фрустрационного состояния: чем выше у осужденного-инвалида данная потребность, тем выше у него степень социальной адаптивности. Но были получены следующие показатели: 81,8 % осужденных с инвалидностью обладают средним уровнем потребности в достижении цели и 12,1 % – пониженным уровнем. Высокий уровень данной потребности характерен для 6,1 % принявших в исследовании осужденных. Но между потребностью в достижении цели осужденных-инвалидов и степенью социальной адаптивности не установлены статистически значимые корреляционные связи ($r = 0,23$; $p > 0,05$). Сначала у осужденного возникает интерес к определенному вопросу или теме (н-р, восстановление паспорта, получение СНИЛСа, оформление пенсии и т. д.), который тесно связан с потребностью получить необходимые документы или услуги. Он начинает предпринимать различные шаги к достижению поставленной цели: сообщать о своей нужде представителям администрации, консультироваться с сотрудником социальной службы, предоставлять запрашиваемую информацию и т. д. При удачном исходе данной деятельности человек достигает своей цели и испытывает позитивные эмоции. Но возможно возникновение различных препятствий и фрустрирующих ситуаций: отсутствие информации, различных справок, не предоставление документов в срок и т. д. Они могут испытывать вину, угрызение совести за несвоевременное предоставление сведений, за потерю документов.

Таким образом, было выявлено, что высокие показатели потребности в достижении цели в большей степени характерны для осужденных с инвалидностью и тесно связаны с индексом позитивных эмоций. Соответственно, чем больше позитивных эмоций в своей жизни испытывают осужденные, тем большим психологическим благополучием они обладают.

Библиографические ссылки

1. Аринушкина Н. А. Феномен «благополучия» в аспекте практической психологической помощи // Страховские чтения. 2020. В. 28. С. 9–12.
2. Барцевич В. Н. Психологическая безопасность и психологическое благополучие: общее и частное // Личностное и профессиональное развитие детей, молодежи, взрослых: проблемы и решения. 2017. С. 84–88.
3. Дифференциальные шкалы эмоций (по К. Изарду) // Елисеев О. П. Практикум по психологии личности. СПб., 2003. С. 226–227.
4. Дымова Е. Н. Специфика психологического благополучия и психологической безопасности в трудных социальных условиях // Экопсихологические исследования – 6: экология детства и психология устойчивого развития. 2020. С. 197–201.

5. Изучение потребности в достижении // Практикум по возрастной психологии / под ред. Л. А. Головей, Е. Ф. Рыбалко. СПб., 2001. С. 497–498.
6. Ильин Е. П. Психофизиология состояний человека. СПб. : Питер, 2005. 412 с.
7. Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы и эмоции : консп. лекций. М. : Изд-во МГУ, 1971. 40 с.
8. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб. : Питер, 2000. 712 с.
9. Скорынин А. А. К вопросу о структуре психологического благополучия личности // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. 2020. № 2. С. 90–97.
10. Тест Розенцвейга. Методика рисуночной фрустрации (модификация Н. В. Тарабриной) // Диагностика эмоционально-нравственного развития / ред. и сост. И. Б. Дерманова. СПб., 2002. С. 150–172.

© Алигаева Н. Н., 2021

УДК 159.9:61

РАБОТА С ОБРАЗАМИ РОДИТЕЛЕЙ В ОНЛАЙН-КОНСУЛЬТИРОВАНИИ КАК СРЕДСТВО ОПТИМИЗАЦИИ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ СТУДЕНТОВ

М. И. Аликин¹, Н. В. Лукьянченко²

¹аспирант, Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева, г. Красноярск, Российская Федерация

²доцент, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация

Авторы обосновывают актуальность изучения влияния родительской семьи на жизнедеятельность личности и факторов жизнестойкости в период ранней взрослости, важность разработки эргономичных психологических технологий повышения жизнестойкости молодых людей. Приводятся данные исследования характера связи жизнестойкости студентов с имеющимися у них образами отношения родителей, описывается программа оптимизации жизнестойкости на основе выявленных закономерностей этой связи и результаты её апробации.

Ключевые слова: студенты, жизнестойкость, родительское отношение, образ родителя, онлайн-консультирование.

WORKING WITH PARENTS IMAGES IN ONLINE CONSULTING AS A MEANS OF OPTIMIZING STUDENTS 'LIFE

The authors substantiate the relevance of studying the influence of the parental family on the vital activity of the individual and factors of resilience in the period of early adulthood, the importance of developing ergonomic psychological technologies for increasing the resilience of young people. The data of the study of the nature of the relationship between students' resilience and their existing images of parental attitudes are presented, a program for optimizing resilience based on the identified patterns of this relationship and the results of its approbation are described.

Keywords: students, resilience, parenting, parenting, online counseling.

Студенческий возраст, идентифицируемый с ранней взрослостью, – период, совмещающий тенденции взросления и довольно тесных связей с родительской семьёй [2; 11]. При этом значимость отношений с родителями высока, но в научно-методической литературе скорее декларируется, чем исследуется [5].

Детско-родительские отношения рассматриваются в психологии как предиктор формирования различных личностных особенностей. В настоящее время актуальным становится вопрос, какое значение они имеют в формировании качеств, необходимых для продуктивной жизнедеятельности в непростых условиях современного общества. Важнейшим среди таких качеств является жизнестойкость как способность преодолевать трудности и при этом наращивать свой личностный потенциал. Понятие жизнестойкости (в исходном англоязычном варианте «hardiness») появилось в результате исследований поведения людей в стрессогенных ситуациях, проводимых С. Кобейса и С. Мадди [13]. Жизнестойкость – личностная диспозиция, интегрирующая убеждения о том, что вовлеченность в происходящее дает возможность найти стоящее и интересное для личности; о том, что борьба, даже если не в полной мере, тем не менее позволяет влиять на происходящее, контролировать его; о том, что всё,

с чем сталкивается человек в жизни, благодаря опыту и извлекаемым из него знаниям способствует развитию и потому важно принимать риск как норму существования.

В поисках ответа на вопрос о характере связи жизнестойкости молодых людей с имеющимися у них образами отношения родителей было проведено исследование, в котором приняли участие студенты Красноярского государственного педагогического университета в количестве 119 человек, из которых 76 девушек и 43 юноши.

В качестве методического обеспечения использовались:

– шкалы FAM («Семейная ситуация») и ERZIEN («Стиль воспитания») опросника BIV (Biographisches Inventar zur Diagnose von Verhaltensstörungen), диагностирующие характер образа семьи детства (негативный – положительный) [2];

– «Операционализируемая психодинамическая диагностика» (ОПД), определяющая состояние ключевых аспектов отношений. Инструкция была модифицирована в соответствии с предметом исследования (оценивалось отношение к респонденту отца и матери, а не отношения вообще, как в исходном варианте). ОПД включает шкалы: предоставление автономии (личного пространства); независимость; признание, восхищение, самоутверждение; проявление привязанности; принятие привязанности; забота; надежда и доверие; авторитарный контроль; приспособление; приписывание ответственности; признание вины; демонстрация агрессии; самозащита; игнорирование; неконтактность [10];

– тест жизнестойкости (адаптированный Д. А. Леонтьевым опросник Hardiness Survey С. Мадди) [7].

Обработка данных включала выявление значимых корреляционных связей (коэффициент Спирмена) между показателями теста жизнестойкости и показателями методик BIV и ОПД, сравнение средних значений и выявление достоверных различий (U-критерий Манна Уитни) показателей методик BIV и ОПД у молодых людей с низкой, средней и высокой жизнестойкостью.

Результаты всех видов обработки говорят о тесной связи жизнестойкости студентов обоего пола с характером образа семьи детства: чем положительней этот образ, тем выше жизнестойкость.

Результаты корреляционного анализа свидетельствуют, что проявлениям жизнестойкости молодых людей не способствуют такие характеристики отношения отца, как направляющий контроль и заботливость, проявления агрессии, обвинения и самозащитные тенденции в общении с сыном. Способствуют жизнестойкости юношей гибкость в отцовском взаимодействии с сыном и предоставление ему автономии. Жизнестойкости сыновей, как это не кажется на первый взгляд странным, способствуют невысокая адаптивность и способность проявлять агрессию в материнском отношении. Авторитарный материнский контроль, так же, как отцовский, является для жизнестойкости юношей негативным фактором.

У студенток: со стороны отца способствует жизнестойкости привязанность и контактность, а со стороны матери – приписывание ответственности и некоторая склонность к обвинениям.

Результаты сравнительного анализа показали: отцы юношей с высоким уровнем жизнестойкости в меньшей степени, чем другие отцы склонны защищать свою правоту, проявлять агрессию, упрекать, ограничивать личное пространство, проявлять заботу и уповать на сына, возлагая на него свои надежды; более способны соглашаться с его мнением. Матери тоже не так много, как другие проявляют заботу, контроль, стремление получать свидетельства привязанности сына и более способны проявлять агрессию и настороженность, меньше склонны выказывать восхищение сыном, но свою вину способны признавать без ложной самозащиты. Интересно, что выраженные проявления привязанности со стороны матерей получают юноши и с высокой, и с низкой жизнестойкостью. Но у матерей юношей с низкой жизнестойкостью они сочетаются с жадной подтверждением привязанности сына, приспособительным стилем взаимодействия, навязчивостью в контактах, заботливостью и контролем,

Сравнение в выборке студенток выявило, что выраженную специфику имеет родительское отношение у девушек с низкой жизнестойкостью. В отношении отцов сравнительно

с другими меньше проявляется привязанность, внимание и интерес, больше предоставление автономии, и при этом больше предъявления упований и претензий. У матерей сравнительно больше проявляется жажда проявлений дочерней привязанности, меньше склонность к самоутверждению во взаимодействии с ней, меньше ожиданий и упрёков, при склонности ограничивать автономию [1].

Аналитический обзор научно-методической литературы по проблемам психологических практик работы с детско-родительскими отношениями показал, что: эти практики могут иметь как терапевтическую, так и обучающую направленность; могут реализовываться не только в отношении родителей, но и в отношении детей; коррекция субъективного образа этих отношений позволяет воздействовать на личностные установки; актуален запрос на краткосрочные формы психологической работы, но в поле проблематики детско-родительских отношений такие формы в настоящее время мало разработаны.

Результаты теоретического анализа и данные эмпирического исследования легли в основу разработки программы оптимизации жизнестойкости личности посредством изменения образа родительской семьи. Отражённая в программе технология состоит в работе с образами отношения родителей в детский период и в актуальный момент.

Программа апробировалась в период самоизоляции в связи с пандемией COVID-19. Организационные аспекты программы адаптированы к экстремальным условиям пандемии. Эти условия определили: 1) запрос на локализованные во времени экспресс-формы помощи в повышении потенциала жизнестойкости; 2) невозможность проведения очных интерактивных групповых занятий. Специфика ситуации обусловила и форму реализации программы – дистанционно, в онлайн-режиме.

Программа, включает три занятия, проводимых с интервалами в два дня. Продолжительность каждого занятия – полтора часов. Методы, используемые при реализации программы: психологическая диагностика, мини-лекция с опорным конспектом, консультативная беседа, приёмы эмоционально-образной терапии, методы релаксации, рефлексия.

Поставленная в программе цель оптимизации уровня жизнестойкости через изменение образа родительской семьи предполагает решение следующих задач:

- 1) познакомить участников с теоретическим материалом о жизнестойкости и субъективном образе родительской семьи, способствующем её проявлениям;
- 2) актуализировать у респондентов образ родительской семьи детства и образ родительского отношения отца и матери в настоящий момент;
- 3) используя приёмы эмоционально-образной терапии, дополнить актуализированные образы характеристиками родительской семьи и родительских отношений, способствующих проявлению жизнестойкости;
- 4) провести и проанализировать динамическую диагностику показателей жизнестойкости и особенностей отношения к трудным ситуациям жизни в начале и по итогу прохождения программы.

Первое (ориентировочное) занятие включает: первичный контакт; знакомство с целями и организацией занятий; выполнение клиентами диагностической процедур; знакомство с теоретическим материалом, который является основой для дальнейшего обсуждения на занятиях. Диагностические процедуры включают заполнение демографической анкеты, опросников ВІV, ОПД и Теста жизнестойкости, данные которых позволяют психологу составить представление о важных для проведения программы особенностях клиентов.

Второе занятие.

1. Мини-лекция. План лекции: 1) жизнестойкость и её значение в жизнедеятельности; 2) составляющие жизнестойкости; 3) образ родительской семьи как фактор жизнестойкости.
 2. Обратная связь клиентам по результатам предварительно проведённой первичной диагностики.
 3. Обсуждение материала мини-лекции.
 4. Проведение проективной диагностической процедуры «Ситуация затруднения».
- Последовательность проведения: 1) релаксация; 2) актуализация образа личностно значимой

стрессогенной ситуации; 3) клиентам предоставляется выбор: рассказать ситуацию или, если это на данный момент ощущается как избыточное самораскрытие, запомнить её и особенности своего реагирования, что будет необходимо для работы на завершающем этапе программы.

5. Актуализация образов взаимодействия с родительской семьёй периода раннего детства. Идея и наполнение данного упражнения разработаны Маргрет Руффлер [12], психотерапевтом направления «Психосинтез», в контексте работы с субличностями, направленной на формирование продуктивных жизненных стратегий. На первом занятии ведётся работа с образом, соответствующим аутистико-симбиотической стадии в возрастном развитии (я на руках у кормящей грудью матери). Работа включает три стадии: актуализация, коррекция, обсуждение.

6. Заключительная рефлексия.

Третье занятие.

1. Вводное контактное обсуждение текущего статуса эмоционального состояния и проявления аспектов жизнестойкости участников программы.

2. Актуализация и коррекция образа родительского отношения стадии начальной независимости (я делаю первые шаги в присутствии родителей).

3. Актуализация и коррекция образа отношения отца и матери в текущий период.

4. Контрольная диагностическая процедура «Ситуация затруднения», аналогичная проведённой в начале второго занятия. Здесь также даётся выбор: рассказывать ситуацию или нет. Обязательным и целевым в выполнении этого упражнения является сравнительная рефлексия первого и второго образов, фиксация изменений и их обсуждение с ведущим программы.

5. Итоговая рефлексия с фокусом на перспективы применения полученного при прохождении программы опыта в процессе жизнедеятельности.

Через неделю после окончания работы по программе её участники повторно заполнили «Тест жизнестойкости».

Анализ результатов проведения программы осуществлялся посредством сравнения описаний респондентами ситуаций затруднения и данных двух срезов «Теста жизнестойкости». Выявлено три варианта изменений:

1) при исходно высоком уровне жизнестойкости небольшие изменения отмечаются только в показателе «Принятие риска». Изменение в отношении к сложной жизненной ситуации заключается в снижении уровня связанного с ней напряжения и сдерживающего самоконтроля;

2) при исходно невысоких уровнях жизнестойкости все её показатели имеют выраженную положительную динамику. Отношение к проблемной ситуации кардинальным образом изменилось: в эмоциональном аспекте – ушло дискомфортное напряжение, в когнитивном – определилось несколько вариантов преодоления затруднения;

3) при исходно невысоких уровнях жизнестойкости повысились показатели вовлечённости и принятия риска. Иными словами, возросли стремление стать включённым участником событий, не уходя от реальности, а получая удовольствие от собственной деятельности, и способность к восприятию опыта как интересного и полезного. Показатель «контроль» остался на прежнем уровне, что может быть объяснено тем, что новое видение ещё не апробировалось на практике. В самоотчётах о восприятии проблемной ситуаций описание её фрустрирующей окраски сменилась темой свободной активности.

Обобщение выше сказанного позволяет заключить: в исследование выявлено, что жизнестойкость студентов связана с характером образа отношения к ним родителей, показано, что работа с этими образами может быть использована в качестве средства оптимизации жизнестойкости.

Библиографические ссылки

1. Аликин И. А., Аликин М. И., Лукьянченко Н. В. Связь жизнестойкости студентов с отношением к ним родителей // Психологическая наука и образование. 2020. Т. 25, № 3. С. 75–89. Doi:10.17759/pse.2020250307.
2. Голубева Е. В., Истратова О. Н. Опыт отношений в родительской семье как предиктор психологического благополучия молодых людей // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7, № 2 (23). С. 358–362.
3. Горьковая И. А., Микляева А. В. Жизнестойкость и копинг-стратегии подростков с нарушениями опорно-двигательного аппарата [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2019. Т. 8, № 1. С. 90–102. Doi:10.17759/cpse.2019080106.
4. Григорьев П. Е., Васильева И. В. Связь экзистенциальных характеристик и жизнестойкости с психосоматической кардиосимптоматикой у лиц молодого возраста // Бюллетень сибирской медицины. 2018. Т. 17, № 4. С. 33–41. Doi:10.20538/1682-0363-2018-4-33-41.
5. Кашапов А. С. Связь интернальности в семейных отношениях с типами поведения в конфликте у представителей разных профессий // Семья и современный социум, серия: семья и дети в современном мире / под ред. В. Л. Ситникова. СПб. : Социально-гуманитарное знание, 2017. С. 224–230.
6. Колмакова Л. А. Особенности мировоззрения, жизнестойкости и выраженности травматического стресса у лиц, переживших различные по степени экстремальности ситуации // Труды академии управления МВД России. 2009. № 4. С. 82–86.
7. Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости. М. : Смысл, 2006. 63 с.
8. Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Жизнестойкость как составляющая личностного потенциала // Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д. А. Леонтьева. М. : Смысл, 2011. 680 с.
9. Логинова М. В. Психологическое содержание жизнестойкости личности студентов : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2010. 31 с.
10. Операционализованный психодинамическая диагностика (ОПД)-2. Руководство по диагностике и планированию терапии : пер. с англ. / под ред. А. М. Гончарова. М. : Академ. проект, 2019. 454 с.
11. Психология раннего студенческого возраста / под ред. Е. Л. Бережковской. М. : Проспект, 2014. 192 с.
12. Руффлер М. Игры внутри нас. Психодинамические структуры личности. М. : Институт психотерапии, 1998. 208 с.
13. Maddi S., Kobasa S. The Hardy Executive: Health under Stress. Homewood (IL): Dow Jones-Irwin, 1984. 131 p.

© Аликин М. И., Лукьянченко Н. В., 2021

ВЗАИМОСВЯЗЬ СОВЛАДАНИЯ С КОВИД-19 С ИНТЕРНЕТ-АКТИВНОСТЬЮ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ БЛАГОПОЛУЧИЕМ ШКОЛЬНИКОВС. А. Водяха¹, Ю. Е. Водяха²¹доцент, ²доцент, Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Подчеркивается взаимосвязь между интернет-активностью и психологическим благополучием школьников со стратегиями совладания с КОВИД-19. Более сложный познавательный стиль, позволяет демонстрировать человеку более универсальное поведение в социальной среде. Таким образом, человек с более сложным когнитивным профилем будет продвигаться вперед с большей вероятностью в своей карьере и личной жизни, а также реализовывать продуктивные социальные установки поведения в обществе.

Ключевые слова: психологическое благополучие, интернет-активность подростков, совладание с КОВИД-19, школьники.

RELATIONSHIP OF COVID-19 CONTROL WITH INTERNET ACTIVITY AND PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF SCHOOLCHILDREN

The relationship between Internet activity and psychological well-being of schoolchildren with coping strategies with COVID-19 is emphasized. A more complex cognitive style allows a person to demonstrate more universal behavior in a social environment. Thus, a person with a more complex cognitive profile will be more likely to move forward in their career and personal life, as well as to implement productive social attitudes in society.

Keywords: psychological well-being, Internet activity of adolescents, coping with COVID-19, schoolchildren.

В ответ на вспышку COVID-19 правительство многих стран ввело карантин, чтобы сдержать распространение COVID-19. Эта изоляция включала закрытие учебных заведений и социальных учреждений, чтобы ограничить передвижение. Изоляция и ограничение контактов приводят к значительным изменениям в повседневной жизни и психологическом благополучии детей и подростков [4].

Полное влияние этой превентивной меры еще предстоит узнать, однако исследования только сейчас начинают подчеркивать последствия этого для психического здоровья подростков [4]. Следовательно, в настоящее время растет беспокойство по поводу психологической адаптации, связанной с увеличением использования Интернета.

Китайские психологи из Ухани, где появился вирус, выявили, что дети и подростки сталкиваются с последствиями изоляции, основным из которых является малоподвижный образ жизни [11] и проблемное использование Интернета в качестве метода совладания с пандемией и бегства от реальности [6].

Еще до того, как правительство ввело изоляцию для сдерживания распространения COVID-19, исследования показали, что подростки широко используют социальные сети и Интернет, которые должны справляться с плохим настроением и тяжелыми мыслями как формой эскапизма [6]. Эскапизм относится к форме избегающего совладания, направленной на преодоление стресса путем избегания неудовлетворительных жизненных обстоятельств [5].

Исследования турецких ученых, показали рост номофобии среди турецкой молодежи [3], как страха остаться без мобильного телефона, после увеличение количества сообщений

о тревожных расстройствах Гао и его коллеги сообщают, что эскапизм связан с зависимостью от социальных сетей.

Н. Ксанидис с коллегами пришел к выводу, что патологическое использование Интернета или интернет-зависимость влияет на качество сна, при этом зависимость от Интернета в значительной степени связана с недосыпанием [10].

Также отмечается зависимость от социальных сетей и игр связана с недосыпанием и эмоциональными проблемами, такими как тревога, депрессия и стресс. Тревога и депрессия неизменно связаны с интернет-зависимостью, например, интернет-зависимость у подростков предсказывала социальную тревогу и депрессию, а также сниженную самооценку [9].

Показано, что такое нездоровое использование Интернета подростками со временем усиливает чувство одиночества [12]. М. Яо и Ц. Чжун утверждают, что интернет является способом снижения одиночества, социальной тревожности и депрессии, при этом патологическое использование интернета проявляется при депрессии. С. Синг с коллегами выявил, что одиночество и социальные сети являются предикторами интернет-зависимости у индийских школьников [8]. Аналогичным образом среди бангладешских и иранских школьников одиночество, депрессия, тревога и стресс в значительной степени коррелировали с интернет-зависимостью. Более того, недавнее исследование, проведенное среди подростков в Италии и США, показало, что интернет-зависимость в значительной степени связана со снижением самооценки и удовлетворенности жизнью.

Совсем недавно данные, полученные в Китае во время пандемии COVID-19, показали, что наряду с увеличением патологического использования Интернета среди подростков, наблюдается рост злоупотребления алкоголем и психоактивными веществами. Ю. Сунь и его коллеги (2020) также обнаружили, что пандемия не только усугубила симптомы тревоги и депрессии, но и повлияла на рецидив воздержания от различных веществ.

Исследование, проведенное в США до пандемии, показывает, что интернет-зависимость и злоупотребление алкоголем особенно распространены среди подростков школьного возраста. Эти исследования показывают, что молодые люди подвержены интернет-зависимости в разных частях земного шара.

Однако влияние COVID-19 на поведение в интернете и психологическое благополучие пока не выявлено. В. Гао предположил, что в развивающихся странах, таких как Индия, Мексика, Филиппины и Малайзия, рост использования смартфонов связаны с эмоциональными проблемами [2].

Более того, есть сообщения о росте использования социальных сетей для получения дополнительной информации о пандемии, медицинских консультаций и новостей [1].

Целью нашего исследования было изучить влияние пандемии COVID-19 на поведение подростков в Интернете. В более общем плане цель состояла в том, чтобы изучить различия в онлайн-привычках до и после того, как правительство ввело запрет на распространение коронавируса. Эти результаты показывают значительное увеличение количества социальных сетей и потоковых сервисов во время пандемии. Учитывая, что подростки обычно придают большое значение взаимодействию со сверстниками [1], существует гораздо большая потребность в поддержании социальных связей, несмотря на изоляцию от COVID-19. Они гораздо более восприимчивы к влиянию сверстников и их ожиданиям, что часто усугубляет их рискованное поведение, однако такое поведение усугубляется только в стрессовые времена [1]. Результаты этого исследования показали, что подростки все чаще используют контакты в социальных сетях в разных частях земного шара, при этом многие подростки сообщают об использовании социальных сетей (Instagram, В контакте и TikTok), чтобы оставаться на связи со своими сверстниками. Это, вероятно, поможет подросткам и молодым людям оставаться на связи и справляться с пандемией (Ellis, Dumas, & Forbes, 2020). Как и предыдущие исследования, эти результаты также выявили тесную взаимосвязь между компульсивным поведением в сети, симптомами депрессии и одиночества. Например, исследование психосоциальных факторов интернет-зависимости в Иране показало, что интернет-зависимость сочетается с депрессией и одиночеством.

На основании предыдущих исследований авторы предположили, что взаимосвязь между показателями школьного благополучия и проблемного использования интернета с показателями совладания с ковидом будут значительными.

На основании гипотезы была избрана выборка исследования, состоящая из 156 учащихся школ г. Екатеринбурга в возрасте от 15 до 17 лет.

В исследовании принимало участие 136 старшеклассников г. Екатеринбурга в возрасте от 15 до 17 лет. Отобранные школы были расположены в разных частях г. Екатеринбурга, чтобы обеспечить репрезентативную выборку для города. Выборка была случайной и стратифицированной в зависимости от пола и возраста. Возраст респондентов варьировался от 15 до 17 лет, средний возраст 15,7 года ($SD = 0,51$). Данные собирались с января по апрель 2021 года. Анкеты были заполнены на добровольной основе респондентами во время двух обычных 45-минутных занятий в отсутствие учителя и в присутствии обученного исследователя.

Для исследования использовались следующие методики:

1. Общая шкала проблемного использования интернета-3 (GPIUS3).
2. Опросник школьного благополучия.
3. Опросник совладания с КОВИДом (ОСК).

Таким образом, был проведен корреляционный анализ взаимосвязей показателей школьного благополучия и проблемного использования интернета со стратегиями совладания с КОВИДом.

Результаты и их обсуждение

	Отношения с друзьями	Отношение к школе	Отношение к педагогам	Отношение к родителям	Отношение к себе	Предпочтение онлайн общения	Регуляция настроения	Когнитивная поглощенность	Компульсивное использование	Негативные последствия
Рациональное совладание	0,55**	0,20	0,11	-0,33**	-0,34**	0,29*	0,57**	0,36*	0,49**	0,28*
Эмоциональное совладание	0,29*	0,41**	0,41**	0,31*	0,08	0,51**	0,35	0,44**	0,22*	-0,11

Примечание. «*» – $p < 0,05$, «**» – $p < 0,01$.

На основе анализа таблицы, можно заключить, что в выборке старшеклассников проявляется статистически значимая положительная корреляция между рациональным совладанием и отношением к друзьям (коэффициент линейной корреляции Пирсона равен 0,55 при уровне значимости не менее 0,01). На основе этого можно заключить, что школьники, склонные рационально планировать стратегии адаптации личности к угрозе заражения относятся к друзьям, как референтным лицам, способным помочь в трудной ситуации. вызванной паническими настроениями, связанными с распространением пандемии.

Анализ таблицы позволяет заключить, что в выборке старшеклассников проявляется статистически значимая положительная корреляция между эмоциональным совладанием и отношением к школе и педагогам (коэффициент линейной корреляции Пирсона равен 0,41 при уровне значимости не менее 0,05). Таким образом, эмотивисты относятся к школе как институту, в котором возможно обеспечить позитивное функционирование личности за счёт преимущественной ориентации на внешнюю оценку педагога. Такие старшеклассники, испытывают дополнительный стресс во время карантина, по причине социальной депривации и отсутствии привычного режима внешнего подкрепления, демонстрируемого учителями. Можно предположить, что для того, чтобы эмотивный ученик был успешен в школе, ему необходимо соответствовать индивидуальным критериям оценки его личности и учебной работы каждого педагога в отдельности. Они чаще обращаются за помощью к школьному учителю или репетитору, создавая имидж старательного ученика, а так как в ситуациях ограниче-

ния контактов это сложно сделать, у них повышается уязвимость. Желание избежать неудачи формирует повышенную эмпатичность по отношению к учителю и зависимость от его внешней оценки.

На основе анализа таблицы, можно заключить, что рациональный стиль совладания статистически значимо отрицательно коррелирует с отношением к родителям (коэффициент линейной корреляции Пирсона равен $-0,33$ при уровне значимости не менее $0,05$). На основе этого можно высказать гипотезу, что школьники, склонные рационально подходить к разрешению пандемической ситуации, относятся к родителям с позиции эмансипированного подростка, который пытается вытсроить автономную позицию и самостоятельно выстроенную систему совладания, подчеркивая свою независимость от родительских ценностей. В то же время, эмоциональный стиль совладания статистически значимо положительно коррелирует с отношением к родителям (коэффициент линейной корреляции Пирсона равен $0,31$ при уровне значимости не менее $0,05$). Эмотивисты зависимы от окружающей обстановки, что приводит их к необходимости развивать социальный интеллект, чтобы понять ожидания родителей и соответствовать самовоспринимаемому образу идеального ребенка.

Результаты исследования позволяют заключить, что у рационалистов проявляется статистически значимая отрицательная корреляция с отношением к себе (коэффициент линейной корреляции Пирсона равен $-0,34$ при уровне значимости не менее $0,01$). Таким образом, можно предположить, что чем выше уровень самооффективности при совладании с ковид-угрозами, тем выше выраженность внутреннего конфликта, который разрешается посредством построения логически непротиворечивого плана, направленного на дифференциацию угроз, оценку личной уязвимости и оценки способов приспособления к экстремальной ситуации.

На основании корреляционного анализа можно заключить, что эмотивисты склонны предпочитать онлайн-общение непосредственному (коэффициент линейной корреляции Пирсона равен $0,51$ при уровне значимости не менее $0,01$). Таким образом, они склонны считать, что общение в социальных сетях или других платформах несколько ни хуже общения лицом к лицу. Некоторые эмотивисты, возможно, чувствуют определенное преимущество в отсутствии необходимости непосредственных контактов. Онлайн-контакт не требует особых коммуникативных усилий и тщательно отобранных навыков взаимодействия. Время вынужденной изоляции может восприниматься ими как ресурс, способствующий их позитивному саморазвитию.

Стоит отметить, что рационалисты склонны чаще использовать интернет для регуляции настроения (коэффициент линейной корреляции Пирсона равен $0,57$ при уровне значимости не менее $0,01$). Рациональность при планировании стратегии совладания приводит к использованию интернета как способа релаксации. Это может выражаться в просмотре различных передач, видеосюжетов в Тик-токе и молодежных сериалов.

В тоже время эмотивисты склонны к когнитивной поглощенности контентом информационного потока, содержащегося в интернете (коэффициент линейной корреляции Пирсона равен $0,44$ при уровне значимости не менее $0,01$). Склонность к поиску эмоционально насыщенной информации, зачастую лишённую критического мышления, приводит к излишнему психологическому залипанию на Интернет-контент.

Компульсивное использование интернета, как ни странно, более свойственно рационалистам (коэффициент линейной корреляции Пирсона равен $0,49$ при уровне значимости не менее $0,01$). Рационалисты склонны использовать контент, которому придается особое ценностное отношение. Им необходимо пользоваться именно теми приложениями, которые подчеркивают их индивидуальность, полнезависимость и нонконформизм. Выбор контента вначале связан с внутренними побуждениями, а затем детерминируется стилем самовыражения индивидуальности.

На основе полученных результатов, можно сделать следующие **выводы**:

Стратегии совладания с КОВИДом имеют значимые корреляционные связи с показателями школьного благополучия и проблемным использованием интернета. Следовательно,

психологическое благополучие школьников может стать важным предиктором стиля совладания с КОВИДом и проблемного использования интернета.

Библиографические ссылки

1. Andrews J. L., Foulkes L., & Blakemore S. J. (2020, August 1). Peer Influence in Adolescence: Public-Health Implications for COVID-19. *Trends in Cognitive Sciences*. Elsevier Ltd. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2020.05.001>.
2. Ayandele O., Popoola O. A., & Oladiji T. O. (2020). Addictive use of smartphone, depression and anxiety among female undergraduates in Nigeria: a cross-sectional study. *Journal of Health Research*, ahead-of-print(aheadof-print). <https://doi.org/10.1108/jhr-10-2019-0225>.
3. Gurbuz I., & Ozkan G. (1234). What is Your Level of Nomophobia? An Investigation of Prevalence and Level of Nomophobia Among Young People in Turkey. *Community Mental Health Journal*, 56, 814–822. <https://doi.org/10.1007/s10597-019-00541-2>.
4. Fegert J. M., Vitiello B., Plener P. L., & Clemens V. (2020). Challenges and burden of the Coronavirus 2019 (COVID-19) pandemic for child and adolescent mental health: a narrative review to highlight clinical and research needs in the acute phase and the long return to normality. *Child Adolesc Psychiatry Ment Health*, 14, 20. <https://doi.org/10.1186/s13034-020-00329-3>.
5. Henning B., & Vorderer P. (2001). Psychological escapism: Predicting the amount of television viewing by need for cognition. *Journal of Communication*, 51(1), 100-120.
6. Király O., Potenza M. N., Stein D. J., King D. L., Hodgins D. C., Saunders J. B., ... Demetrovics, Z. (2020). Preventing problematic internet use during the COVID-19 pandemic: Consensus guidance. *Comprehensive Psychiatry*, 100, 152180. <https://doi.org/10.1016/j.comppsy.2020.152180>.
7. Kircaburun, K., & Griffiths, M. D. (2019). Problematic Instagram Use: The Role of Perceived Feeling of Presence and Escapism. *International Journal of Mental Health and Addiction*. Vol, 17, pp. 909–921.
8. Singh A., Khess C., KJ M., Ali A., & Gujar N. M. (2020). Loneliness, social anxiety, social support, and internet addiction among postgraduate college students. *Open Journal of Psychiatry & Allied Sciences*, 11(1), 10. <https://doi.org/10.5958/2394-2061.2020.00002.6>.
9. Tian Y., Qin N., Cao S., & Gao F. (2020). Reciprocal associations between shyness, self-esteem, loneliness, depression and Internet addiction in Chinese adolescents. *Addiction Research & Theory*, 1–13. <https://doi.org/10.1080/16066359.2020.1755657>.
10. Xanidis N., & Brignell C. M. (2016). The association between the use of social network sites, sleep quality and cognitive function during the day. *Computers in Human Behavior*, 55, 121–126. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2015.09.004>.
11. Xiang M., Zhang Z., & Kuwahara K. (2020). Impact of COVID-19 pandemic on children and adolescents' lifestyle behavior larger than expected. *Progress in Cardiovascular Diseases*. W. B. Saunders. <https://doi.org/10.1016/j.pcad.2020.04.013>.
12. Yao M. Z., & Zhong Z. J. (2014). Loneliness, social contacts and Internet addiction: A cross-lagged panel study. *Computers in Human Behavior*, 30, 164–170. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2013.08.007>.

© Водяха С. А., Водяха Ю. Е., 2021

УДК 364.046.6

ЭБРУТЕРАПИЯ В ПРАКТИКЕ РАБОТЫ ПСИХОНЕВРОЛОГИЧЕСКОГО ДОМА-ИНТЕРНАТА ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ И ИНВАЛИДОВ

С. А. Воробьева¹, В. А. Дайлиденюк²

¹старший преподаватель, ²студент,
Витебский государственный университет имени П. М. Машерова,
г. Витебск, Республика Беларусь
E-mail: Vorobjova_s@bk.ru

Рассмотрена технология эбрутерапии и особенности ее применения к лицам, признанным в установленном порядке недееспособными, в условиях проживания в стационарном учреждении социального обслуживания населения – ГУСО «Глубокский психоневрологический дом-интернат для престарелых и инвалидов» (Витебская область, Республика Беларусь).

Ключевые слова: арт-терапия, эбрутерапия, психические познавательные процессы, психоневрологический дом-интернат для престарелых и инвалидов, недееспособный.

EBRUTHERAPY IN THE PRACTICE OF A MENTAL BOARDING HOUSE FOR THE ELDERLY AND DISABLED

The article discusses the technology of ebruterapy and the peculiarities of its application to persons recognized as legally incapacitated in conditions of living in a round-the-clock institution of social services for the population – SSSI «Glubokoye neuropsychiatric boarding house for the elderly and disabled» (Vitebsk region, Republic of Belarus).

Keywords: art therapy, ebruterapia, mental cognitive processes, neuropsychiatric boarding house for the elderly and disabled, incapacitated.

Одной из основных целей социальной политики Республики Беларусь является развитие человеческого потенциала. Особое внимание здесь уделяется людям, которые по объективным причинам, не могут самостоятельно осуществлять трудовую и иную социально-значимую деятельность. Речь, прежде всего, идет о гражданах, лишенных в установленном порядке судом дееспособности, и помещенных в дома-интернаты для престарелых и инвалидов психоневрологического профиля. Несмотря на их изолированное положение, современная наука и практика располагает достаточным инструментарием, который вполне может применяться в практике социально-психологической работы с данным контингентом, с целью преодоления у них депрессивных состояний, для улучшения навыков общения, самовыражения и развития интереса.

Являясь индивидуальной формой терапии творческим самовыражением и связанная с визуальными искусствами (живописью, графикой, фотографией, скульптурой, а также их всевозможными комбинациями с другими формами и видами творческой деятельности), арт-терапия обладает потенциалом для психокоррекции, для гармонизации личности. Занимаясь любыми видами искусства, человек реализует способность к оригинальному действию, творчеству. Он ощущает себя в роли творца, тем самым отвлекаясь от социальных, психологических и других проблем. Арт-терапия, как метод, безболезненна, практически не имеет ограничений, используется во всех направлениях психотерапии, в педагогике, социальной работе и с разными возрастными группами. Она сочетается со всеми методами реабилитации, психокоррекции и адаптации. И, что немаловажно в реалиях сегодняшнего дня, необходима для эмоциональной

разгрузки контингента, которые попали в так называемую двойную изоляцию по причине риска заражения COVID-19 (на данный момент это полностью закрытое учреждение, где непосредственные контакты с родственниками запрещены).

Следует отметить, что результатом арт-терапии не является создание «художественного шедевра». Главное – это отвлекающее действие, которое приносит эстетическое удовольствие и предполагает процесс творческого самовыражения личности в различных видах искусства. Поэтому данная форма терапии находит положительный отклик у каждого проживающего.

Несмотря на то, что научные исследования, посвященные влиянию Эбру на коррекцию психических процессов, в нашей стране практически отсутствуют, некоторые социальные учреждения активно используют возможности данного метода в практике своей деятельности. Тем более что круглосуточная изоляция проживающих домов-интернатов требует от сотрудников поиска новых и интересных форм арт-терапии. Являясь как раз одним из таких методов эбрутерапии, представляющая собой технику рисования на воде, интересна гражданам в любом психическом и физическом состоянии и находящимся на любом режиме (свободного проживания, круглосуточного наблюдения и постельном). К слову, граждане, находящиеся на постельном режиме, могут заниматься в течение 10–15 минут (в зависимости от состояния), что благотворно влияет на мелкую моторику рук, такие занятия позволяют человеку не утратить элементарные навыки, необходимые ему для самообслуживания (держат ложку в руке и пр.).

Прикладная техника Эбру обладает высоким психотерапевтическим потенциалом, поскольку позволяет отвлечь человека от монотонности повседневной жизни, способствует спокойствию и расслаблению. В то время как создается рисунок Эбру, мысли и чувства переключаются на цвет и создаваемый образ. Возникает новая картина мира, проживающий интерната ощущает себя вдали от проблем повседневной жизни, как следствие, психологическая напряженность уменьшается, а внимание переключается на движение воды и цветочных красок.

Несмотря на то, что техника Эбру является искусством и исчисляется несколькими столетиями, в практике социальной и психологической работы эбрутерапия только начинает применяться. Терапевтический эффект эбрутерапии основан на гармонизирующем, развивающем и релаксационном воздействиях. Эбру как вид искусства влияет на психофизическое состояние и личностное развитие человека.

Также метод малозатратен. Материалами, необходимыми для использования техники, являются: вода, органические красители, загуститель, конский волос. В использовании самой техники очень важно, что в процессе легко менять детали изображения, не используя ластик, одной и той же рабочей поверхностью можно пользоваться бесконечное число раз.

Интересным представляется сам процесс нанесения красок на поверхность водного раствора. Визуализация образа захватывает творца, создает устойчивый интерес, активизирует непроизвольное внимание, как исполнителя (проживающего дома-интерната), так и наблюдателя (психолога, инструктора по трудотерапии). Как отмечают исследователи, такой эффект позволяет создать естественную основу для формирования и развития произвольного внимания как центральной функции самоконтроля.

Первый этап рисования состоит из создания фона, где краска в виде капель наносится одним или несколькими слоями на водный раствор и расплывается в круги.

Наблюдение за расплывающимися разноцветными пятнами и изгибами линий на поверхности воды создает седативный эффект, способствуя снижению уровня тревожности, агрессии, снятию эмоционального напряжения. Второй этап техники предполагает создание картины по предварительному замыслу с более четкими очертаниями и формами. А это, в свою очередь, требует развития навыков самоконтроля, саморегуляции, а также достаточного уровня развития абстрактного мышления, моторики, пространственного восприятия, умения ориентироваться на изобразительной поверхности. Регулярное выполнение подоб-

ных заданий способствует формированию и развитию указанных процессов, функций и навыков проживающих, повышает их самооценку.

Обратимся к практике работы ГУСО «Глубокский психоневрологический дом-интернат для престарелых и инвалидов» по реализации данной техники с проживающими. На сегодняшний день в учреждении находятся 325 человек (173 мужчины и 152 женщины) с различными ментальными и психическими нарушениями. Средний возраст обеспечиваемых дома-интерната – 55,2 лет. Значительная часть проживающих – это инвалиды II группы – 246 человек (или 76 % от числа всех проживающих). В доме-интернате широко развито арт-терапевтическое направление. С проживающими проводятся занятия по библиотерапии, драматерапии, музыкотерапии, песочной терапии, фототерапии и пр. На постоянной основе в технике Эбру работает 30 проживающих. Занятия проводятся 2 раза в неделю. Продолжительность одного занятия составляет от 40 до 60 минут (в зависимости от настроения и состояния клиента). Специфических противопоказаний для занятия Эбру нет, в целом, можно выделить несколько, которые являются общими для применения арт-терапевтических методов: во-первых, это состояния, не позволяющие больному длительное время усидеть за рабочим столом; во-вторых, ситуации, при которых один проживающий мешает заниматься другому (другим) проживающим; в-третьих, если речь идет о больных с выраженным психомоторным или маниакальным возбуждением, не позволяющим им сосредоточить внимание на объекте действия; и, наконец, в-четвертых, препятствием к работе в технике Эбру может стать нарушение сознания и тяжелые депрессивные расстройства с уходом в себя.

Во время занятий каждый участник имеет возможность поделиться переживаниями, высказать свое мнение. Для усиления степени значимости занятий, повышения самооценки проживающих в доме-интернате периодически организованы выставки творческих работ проживающих в технике Эбру.

Таким образом, использование методов арт-терапии в целом, и эбрутерапии, в частности, направлены на обеспечение улучшения качества проживания пожилых и инвалидов в условиях психоневрологического дома-интерната. Важное значение при этом играет кадровый состав учреждения, позволяющий эффективно организовать терапевтическую среду стационарного учреждения, особенно в периоды изоляции. От того, насколько разнообразными и интересными будут эти мероприятия, будет зависеть вовлеченность проживающих в разные виды арт-терапии. Систематическая работа недееспособных граждан по созданию арт-объектов в различных техниках и разной степени сложности, будет положительно влиять на их эмоциональное состояние. А использование техники Эбру, построенной на движении воды и образа, позволит использовать одну и ту же рабочую поверхность для создания многочисленных картин, которые могут плавно менять друг друга, не используя перечеркиваний и стираний (как при рисовании на бумаге), что играет важную роль при работе с лицами, имеющими нестабильное настроение, проявляющими агрессию.

© Воробьева С. А., Дайлиденко В. А., 2021

УДК 159.9

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ РЕГУЛЯЦИЯ ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНТАМИ В СИТУАЦИИ ПАНДЕМИИ

А. М. Гадилия¹, С. А. Месникович²

¹доцент, Белорусский государственный экономический университет,
г. Минск, Республика Беларусь

²доцент, Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка,
г. Минск, Республика Беларусь

Эмоциональная сфера выступает значимым регулятором поведения, обеспечивает гибкость выбора стратегий в ситуациях неопределенности при наличии таких регуляторных механизмов, которые бы позволяли личности преодолевать ее негативные контексты и сохранять активность. Приводятся результаты исследования восприятия студентами ситуации пандемии и представлений о негативных и позитивных сторонах своей жизнедеятельности в новых обстоятельствах.

Ключевые слова: эмоции, эмоциональная сфера, эмоциональная регуляция, пандемия.

EMOTIONAL REGULATION OF STUDENTS BEHAVIOR IN A PANDEMIC SITUATION

The emotional sphere acts as a significant regulator of behavior, provides flexibility in choosing strategies in situations of uncertainty in the presence of such regulatory mechanisms that would allow the individual to overcome its negative contexts and remain active. The results of the study of students' perception of the pandemic situation and ideas about the negative and positive aspects of their life in new circumstances are presented.

Keywords: emotions, emotional sphere, emotional regulation, pandemic.

Регуляция эмоциональных состояний является одной из наиболее актуальных психологических проблем на современном этапе развития общества. Неопределенность, возникшая под влиянием пандемии, как и сама пандемия, обусловили необходимость ее осмысления субъектом в контексте поиска оптимальных способов организации своей жизнедеятельности в новой ситуации.

По мнению Т. М. Панкратовой, регуляция является общим свойством всей психической деятельности и связана с необходимостью приведения психического отражения мира человеком, его отношения к окружающей среде в наиболее полное соответствие с реальностью [2, с. 3].

Пандемия, как чрезвычайная ситуация, затронула многие сферы жизни и оказала влияние не только на соматическое, но и психическое здоровье человека. В этой связи, минимизация деструктивных проявлений в поведении личности связана как с механизмами саморегуляции, стратегиями совладания, так и организацией соответствующей психологической помощи.

Изучение различных психологических аспектов поведения человека в ситуации пандемии показало высокий уровень потребности в психологической помощи, связанный с повышенным уровнем стресса, усилением психопатологической симптоматики, снижением возможности адекватно справляться со стрессом [1, с. 1].

Как отмечают Рассказова Е. И., Леонтьев Д. А., Лебедева А. А. тревога по поводу пандемии не связана с удовлетворенностью жизнью и позитивными эмоциями, но связана с негативными эмоциями. Из стратегий совладания в ситуации пандемии испытуемые отдавали предпочтение позитивному переформулированию и личностному росту, принятию, планированию, активному совладанию, юмору [3, с. 103–104].

Исследование Холодовой Ю. Б. показало, что наиболее уязвимыми в психологическом плане являются возрастные группы 18–24 года и 45–54 года. Также возрастная группа 18–24 года наиболее уязвима в плане развития тревожно-фобических и депрессивных реакций. По мнению автора, вероятно, это реакция на общую ситуацию социальной неопределенности при отсутствии опыта переживания подобных кризисов. Отсутствие подобного опыта приводит к сильному повышению тревожности, что важно учитывать при оказании психологической помощи и планировании профилактических мероприятий [5, с. 116].

Изучение вынужденной самоизоляции в период пандемии позволило говорить о том, что студенты в достаточной степени контролируют внешнюю деятельность, эффективно используют представляющиеся возможности, способны создавать условия и обстоятельства, подходящие для удовлетворения личных потребностей и достижения целей, уверены в том, что активная позиция может повлиять на результат происходящего. Ресурсным потенциалом студентов может являться высокий уровень позитивного самоотношения, эффективный контроль внешней деятельности и умение использовать представляющиеся возможности [4, с. 224].

В контексте исследуемой нами проблемы мы изучили особенности реагирования на ситуацию пандемии, а также представления о негативных и позитивных сторонах собственной жизнедеятельности в данных обстоятельствах студентов младших курсов исторического факультета Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка и студентов Института социально-гуманитарного образования Белорусского государственного экономического университета. Общее количество испытуемых – 75 человек. В качестве диагностического инструментария использовалось анкетирование. Обработка полученных данных осуществлялась посредством контент-анализа с дальнейшим применением математической статистики (частотного анализа и U-критерия Манна–Уитни).

Согласно полученным данным, диапазон испытываемых эмоций и чувств на ситуацию пандемии у студентов педагогического вуза, принимавших участие в исследовании, представлен 29 смысловыми единицами. Наибольшую частотность набрали следующие эмоциональные явления (в порядке убывания): беспокойство, тревога, раздражение, страх, сомнения, гнев, печаль, разочарование.

Диапазон испытываемых эмоций и чувств студентами экономического вуза включает 19 смысловых единиц: страх, паника, тревога, беспокойство, досада, раздражение, гнев, безысходность, спокойствие, смирение.

В некоторой части ответов имели место такие эмоциональные реакции: «никаких эмоций, чувство спокойствия, веселье», «недоумение вначале и смирение в данный момент». Вероятно такие ответы демонстрируют попытку обесценивания ситуации как способа совладания с негативными эмоциями в период неопределенности. Вместе с тем в определенном смысле их можно рассматривать как поиск гармонизации внутреннего состояния молодых людей.

Полученные данные свидетельствуют, что наиболее позитивные моменты жизнедеятельности студентов-педагогов в период пандемии связаны со следующими событиями:

- освоением дистанционного обучения;
- возможностью регулярного питания и увеличения времени на сон;
- нахождением в кругу семьи.

Имели место такие ответы: «встречи с друзьями на интернет – платформах», «увеличение времени на собственные проекты», «больше отдыха».

Студенты экономического вуза в качестве наиболее позитивных моментов указали:

- больше стали проводить времени дома с родными;

- появилось больше свободного времени для отдыха;
- появилось больше времени для занятий любимыми делами;
- стали больше заботиться о себе и близких;
- стали осторожнее;
- освоение новых форм обучения.

Наиболее негативными моментами в период пандемии студенты педагогического профиля считают:

- ношение масок;
- собственная болезнь и болезнь близких;
- ограничения, запреты, изоляция;
- отсутствие обычной студенческой жизни.

Для студентов экономического вуза наиболее негативные моменты – это:

- переживание за близких;
- ограничение социальных контактов;
- боязнь заболеть;
- не соблюдение масочного режима;
- безразличие некоторых людей к собственной безопасности и безопасности окружающих;
- смертность людей;
- отсутствие эффективных лекарств.

Пандемия вызывает у студентов широкий спектр переживаний, проявляющихся в страхе, беспокойстве, боязни, тревоге, что естественно для ситуаций неопределенности. При этом эти переживания связаны не только с собственной личностью и кругом близких людей, но и поведением и отношением части социума к сложившейся ситуации.

Таким образом, эмоциональная сфера выступает важным регулятором поведения человека, связана с выбором стратегий реагирования в различных жизненных обстоятельствах. Восприятие и принятие ситуации пандемии предполагает наличие у личности таких регуляторных механизмов поведения, которые бы обеспечивали преодоление ее негативных контекстов, сохранение активности личности, что требует целенаправленной работы в данном направлении.

Библиографические ссылки

1. Психологическое состояние людей в период пандемии COVID-19 и мишени психологической работы [Электронный ресурс] / О. М. Бойко, Т. И. Медведева, С. Н. Ениколопов и др. // Психологические исследования. 2020. Т. 13, № 70, С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 26.03.2021).
2. Панкратова Т. М. Саморегуляция в социальном поведении : учеб. пособие ; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. Ярославль : ЯрГУ, 2011. 112 с.
3. Рассказова Е. И., Леонтьев Д. А., Лебедева А. А. Пандемия как вызов субъективному благополучию: тревога и совладание // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28, № 2. С. 90–108.
4. Сидячева Н. В., Зотова Л. Э. Ситуация вынужденной самоизоляции в период пандемии: психологический и академический аспекты // Современные наукоемкие технологии. 2020. № 5. С. 218–225.
5. Холодова Ю. Б. Особенности переживания тревоги в период пандемии COVID-19 представителями разных возрастных групп // Международный журнал медицины и психологии. 2020. Т. 3, № 2. С. 114–116.

УДК 159.9

ОСОБЕННОСТИ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИХ ТИПА ТЕМПЕРАМЕНТА

А. А. Смирная¹, И. А. Иванов²

¹*заведующий кафедрой психологии и педагогики,
кандидат педагогических наук, доцент,
Сибирский государственный университет науки и технологий
имени академика М. Ф. Решетнева,
г. Красноярск, Российская Федерация*

²*доцент кафедры социально-гуманитарных наук и истории искусств,
Красноярский государственный институт искусств
имени Д. Хворостовского,
г. Красноярск, Российская Федерация*

Раскрыто содержание понятий «темперамент» и «стрессоустойчивость», которые являются первостепенными факторами, оказывающими влияние на поведение человека. Темперамент рассматривается как устойчивая совокупность индивидуальных психофизиологических особенностей личности, связанных с динамическими процессами (темпом, ритмом, интенсивностью психических процессов). Стрессоустойчивость представляет сохранение состояния внутреннего равновесия, оказывающее существенное искажающее влияние на восприятие субъектом окружающего мира, самого себя и других людей. Таким образом, исследование направлено на выявление зависимости стрессоустойчивости обучающихся от их типа темперамента.

Ключевые слова: стрессоустойчивость, темперамент, типы темперамента, эмоциональный стресс.

CHARACTERISTICS OF STRESS RESISTANCE OF STUDENTS DEPENDING ON THEIR TYPE OF TEMPERAMENT

The content of the concepts of “temperament” and “stress resistance”, which are the primary factors influencing human behavior, is revealed. Temperament is considered as a stable set of individual psychophysiological characteristics of a person associated with dynamic processes (pace, rhythm, intensity of mental processes). Stress resistance is the preservation of a state of internal balance, which has a significant distorting effect on the perception of the subject of the surrounding world, himself and other people. Thus, the study is aimed at identifying the dependence of students’ stress resistance on their type of temperament.

Keywords: stress resistance, temperament, types of temperament, emotional stress.

В постоянно меняющихся условиях жизнедеятельности, динамичной неустойчивости потоков различных задач наблюдается рост эмоционального стресса у человека, особенно это касается обучающихся вузов. При этом эмоциональный стресс считается одним из ведущих факторов, вызывающих нарушения здоровья человек, и способствует формированию психосоматических заболеваний. По оценкам ученых с этим фактором связаны 70 % встречающихся заболеваний [5; 6]. Переживания стресса обучающимися вузов по различным причинам негативно влияет на их психику.

При рассмотрении стресса, определяющего напряжение функциональных систем, личностные и психические особенности человека становятся важными для оценки качества

адаптивных механизмов. От этих свойств зависит тип индивидуально-психологической реактивности человека в той или иной ситуации, характер доминирующих поведенческих реакций в условиях стресса.

Темперамент является динамической характеристикой личности и определяется свойствами нервной системы. Б. Г. Ананьев, А. О. Прохоров, Д. Брехт, Е. Милер, С. Р. Лазарус, Ю. Г. Чириков признают, что темперамент – биологический фундамент, на котором формируется личность как социальное существо. З. Левандер, А. Русен, М. Франкенхойзер, Т. Стокфельт, Я. Рейковский в своих трудах описывают зависимость успешности деятельности в условиях психического стресса от личных особенностей индивидуума, изучают связь ухудшения деятельности под воздействием стресса и склонности к тревоге, склонности к депрессивным тенденциям, избыточной мотивации, завышенном уровне требований. В. В. Белоус, Ю. Б. Гиппенрейтер, А. Г. Ковалев, В. Н. Мясищев, Л. Леви, Я. Стреляу считали, что стрессовые факторы образовательной среды плохо сказываются на состоянии физического и психического здоровья обучающихся.

Разные типы темперамента человека (сангвинический, холерический, флегматический, меланхолический) тесно связаны с его психофизиологическими особенностями и имеют большое значение для преодоления стрессовых ситуаций. Люди с различным типом темперамента имеют индивидуально-психологические особенности психической жизни, следовательно, они по-разному реагируют на стресс и стрессоустойчивость неодинакова [2; 5].

Холерический тип относится к сильному, неуравновешенному типу нервной системы. Такие люди эмоционально активны и легко возбудимы, чрезмерно быстро выполняют профессиональные функции. Посредством выраженных эмоциональных реакций холерики быстро избавляются от негативного состояния, поэтому способны длительное время работать в условиях напряжения.

Флегматический тип обладает сильным, уравновешенным инертным типом нервной системы. Флегматики обладают низкой активностью в деятельности, однако выносливы и работоспособны. Данный тип людей может настойчиво и длительно трудиться в условиях профессионального стресса, но способен к накоплению негативных состояний.

Сангвинический тип обладает сильным, уравновешенным, подвижным типом нервной, а, следовательно, устойчив к стрессовым ситуациям.

Меланхолический тип имеет низкую стрессоустойчивость из-за слабого типа нервной системы. В условиях стресса они заметно снижают работоспособность, испытывают дискомфорт, ухудшение общего самочувствия.

Стрессоустойчивость представляет собой совокупность личностных качеств, позволяющих человеку переносить значительные интеллектуальные, волевые и эмоциональные нагрузки, обусловленные особенностями профессиональной деятельности. Стрессоустойчивость во многом схожа с понятием эмоциональная устойчивость. М. И. Дьяченко [1], Я. Рейковский [3], А. Русен [4] связывают устойчивость эмоций со свойствами темперамента, оказывающее влияние на силу эмоциональных переживаний и проявлений; зависимость успешности деятельности в условиях стресса от личностных особенностей индивидуума; ухудшение деятельности под воздействием стрессора и склонности к тревоге.

Состояние стресса чаще можно наблюдать у обучающихся первого курса, связанное с адаптацией к учебной среде, выступлением на публике, опозданиями, сессией, первыми экзаменами – в целом все учебные процессы.

На последующих курсах стрессовыми ситуациями могут являться сдача экзаменов, зачеты, рефераты. Для тех, кто уже оканчивает учебное заведение, стресс может вызвать написание дипломной работы, сдача государственных экзаменов.

Резюмируя теоретическую основу исследования темперамента и стрессоустойчивости, перейдем к экспериментальной части. Целью нашего исследования являлось изучение особенностей стрессоустойчивости обучающихся в зависимости от их темперамента.

В 2021 г. на базе Факультета театрального и хореографического искусств ФГБОУ ВО «Красноярский государственный институт искусств имени Д. Хворостовского» (г. Красноярск) и Института социального инжиниринга ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева» (г. Красноярск) была организована и проведена опытно-экспериментальная работа, целью которой явилось выявление стрессоустойчивости обучающихся в зависимости от их темперамента.

В исследовании приняли участие 31 человек (16 студентов специальности «Актерское искусство» (КГИИ им. Д. Хворостовского), 15 студентов направления подготовки «Социальная работа» (СибГУ им. М. Ф. Решетнева), возраст обучающихся варьировался от 18–19 лет. Для проведения исследования были выбраны следующие методики: Опросник Г. Ю. Айзенка «EPQ», Методика Я. Стреляу и методика «Перцептивная оценка типа стрессоустойчивости» Н. П. Фетискина и В. В. Козлова.

Опросник Г. Ю. Айзенка выявляет тип темперамента и определяет три фундаментальные свойства: интроверсия–экстраверсия; нейротизм (эмоциональную неустойчивость – эмоциональную стабильность); психотизм.

Методика Я. Стреляу (адаптация Н. Н. Даниловой, А. Г. Шмелева) направлена на изучение структуры темперамента. В данной методике определяется подвижность нервных процессов. Уровень процессов возбуждения, уровень процессов торможения, уровень подвижности нервных процессов, так же рассчитывается показатель уравновешенности процессов возбуждения и торможения по силе.

Для определения типа стрессоустойчивости была использована методика «Перцептивная оценка типа стрессоустойчивости» Н. П. Фетискина и В. В. Козлова. Благодаря данной методике определила насколько стрессоустойчивы обучающиеся.

Исходя из результатов по опроснику Г. Ю. Айзенка проведенных методик, у обучающихся были выявлены: уровень подвижности их нервных процессов, уровень возбудимости и торможения, а так же их уравновешенность и соответственно типы темперамента.

Благодаря шкалам интроверсии, экстраверсии, эмоциональной устойчивости и нейротизма, были выявлены типы темперамента студентов. Интроверсия выявлена у 52 % студентов, экстраверсия присуща 48 % студентам. У 5-ти человек показан нейротизм. Эмоционально устойчивых 26 человек. Процентное соотношение типов темперамента отображено в таблице.

Процентное соотношение типов темперамента у обучающихся по методике Г. Айзенка

Тип темперамента	Количество человек	Процентное соотношение, %
Сангвиники	10	32,2
Холерики	6	19,3
Флегматики	8	25,8
Меланхолики	7	22,5

Для подтверждения результатов первого исследования была определена подвижность нервных процессов у студентов по методике изучения структуры темперамента Я. Стреляу (адаптация Н. Н. Даниловой, А. Г. Шмелева). Показатели уровней процессов возбуждения, торможения, подвижности нервных процессов определялся по балльной шкале.

Уровень процессов возбуждения. Высокие баллы – сильная ответная реакция на возбуждение, стимул; не обнаруживаются признаки запредельного торможения, прямая корреляция с высокими показателями по теппинг-тесту: быстрые включаемость в работу, вработываемость и достижение высокой производительности; низкая утомляемость; высокая работоспособность и выносливость. Низкие баллы – слабая и запоздалая реакция на возбуждение, быстро достигается запредельное торможение; низкие показатели по теппинг-тесту; медленные: включаемость в работу, вработываемость и невысокая производительность труда; высокая утомляемость; низкая работоспособность.

Уровень процессов торможения. Высокие баллы – сильные нервные процессы со стороны торможения; возбуждения, стимулы легко гасятся; быстрое реагирование ответным действиям на простые сенсорные сигналы, хорошая реакция; высокий самоконтроль, собранность, бдительность, хладнокровие в поведенческих реакциях. Низкие баллы – слабость процессов торможения, импульсивность в ответных действиях на стимул, слабый самоконтроль в поведенческих реакциях, определенная расторможенность, расхлябанность, нетребовательность и снисходительность к себе; медленное или запоздалое, реагирование ответными действиями на простые сигналы; плохая реакция, неровное реагирование, неадекватные реакции, склонность к истерии.

Уровень подвижности нервных процессов. Высокие баллы – легкость переключения нервных процессов от возбуждения к торможению и наоборот; быстрый переход от одних видов деятельности к другим; быстрая переключаемость, решительность, смелость в поведенческих реакциях. Низкие баллы – характерны для людей, склонных работать по стереотипу, не любящих быстрых и неожиданных изменений в деятельности, инертных, проявляющих, как правило, низкую способность переключаться на новые виды работ и успешно осваивать новую профессию.

Расчет дополнительного показателя: уравновешенность по силе. Чем ближе к единице значение A , тем более высокой является уравновешенность. Уравновешенным человеком является тот, для которого значение A не выходит за пределы интервала 0,85 – 1,15. Если значение A выходит за пределы интервала, то можно утверждать, что данный человек отличается неуравновешенностью своей психологической активности. Если значение дроби меньше 0,85 – означает неуравновешенность в сторону возбуждения, т. е. процессы возбуждения не уравновешивают собою процессы торможения. Если значение больше 1,15 – неуравновешенность в сторону торможения, т.е. процессы торможения не уравновешивают собою процессы возбуждения.

Результаты опроса показали, что у трех студентов процессы возбуждения не уравновешивают процессы торможения (0,53; 0,68; 0,67). Еще у шести студентов, показатели немного занижены (0,75), а у двух – уровень вышел за пределы уравновешенности (1,9 и 2, при норме 1,5).

Таким образом, можно сказать, что из семи меланхоликов у пяти наблюдается неуравновешенность в сторону торможения; три из них – входят в группу нейротизма: из шести холериков, у двоих наблюдается неуравновешенность психических процессов (при норме до 1,5). У сангвиников показана быстрота и подвижность нервных процессов, у флегматиков нервные процессы уравновешивают друг, друга, но у пяти из них подвижность нервных процессов мала, это доказывает тот факт, что флегматики размерены в своей жизни и уравновешены.

Далее была проведена методика «Перцептивная оценка типа стрессоустойчивости» Н. П. Фетискина и В. В. Козлова. По результатам тестирования обучающихся уровни стрессоустойчивости распределились следующим образом: высокий уровень – 58 % (18 человек); уровень выше среднего (пороговый) – 26 % (8 человек); низкий уровень – 16 % (5 человек).

Объединив все результаты исследования можно сказать, что из общего количества учащихся 31 человек, двое холериков имеют высокую чувствительность к стрессу 6,4 %; у четырех холериков состояние к стрессу встречается нередко – 12,8 %. По типу темперамента сангвиник – из 10-ти человек стрессоустойчивы семеро – 22,4 %, трое из сангвиников – 9,6 % иногда проявляют состояние стресса. У Флегматиков проявление стресса встречается редко – из восьми человек всего у двух обучающихся состояние стресса иногда проявляется – 6,4 %, остальные шесть человек – 19,2 % стрессоустойчивы. Меланхолики имеют низкую стрессоустойчивость, из семи человек у четырех стресс нередко проявляется – 12,8 %. У трех человек устойчивость к стрессу очень низка 9,6 %.

Таким образом, соединив все данные, можно полагать, что из 31 обучающихся у 16,5 % устойчивость к стрессу низкая – это холерики и меланхолики, у 83,5 % – стрессоустойчивость находится в пределах нормы, – это сангвиники и флегматики.

С целью оценки особенностей переживания стресса обучающимися в зависимости от их темперамента был проведен корреляционный анализ взаимосвязи представленных переменных. Для проведения корреляционного анализа использовался ранговый коэффициент корреляции Спирмана (r_s). При оценке взаимосвязи типа темперамента и стрессоустойчивости по показателю интроверсия и экстраверсия получились следующие результаты: при объеме выборки ($n = 31$), $r(s) = 0,459$ при уровне значимости $p = 0,1$ $t_{эмп} = 0,36$ при $r_{крит} = 0,46$, что свидетельствует о наличии достоверной прямой корреляционной связи средней силы. Также была выявлена статистически значимая слабая, обратнопропорциональная взаимосвязь между стрессоустойчивостью и нейротизмом, следовательно, чем выше уровень нейротизма, тем ниже уровень стрессоустойчивости и наоборот. Так как нейротизм является одним из свойств темперамента, то можно говорить об определенной зависимости стрессоустойчивости от типа темперамента.

Полученные данные могут быть использованы в профилактической работе по формированию индивидуальной траектории профессионального развития обучающихся, имеющих те или иные свойства темперамента. А также полученные результаты могут быть применимы в коррекционной работе с обучающимися по формированию способности противостоять воздействиям эмоционального стресса.

Библиографические ссылки

1. Дьяченко М. И., Кандыбович Л. А., Пономаренко В. А. Готовность к деятельности в напряженных ситуациях: Психологический аспект. Минск : Изд-во «Университетское», 1985. 206 с.
2. Мерлин В. С. Очерк теории темперамента / сост. Б. А. Вяткин. 3-е, интегр. Пермь : ПГГПУ, 2018. 461 с.
3. Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. М. : Прогресс, 1979. 392 с.
4. Русен А. Усвоение вероятности события и склонность к тревожным состояниям // Эмоциональный стресс / под ред. В. Н. Мясищева. Л. : Медицина, 1969. С. 72–74.
5. Теплов Б. М. Проблемы индивидуальных различий. М., 1991. 184 с.
6. Щербатых Ю. В. Психология стресса и методы коррекции. СПб. : Питер, 2006. 256 с.

© Смирная А. А., Иванов И. А., 2021

УДК 159.96

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ КАК ФАКТОР ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ РАБОТНИКОВ БАНКОВСКОЙ СФЕРЫ

О. А. Талипова

*доцент, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова,
г. Казань, Российская Федерация
E-mail: otalipova@nzh.ieml.ru*

Анализируются результаты исследования профессионального выгорания и психологического благополучия банковских служащих, подчеркивается целесообразность проведения своевременной профилактической работы по устранению профессиональных деформаций и обеспечению психологического благополучия специалистов профессионального типа «человек–человек».

Ключевые слова: профессиональное выгорание, психологическое благополучие, банк, банковские служащие.

PROFESSIONAL BURN OUT AS A FACTOR OF PSYCHOLOGICAL UNWELLING OF BANKING WORKERS

The article analyzes the results of a study of professional burnout and psychological well-being of bank employees, emphasizes the expediency of timely preventive work to eliminate professional deformations and ensure the psychological well-being of specialists of the professional type “person-to-person”.

Keywords: professional burnout, psychological well-being, bank, bank employees.

В течение последних лет проблема психологического благополучия личности приобрела высокую актуальность. Несомненна связь психологического благополучия зрелой личности с удовлетворенностью работой и благополучием на рабочем месте. Поэтому одним из факторов психологического неблагополучия личности является профессиональное выгорание. Так как по данным многочисленных исследований, представители профессий типа «человек–человек» в большей степени подвержены воздействию феномена профессионального выгорания, то следовательно изучение психологического благополучия представителей данных профессий представляется наиболее актуальным.

На наш взгляд, представляет актуальность вопрос психологического благополучия и профессионального выгорания банковских служащих, чья профессиональная деятельность предполагает регулярное и тесное общение с другими людьми, оказание услуг населению. Этот вопрос актуален в связи с важной ролью банковской системы в экономическом развитии любого государства и потребностью рынка в высоконадежной профессиональной деятельности банковских служащих.

Экспериментальное исследование проводилось на базе акционерного коммерческого банка «АК БАРС» в городе Нижнекамск Республики Татарстан. Участниками стали банковские служащие в возрасте от 23 до 45 лет с разным стажем профессиональной деятельности в данной сфере. Испытуемые были поделены нами на две группы, в первую вошли испытуемые со стажем не более 6 лет, во вторую – сотрудники со стажем более 10 лет.

Выводы о эмоциональном состоянии испытуемых были сделаны на основании использования методик: «Диагностики уровня эмоционального выгорания» В. В. Бойко; «Психологическое выгорание» в профессиях системы «человек – человек» (разработана Н. Водопьяно-

вой, Е. Старченковой на основе модели К. Маслач и С. Джексона); «Определение психического выгорания» А. А. Рукавишников; В. М. Русалова для определения особенностей нервной системы; «Усталость – монотония – психическое пресыщение – стресс» (Т. А. Немчинов).

Анализ результатов позволил оценить выраженности профессионального выгорания банковских работников. Так, низкий уровень эмоционального истощения имеет 33,3 % банковских работников, средний – 36,7 %, у остальных (30 %) высокий уровень эмоционального истощения. Несколько иная картина при анализе особенностей проявления деперсонализации: низкий уровень установлен у большинства респондентов (66,7 %), средний – имеет 30 % банковских работников. Редукция личных достижений выражена лишь у 36,7 % испытуемых, у них выражен негативизм в отношении служебных преимуществ и возможностей.

Таким образом, исследование особенностей профессионального выгорания показало, что в целом, у исследуемых отмечается высокий уровень редукции личных достижений, средний уровень эмоционального истощения и низкий уровень деперсонализации.

Характеризуя личностный портрет банковского работника можно отметить, что подавляющее большинство испытуемых характеризуются средним уровнем коммуникативной энергичности (38 %), коммуникативной пластичности (71 %), коммуникативной скорости (53 %), а также высоким уровнем коммуникативной эмоциональности (66 %). Среди работников банковской сферы преобладают лица с экстравертированной направленностью (33,3 % холерики, 30 % сангвиники, 20 % флегматики, 16,7 % меланхолики).

Так как в ходе первичной диагностики были выявлены отдельные симптомы профессионального выгорания у всех респондентов, на формирующем этапе эксперимента нами была разработана и реализована трехкомпонентная система предупреждения профессионального стресса у сотрудников «АК БАРС банка».

Работа по профилактике эмоционального выгорания у сотрудников банка реализовывалась нами на трех уровнях: а) на когнитивном испытуемым сообщалась актуальная информация о стрессе, причинах его возникновения, действующих на организм и средств предупреждения и коррекции негативных последствий; б) на поведенческом уровне проходила отработка конструктивных форм поведения банковских служащих; в) на эмоциональном – проходило формирование и закрепление приемлемых реакций в эмоционально значимых ситуациях. Срок реализации программы 3 месяца.

В результате наблюдений и анализа изменений, которые состоялись во время работы по профилактике эмоционального выгорания, были обнаружены следующие тенденции: сформирована система знаний о стрессе и профилактически-коррекционных мероприятиях; интенсифицировалась динамика развития позитивного мышления, адекватной самооценки, конструктивного общения, профессионального и личностного самоопределения и саморегуляции стрессовых состояний.

На контрольном этапе эксперимента у доминирующей части испытуемых не отмечалось проявлений повышенной психической истощаемости и аффективной лабильности. При исследовании динамики проявления деперсонализации было установлено, что у всех 100 % респондентов отмечается низкий уровень проявления деперсонализации. Редукция личных достижений на низком уровне выражена в 46,7 %, на среднем – у 53,3 %.

В результате статистического анализа было установлено, что статистически значимыми оказались различия за всеми шкалами методики для исследования уровня профессионального выгорания среди банковских работников с высоким уровнем значимости $p < 0,001$.

Установлено наличие статистически значимых связей стажа работы и характеристики стресса «резистенция» ($r = 0,373$, при $p \leq 0,042$), доказана связь трудового стажа с такими компонентами резистенции, как «неадекватное эмоционально выборочное реагирование» ($r = 0,368$, при $p \leq 0,046$) и «эмоционально моральная дезорганизация» ($r = 0,382$, при $p \leq 0,037$); с отдельными характеристиками формальных поведенческих реакций, которые отображают разные бока функциональной системы.

Итак, можно сделать вывод об эффективности внедряемой программы, направленной на профилактику эмоционального выгорания у сотрудников банка (повышение уровня интернальности, способности нести персональную ответственность за свои поступки, уверенности в себе, снижение уровня неуверенности и тревожности и повышения уровня коммуникативной активности персонала банка).

В ходе исследования подтверждена целесообразность внедрения предложенной программы с целью обеспечения психологического благополучия личности. Важными для профилактики возникновения синдрома «профессионального выгорания» являются навыки владения собой, умение работать с собственными негативными эмоциями, способность к свободному, естественному проявлению чувств и эмоций.

Библиографическая ссылка

1. Удовик С., Молокоедов А., Слободчиков И. Эмоциональное выгорание в профессиональной деятельности. М. : ООО «Левъ», 2018. 372 с.

© Талипова О. А., 2021

УДК 159.923:316.6

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-АДАПТАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ У ВЫПУСКНИКОВ ДЕТСКИХ ДОМОВ

Н. А. Лихошерстова

*аспирант, Сибирский государственный университет
науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева,
г. Красноярск, Российская Федерация*

На архивных материалах в сочетании с анализом теории и практики воспитания в детских домах его результатов.

Ключевые слова: детские дома, воспитанники детских домов, воспитание.

SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF FORMATION OF SOCIAL-ADAPTATION PROCESSES IN GRADUATES OF ORPHANAGES

On archival materials combined with an analysis of the theory and practice of upbringing in orphanages and its results.

Keywords: orphanages, inmates of orphanages, upbringing.

Социальная и психологическая адаптация молодых людей из числа детей-сирот является актуальной проблемой, которая рассматривается под призмой разных социальных наук. Важность этой темы обусловлена не только научно-познавательным интересом, но и самой жизнью. С одной стороны, наблюдается тенденция к сокращению численности детей-сирот. Так, по данным озвученным вице-премьером РФ Татьяной Голиковой на Совете по вопросам попечительства в социальной сфере при Правительстве РФ, «в Российской Федерации количество детей-сирот сократилось за год на 6,6 % и составило на начало 2021 года 406 тыс.». С другой стороны, адаптация к социальной среде выпускников детских домов является актуальным социальным вопросом. Это в том случае, если выпускники детских домов рассматриваются не только как объекты социальной защиты и обеспечения, но и как особая общественная категория.

Выпуск из детского дома это своеобразный экзамен на способность адаптироваться к новой обстановке, привыкать к новому укладу жизни, устанавливать контакты с социальным окружением [1].

Термин «социальная адаптация (от латинского *adaptatio* – приспособить) рассматривается как процесс и результат согласования ребенка с окружающим миром, приспособление к окружающей среде, к новым условиям жизнедеятельности, к структуре отношений в определенных социально-психологических общностях, установления соответствия поведения принятым в них нормам и правилам» [2, с. 16]. В большинстве работ отечественных авторов под социальной адаптацией сирот понимается «успешное усвоение ими своих социальных ролей в системе общественных отношений» [2, с. 19].

Социальная среда сама по себе не однородное явление, она представляет собой различные социальные группы общества, такие как семья, учебные учреждения, друзья, учебный и производственный коллектив. Достигнув совершеннолетия, выпускники покидают стены привычного учреждения и переходят в другую социальную среду, к которой они оказываются недостаточно психологически готовыми.

Проблемы приспособления к окружающей среде выпускников детских домов связаны с несколькими причинами. Первая из причин – это особый социально-психологический портрет выпускника, который играет не малую роль во включении выпускника детского дома в общество. Исследования К. А. Абульханова-Славская, Б. Г. Ананьева, П. М. Ершова, В. Н. Мясищева, П. В. Симонова раскрывают механизмы, ведущие к деформации активности и формированию пассивной жизненной позиции.

Вчерашние воспитанники детских домов, проведя долгие годы на полном государственном обеспечении, оказываются совсем неготовыми к самостоятельной жизни, то есть они не знают своих прав и как их защищать, не знают как жить самостоятельно без поддержки извне. Также часто отмечается несоответствие их адаптационного личностного потенциала к условиям среды, в которую они должны включиться. Это приводит к тому, что затрудняется их социальная адаптация.

Примером, подтверждающим все выше обозначенное, может быть спонтанно проведенный социальный эксперимент (который еще требует дополнительного социально-психологического изучения) по организации совместного проживания детей-сирот, который обернулся неблагоприятными последствиями. В микрорайоне Солнечный города Красноярска в одном многоквартирном доме по договору социального найма проживали 208 выпускников детских домов (выпускники разных детских домов, которые заселились фактически единовременно). Это обернулось тем, что постоянно выбрасывался мусор из окон и балконов, было испорчено общедомовое имущество (лифты, двери, лампы), а долги по ЖКХ составили порядка 2,5 млн руб.

Администрация города была вынуждена обратиться в суд с требованием выселить выпускников из квартир и предоставить им места в общежитии. Часть выпускников действительно были выселена, для оставшихся это был своеобразный воспитательный момент, который действительно возымел действие. На сегодняшний день этот многоквартирный дом не числится проблемным с точки зрения управляющей компании.

Рассматривая проблематику связанную с детскими домами, необходимо понимать, а как же вообще появился данный социальный конструкт и какие смыслы были заложены. Историческая наука рассматривает детские дома и дома-интернаты в контексте социально-экономического и социокультурного развития общества.

Так, например, после 1917 года развитие системы внесемейного воспитания, отстраивалось как одна из форм борьбы с беспризорностью. И на тот момент существовали два противоборствующих лагеря. Одни считали, что государственное учреждение лучше может воспитать гражданина социалистического общества, чем его зараженные пережитками прошлого родители. Другие, в их числе был нарком просвещения А. В. Луначарский, рассматривали детский дом не в качестве «родоначальника социалистической системы интернатного воспитания будущего», а скорее как своеобразную «воспитательную лабораторию» [8].

В конце 20-х годов прошлого века в социальной политике возобладал реалистичный подход в этой сфере. Об этом свидетельствуют постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 марта 1926 г. «О мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью в РСФСР» и от 14 апреля 1928 г. «О мероприятиях по оказанию помощи детям беднейших семейств», которые обозначили отказ от идеи практического перехода к всеобъемлющему государственному воспитанию.

История развития системы учреждений для детей-сирот в данном историческом периоде свидетельствует, что забота о жизни, здоровье осиротевшего ребенка постепенно уступает место воспитанию. У истоков создания новой системы воспитания стояли А. В. Луначарский, Н. К. Крупская, П. П. Блонский и др.

Основной чертой обновленного подхода к воспитанию выделяются следующие черты:

- государственность образования и воспитания;
- принцип коллективизма в воспитании;
- единые социальные требования;
- трудовое обучение.

Начало 1930-х годов отмечено новой волной роста беспризорности, вследствие разрушения традиционного уклада крестьянской жизни, голода 1932–1933 гг. и репрессий.

Фактически, именно в этот исторический период была заложена форма организационной работы с детьми-сиротами, которая предполагала идеологическую основу, связанную с коллективизмом и обязательным трудом. Большое распространение в это время получили так называемые детские городки, включавшие в себя школу, интернат-общежитие и мастерские. Существовали также школы-коммуны, призванные обеспечить свое существование за счет труда помещенных в них детей [8].

Надо отметить, что в период 1920–1930 гг. не один раз менялся государственный (советский) подход к социальной помощи: отказ от полного отказа от институтов общественного презрения к сочетанию общественной и государственной деятельности, переход к огосударствлению социальной политики.

Преобразования, которые произошли на сегодняшний день колоссальны. Оставив организационную структуру, содержательный компонент претерпел изменения. В этом есть логика, так как изменился весь социальный общественный формат. Но изменения в воспитательном процессе, затронув корневую основу, не повлекли за собой структурных изменений. Безусловно, в настоящее время оптимизации условий для гармоничного развития личности детей, оставшихся без семьи, уделяется достаточно внимания, развивается семейное жизнеустройство сирот (Г. В. Семья, В. Н. Ослон, А. Б. Холмогорова и др.), однако проблема потребительства среди воспитанников детского дома остается по-прежнему актуальной.

Кроме социальных причин снижения адаптационного потенциала детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, существуют и психологические причины проблемы. Большинство таких детей имеет в анамнезе травмирующие события (потеря родителей, физическое и психологическое насилие, постоянная смена образовательных учреждений и т. д.) и испытывают влияние депривации.

Именно в отношенческом проявлении к действительности становятся видны яркие проявления сцепки социального и личностного. «Рассматривая человека как единичную персону, мы можем понять его, мысля в категориях самопроявления» [4]. При этом самопроявление выпускников детских домов характеризуются особым процессом социализации. Для них характерны следующие специфические особенности:

- неумение общаться с людьми вне учреждения, трудности установления контактов со взрослыми и сверстниками, отчужденность и недоверие к людям, отстраненность от них;
- нарушения в развитии чувств, не позволяющие понимать других, принимать их, опора только на свои желания и чувства;
- сниженный уровень социального интеллекта, что мешает понимать общественные нормы, правила, необходимость соответствовать им;
- слабо развитое чувство ответственности за свои поступки, безразличие к судьбе тех, кто связан с ними свою жизнь, чувство ревности к ним;
- потребительская психология в отношениях к близким, государству, обществу;
- неуверенность в себе, низкая самооценка, отсутствие постоянных друзей и поддержка с их стороны;
- отсутствие волевой сферы, целеустремленности, направленной на будущую жизнь; чаще всего целеустремленность проявляется лишь в достижении ближайшей цели: получить желаемое, привлекательное;
- несформированность жизненных планов, жизненных ценностей, потребность в удовлетворении только самых насущных потребностей (еда, одежда, жилище, развлечения);
- низкая социальная активность, желание быть незаметным, не привлекать к себе внимания;
- склонность к аддитивному (саморазрушающему) поведению – злоупотребление одним или несколькими психоактивными веществами, обычно без признаков зависимости (курение, употребление алкоголя, легких наркотиков, токсичных и лекарственных веществ), что может служить своеобразной регрессивной формой психологической защиты.

Подростки стоят на пороге самостоятельной жизни, к которой они не считают себя готовыми. С одной стороны, они хотят жить самостоятельно, отдельно, быть независимыми ни от кого, а с другой боятся этой самостоятельности, так как понимают, что без поддержки родителей, родственников им не выжить, а на нее они рассчитывать не могут. Эта двойственность чувств и желаний приводят к неудовлетворенности своей жизнью и собой, стремлению жить на готовом, во всем рассчитывать на помощь других, а не на свои силы [2].

Изучение такого социально-психологического феномена, как правило, проводится в рамках исследования социальных проблем (Е. С. Балабанова, С. Ю. Барсукова, И. Г. Дубов, К. А. Касьянова, В. Магун и др.). Теоретический анализ литературы, представленной трудами по психолого-педагогическим отраслям знания, свидетельствует об отсутствии самостоятельного изучения психологии феномена иждивенчества. В основном авторы ограничиваются указаниями либо на его тесную взаимосвязь с другими аспектами психической жизни только детей и подростков (Н. И. Алпатов, Р. Т. Байярд, Д. Байярд, В. С. Мухина), либо рассматриваются механизмы, ведущие к деформации активности и формированию пассивной жизненной позиции (К. А. Абульханова-Славская, Б. Г. Ананьев, П. М. Ершов, В. Н. Мясищев, П. В. Симонов).

Особенно важным представляется исследование феномена иждивенчества в специфической среде воспитания в детских учреждениях закрытого типа. Многочисленные исследования последних лет доказывают наличие существенных проблем в социальной адаптации как выпускников, так и детей, еще находящихся в условиях детского дома, одной из которых является четко сформированная иждивенческая позиция. Наличие полного социального обеспечения при искусственном ограничении трудового воспитания простейшими навыками самообслуживания, редкое привлечение к решению важных дел, недостаточное обсуждение собственных прав, а главное, обязанностей приводит к тому, что воспитанники детских домов и интернатов выпускаются в «реальный» мир не подготовленными к самостоятельной жизни. В результате, такое социальное иждивенчество является как одним из источников бедности, так и одним из условий ее.

Рядом авторов отмечается, что жизнь под опекой в закрытых учреждениях как бы физически отделяет воспитанника от общества, почти не создает условий для получения социальных и хозяйственных навыков, детей не готовят к реальной последующей жизни, а только «вращивают до определенного возраста». Свидетельством тому является неумение и нежелание подростков готовить еду, мыть посуду, стирать себе вещи, проведение значительной части времени впустую, ничего не делая, стремление жить на всем готовом, не прикладывая к этому усилий, другими словами, подростки, став иждивенцами поневоле, выносят подобный образ жизни в реальный взрослый мир, сталкиваясь с серьезными трудностями дальнейшей социализации.

На данный момент негосударственными общественными организациями поднимается вопрос о нецелесообразности спонсорских подарков. Так как привезенные вещи, игрушки усугубляют навыки связанные с потребительством. Как альтернативу общественные организации обозначают необходимость адресной помощи и поддержки связанной с учебой и саморазвитием ребенка (работа с репетитором, взаимодействие с наставниками).

В связи со сказанным выше, вполне логичным и обоснованным представляется исследование психологии феномена иждивенчества в специфических условиях жизни и воспитания ребенка вне семьи, которые отличаются наличием полного социального обеспечения, строгой регламентацией и монотонностью образа жизни, отсутствием свободы выбора в поведении и общении, ориентацией на внешний контроль.

Изучению особенностей различных сторон психики детей в условиях детского дома посвящено много исследований (Н. И. Алпатов, Л. И. Божович, Л. Н. Галигузова, И. В. Дубровина, Й. Лангмейер, Матейчик, В. С. Мухина, А. М. Прихожан, А. Г. Рузская, Н. Н. Толстых и др.). Однако отсутствуют систематизированные данные, указывающие на комплексный подход к решению заявленной проблемы, что приводит к возникновению ряда противоречий:

– между возрастающим уровнем требований общества к самостоятельности личности и фактической инфантильностью подростков, воспитывающихся в условиях детского дома; между иждивенчеством как доминирующей жизненной позицией подростков детского дома и недостаточной психологической изученностью данного феномена;

– между имеющимися научно-методическими разработками по развитию жизненной компетенции воспитанников детского дома и дефицитом практико-ориентированных подходов к проблеме преодоления их иждивенческой позиции.

Указанные противоречия обусловили существование проблемы, которая заключается в том, что хотя иждивенчество и является одним из наиболее характерных качеств личности воспитанников детского дома, но тем не менее психологические механизмы преодоления иждивенческой позиции подростков, находящихся на полном государственном обеспечении в специфических условиях воспитания вне семьи, недостаточно изучены как отечественной, так и зарубежной наукой. Это приводит к тому, что, вступая в самостоятельную жизнь, большинство подростков надолго сохраняют сформированную в условиях детского дома жизненную позицию и характерные для нее гедонистическую систему ценностей, пассивность, потребительское отношение к окружающим, тенденцию манипулировать другими, что существенно снижает возможности социальной адаптации ребенка. Тем самым повышаются риски развития негативного жизненного сценария.

Библиографические ссылки

1. Байбородова Л. В., Жедунова Л. Г., Посысов Н. Н. Преодоление трудностей социализации детей-сирот : учеб. пособие. М., 1997.
2. Дементьева И. Ф. Адаптация детей-сирот. Современные перспективы в условиях рынка. М., 1992.
3. Ефремова М. Ю. Проблемы социализации выпускников детских домов // Инновационные направления деятельности образовательных учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Современные подходы к организации образовательного процесса в МБОУ детском доме им. Талалихина. М., 2011.
4. Лукьянченко Н. В. Возможности прикладной социальной психологии в оптимизации работы служб сопровождения (на примере взаимодействия с родителями детей, имеющих особенности развития) // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6, № 2. С. 117–131.
5. Нечаева А. М. Россия и ее дети (ребенок, закон, государство). М., 2000.
- Олиференко Л. Я. Социально-педагогическая поддержка детей группы риска. М., 2002. С. 66–80.
6. Романова П. Н., Ярская-Смирнова Е. А. Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность. М. : ООО «Вариант» ЦСПГИ, 2007. 432 с.
7. Тришина О. В. Методики психолого-педагогической диагностики в постинтернатном сопровождении выпускников учреждений общественного воспитания // Общепедагогические технологии. М., 2007.
8. Шипицина Л. М. Психология детей-сирот. СПб., 2005. С. 139–143.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Азарёнок Наталья Валерьевна, кандидат психологических наук, доцент, Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь.

Алигаева Нигар Назимовна, аспирант, Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского, г. Калуга, Российская Федерация.

Аликин Марк Игоревич, аспирант, Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева, психолог Краевого центра семьи и детей, г. Красноярск, Российская Федерация.

Астрейко Анастасия Викторовна, студент, Барановичский государственный университет, г. Барановичи, Республика Беларусь.

Безносков Дмитрий Сергеевич, кандидат психологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Берзина Ольга Анатольевна, аспирант, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация.

Брасс Александр Анатольевич, кандидат экономических наук, доцент, Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь.

Валуев Олег Сергеевич, преподаватель-исследователь в области психологических наук, младший научный сотрудник Школы антропологии будущего Института общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация.

Водяха Сергей Анатольевич, кандидат психологических наук, доцент, Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация.

Водяха Юлия Евгеньевна, кандидат психологических наук, доцент, Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация.

Волков Роман Сергеевич, аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация.

Воробьева Светлана Александровна, магистр педагогических наук, старший преподаватель, Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь.

Гагарина Юлия Алексеевна, студент, Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева, г. Красноярск, Российская Федерация.

Гадилля Алла Михайловна, кандидат психологических наук, доцент, Белорусский государственный экономический университет, г. Минск, Республика Беларусь.

Головкова Юлия Вадимовна, магистрант, Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева, г. Красноярск, Российская Федерация.

Гончарук Лилия Анатольевна, студент, Барановичский государственный университет, г. Барановичи, Республика Беларусь.

Гостева Ольга Валерьевна, кандидат экономических наук, доцент, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация.

Дайлиденко Валерия Николаевна, студент, Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь.

Еременко Марина Сергеевна, аспирант, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, старший преподаватель, Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева, г. Красноярск, Российская Федерация.

Захарова Лидия Станиславовна, аспирант, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, руководитель отделения психологической помощи по телефону «Детский телефон доверия» Краевого государственного бюджетного учреждения социального обслуживания «Краевой центр семьи и детей», г. Красноярск, Российская Федерация.

Золотарева Алена Анатольевна, кандидат психологических наук, старший преподаватель, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Российская Федерация.

Иванов Игорь Анатольевич, доцент, Красноярский государственный институт искусств имени Д. Хворостовского, г. Красноярск, Российская Федерация.

Кивайко Владимир Николаевич, кандидат психологических наук, доцент, Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь.

Кишея Инна Леонидовна, магистр психологических наук, старший преподаватель, Барановичский государственный университет, г. Барановичи, Республика Беларусь.

Коловская Ольга Аркадьевна, магистрант, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Российская Федерация.

Красноперова Нина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация.

Крошенко Денис Сергеевич, студент, Белорусский национальный технический университет, г. Минск, Республика Беларусь.

Ксенофонтова Елена Геннадьевна, кандидат психол. наук, доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация.

Кудрявцева Екатерина Александровна, аспирант, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, руководитель спа ООО «ОТЕЛЬ Менеджмент», г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Кудрявцева Елена Игоревна, кандидат психологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Кузина Дарья Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева, г. Красноярск, Российская Федерация.

Кулько Екатерина Ивановна, магистр управления, старший преподаватель, Белорусская государственная сельскохозяйственная академия, г. Горки, Республика Беларусь.

Лимкина Надежда Александровна, старший научный сотрудник отдела мониторинга территориального управления, Государственное казенное учреждение Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга», г. Саранск, Российская Федерация.

Лихошерстова Наталья Александровна, аспирант, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, директор благотворительного фонда «Счастливые дети», г. Красноярск, Российская Федерация.

Лукьянченко Наталья Владимировна, кандидат психологических наук, доцент, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация.

Месникович Светлана Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, г. Минск, Республика Беларусь.

Осмоловская Кристина Юрьевна, студент, Белорусский национальный технический университет, г. Минск, Республика Беларусь.

Островский Сергей Николаевич, кандидат психологических наук, доцент, Белорусский государственный экономический университет, г. Минск, Республика Беларусь.

Пахальян Виктор Эдуардович, кандидат психологических наук, профессор, научный редактор журнала «Психологическая наука и образование», Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация.

Петрушихина Елена Борисовна, кандидат психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация.

Полещук Юлия Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, г. Минск, Республика Беларусь.

Пономарева Марина Авинировна, кандидат психологических наук, доцент, Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь.

Почебут Людмила Георгиевна, доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Савельева Анастасия Михайловна, методист, ГУО «Центр дополнительного образования детей и молодежи», г. Минск, Республика Беларусь.

Смирная Анастасия Андреевна, кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой психологии и педагогики, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация.

Суровцева Юлия Геннадьевна, аспирант, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация.

Талипова Олеся Азатовна, кандидат психологических наук, доцент, Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова, г. Казань, Российская Федерация.

Титова Ольга Ивановна, доцент, Сибирский юридический институт МВД России, доцент, Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева, г. Красноярск, Российская Федерация.

Уткевич Ольга Ивановна, кандидат филологических наук доцент, Витебский государственный технологический университет, г. Витебск, Республика Беларусь.

Финогенова Ольга Николаевна, кандидат психологических наук, доцент, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Российская Федерация.

Черчес Татьяна Евгеньевна, кандидат психологических наук, доцент, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, г. Минск, Республика Беларусь.

Чех Виктория Евгеньевна, студент, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация.

Шершнёва Татьяна Викторовна, кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой «Психология», Белорусский национальный технический университет, г. Минск, Республика Беларусь.

Шпак Светлана Леонидовна, студент, Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь.
